

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

ПТИЦА—СЛАВА

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

ПТИЦА—СЛАВА

в родине подвигах·гести

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

ПТИЦА—СЛАВА

ПОВЕСТИ ИЗ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1982

P2

A47

A $\frac{70302-029}{068(02)-82}$ 120.82.4702010200.

© Воениздат, 1982

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАПИТАН БОМБАРДИРСКОЙ РОТЫ

Издавна русские считались хорошими мореходами. Они совершали далекие плаванья и торговали с другими народами. Но враги стремились отнять у России выходы к морю. Северными берегами Черного моря завладели турки. Берега Балтийского моря и прилегающие к ним земли латышей и эстонцев захватили шведы. Не раз пытались русские остановить шведскую агрессию. Однако сил не хватало. Швеция в те годы была очень сильным государством. Ее армия считалась одной из лучших в мире. Кроме того, Швеция имела большой, хорошо вооруженный флот.

В начале XVIII века борьба со Швецией вспыхнула с новой силой. На русском престоле в это время находился умный и деятельный царь Петр I. В 1700 году он объявил Швеции войну. Она длилась двадцать один год и

закончилась полной победой русских. В истории она получила название Северной. Для России Северная война началась неудачно. Под шведской крепостью Нарвой русские войска потерпели поражение.

Поражение под Нарвой многому научило русских. Именно в эти годы Петр I провел ряд важных государственных и военных реформ. В России стали усиленно строиться фабрики и заводы, особенно быстро развивалось горнорудное дело. Петр I приступил к созданию регулярной русской армии и русского военно-морского флота, основал русскую военную школу, из которой позже вышли такие прославленные полководцы и флотоводцы, как Румянцев, Суворов, Ушаков, Кутузов.

Петр I уделял большое внимание вопросам развития торговли, науки. В годы его правления появилась первая русская печатная газета. В 1701 году в устье реки Невы Петр I заложил новый город, который получил название Санкт-Петербург и вскоре стал столицей русского государства.

Бурная реформаторская деятельность Петра I принесла свои плоды. Русские войска начали одерживать первые победы над грозным противником. Спор между Швецией и Россией был решен в пользу России.

О русском царе и полководце Петре I, о борьбе России за выходы к берегам Балтийского моря и написана эта повесть.

Глава первая

НА РЕКЕ НАРОВЕ

Трудно солдатам в походе

Русская армия шла к Нарве.

«Тра-та-та, тра-та-та!» — выбивали походную дробь полковые барабаны.

Шли войска через старинные русские города Новгород и Псков, шли с барабанным боем, с песнями.

Стояла сухая осень. И вдруг хлынули дожди. Пооблетали листья с деревьев. Размыло дороги. Начались холода. Идут солдаты по размытым дождем дорогам, тонут по колени солдатские ноги в грязи.

Трудно солдатам в походе. На мосту при переправе через небольшой ручей застряла пушка. Продавило одно из колес гнилое бревно, провалилось по самую ступицу.

Кричат солдаты на лошадей, бьют сыромятными кнутами. Кони за долгую дорогу отощали — кожа да кости.

Напрягаются лошаденки изо всех сил, а пользы никакой — пушка ни с места.

Сгрудились у моста солдаты, обступили пушку, пытаются на руках вытащить.

— Вперед! — кричит один.

— Назад! — подает команду другой.

Шумят солдаты, спорят, а дело вперед не движется. Бегают вокруг пушки сержант. Что бы придумать — не знает.

Вдруг смотрят солдаты — несется по дороге резной возок. Подскакали сытые кони к мосту, остановились. Вылез из возка офицер. Взглянули солдаты — капитан бомбардирской роты. Рост у капитана громадный, метра два, лицо круглое, глаза большие, на губе, словно наклеенные, черные как смоль усы.

Испугались солдаты, вытянули руки по швам, замерли.

— Плохи дела, братцы, — посетовал капитан.

— Так точно, бомбардир-капитан! — гаркнули в ответ солдаты.

Ну, думают, сейчас капитан ругаться начнет.

Так и есть. Подошел капитан к пушке, осмотрел мост.

— Кто старший? — спросил.

— Я, господин бомбардир-капитан, — проговорил сержант.

— Так-то воинское добро бережешь! — набросился капитан на сержанта. — Дорогу не смотришь, коней не жалеешь!

— да я... да мы... — заговорил было сержант.

Но капитан не стал слушать, развернулся — и хлоп сержанта по шее. Потом подошел опять к пушке, снял нарядный, с красными отворотами, кафтан и полез под колеса. Поднатужился капитан, подхватил богатырским плечом пушку. Солдаты аж крикнули от удивления. Подбежали, поднавалились. Дрогнула пушка, вышло колесо из пролома, стало на ровное место.

Расправил капитан плечи, улыбнулся, крикнул солдатам:

— Благодарствую, братцы! — Похлопал сержанта по плечу, сел в возок и поскакали дальше.

Разинули солдаты рты, смотрят капитану вслед.

— Ну и дела! — только и вымолвил сержант.

А вскоре солдат догнал генерал с офицерами.

— Эй, служивые, — закричал генерал, — тут государев возок не проезжал?

— Нет, ваше высочество, — ответили солдаты, — тут только и проезжал бомбардирский капитан.

— Бомбардирский капитан? — переспросил генерал.

— Так точно! — отвечали солдаты.

— Дурни, да какой же это капитан? Это сам государь Петр Алексеевич!

«Без Нарвы не видать моря»

Весело бегут сытые кони. Обгоняет царский возок растянувшиеся на многие версты полки, объезжает застрявшие в грязи обозы.

Рядом с Петром сидит человек. Ростом — как царь, только в плечах шире. Это Меншиков.

Меншикова Петр знал с детства.

Служил в ту пору Алексашка Меншиков у пирожника мальчиком. Ходил по московским базарам и площадям, торговал пирогами.

«Пирогы подовые, пироги подовые!» — кричал, надрывая глотку, Меншиков.

Однажды Алексашка ловил рыбу на реке Яузе, напротив села Преображенского. Вдруг смотрит Меншиков — идет мальчик. По одежде догадался — молодой царь.

«Хочешь, фокус покажу?» — обратился Алексашка к Петру. «Хочу».

Схватил Меншиков иглу с ниткой и проткнул себе щеку, да так ловко, что нитку протянул, а на щеке ни кровинки.

Петр от неожиданности даже вскрикнул.

Более десяти лет прошло с того времени. Не узнать теперь Меншикова. У царя первый друг и советчик. «Александр Данилович», — почтительно величают сейчас прежнего Алексашку.

— Эй, эй! — кричит сидящий на козлах солдат.

Кони несутся во весь опор. Подбрасывает на выбоинах царский возок. Разлетается в стороны грязь.

Петр сидит молча, смотрит на спину солдата, вспоминает детство свое, игры и потешное войско.

Жил тогда Петр под Москвой, в селе Преображенском. Больше всего любил военные игры. Набрали для него ребят, привезли ружья и пушки. Только ядер настоящих не было. Стреляли пареной репой. Соберет Петр свое войско, разделит на две половины, и начинается бой. Потом считают потери: одному руку сломало, другому бок отшибло, а третьего и вовсе на тот свет отправили.

Приедут, бывало, из Москвы бояре, начнут Петра за потешные игры бранить, а он наведет на них пушку — бух! — и летит пареная репа в толстые животы и бородастые физиономии. Подхватят бояре полы расшитых кафтанов — и наутек. А Петр выхватит шпагу и кричит: «Виктория!¹ Виктория! Победа! Неприятель спину показал!»

---

¹ Виктория — победа (франц.).

Теперь потешное войско выросло. Это два настоящих полка — Преображенский и Семеновский. Царь величает их гвардией. Вместе со всеми полки идут к Нарве, вместе месят непролазную грязь. «Как-то себя покажут старые дружки-приятели? — думает Петр. — Это тебе не с боярами воевать».

— Государь! — выводит Меншиков царя из раздумья. — Государь, Нарва видна.

Смотрит Петр. На левом, крутом берегу реки Наровы стоит крепость. Кругом крепости — каменная стена. У самой реки виднеется Нарвский замок — крепость в крепости. Высоко в небо вытянулась главная башня замка — Длинный Герман.

А против Нарвы, на правом берегу Наровы, — другая крепость: Ивангород. И Ивангород обнесен неприступной стеной.

— Нелегко, государь, такую крепость завоевать, — говорит Меншиков.

— Нелегко, — отвечает Петр. — А надобно. Без Нарвы нам нельзя. Без Нарвы не видать моря.

«Поговори, государь, с солдатами»

Приехал Петр к Нарве, собрал генералов, стал спрашивать о состоянии войска.

Неловко генералам говорить царю правду. Боятся царского гнева. Докладывают генералы, что все хорошо, что войска дошли без потерь. И пушек достаточно, и ядра есть, и порох хороший.

— А как с провиантом? — спрашивает Петр.

— И провиант есть, — отвечают генералы.

— Так, — говорит Петр, а сам наклонился к Меншикову, шепчет на ухо: — Не верится мне что-то, Данилыч, иное в пути видел.

— Врут. Ей-богу, врут! — отвечает Меншиков. — Поди поговори, государь, с солдатами.

Пошел Петр. Смотрит — солдаты стоят, ружья чистят.

— Как дела, служивые? — спрашивает Петр.

— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают солдаты.

— Ну а народу в пути много полегло? — спрашивает Петр.

— Полегли, государь. Так ведь на то и дорога дальняя. Дожди, государь, непогода.

Взглянул на солдат Петр, ничего не сказал, только дернулся тонкий, словно шило, петровский ус.

Пошел Петр дальше. Смотрит — бомбардиры возятся у пушек.

— Как дела, бомбардиры? — спрашивает Петр.

— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают бомбардиры.

— Ну а как пушки, как порох?

Молчат пушкари, переминаются с ноги на ногу.

— Так как же порох? — переспрашивает Петр.

— Оно ничего, государь, — отвечают бомбардиры.

И снова молчат, снова переминаются с ноги на ногу.

— Что — ничего? Где обозы, где порох? — не вытерпев, закричал Петр.

— Поотстали, государь, обозы, — отвечают солдаты. — Так ведь дорога дальняя, грязь непролазная. А порох есть, государь. Как же без пороха на войну идти? Подвезут, чай, порох.

И снова дернулся петровский ус, сжались в кулаки огромные руки.

Пошел царь дальше. Смотрит — драгуны коней чистят.

— Как дела, молодцы? — спрашивает Петр.

— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают драгуны.

— А как с харчами?

— Вот с харчами разве что худо. Да оно ничего, го-

сударь, — отвечают драгуны, — народ терпит. Коней жалко.

Перекосилось от злобы петровское лицо. Понял царь, что генералы говорили неправду. Вернулся Петр в генеральскую избу, снова собрал совет.

— Как же со шведом воевать будем? — заговорил царь. — Где порох, где обозы? Чего солдат в пути загубили? Чем живых кормить будем? Чего брехали, правду не сказывали?!

Молчат генералы, смотрят на царя исподлобья, заговаривать боятся.

Наконец встал старший по чину, Автамон Головин:

— Петр Алексеевич, не гневайся. Русский мужик вынослив. Бог милостив, уж как-нибудь.

— Дурак! — рявкнул Петр. — На божьей милости далеко не уедешь! Пушки нужны, ядра, корм лошадям и людям. Дело оно не шутейное. Шкуру спущу, коли порядку не будет! Поняли?

И вышел, да так хватил дверью, что у генералов мурашки по спине пробежали.

«Кто трусит — ступай в обоз»

Следить за осадой Нарвской крепости Петр поручил генерал-инженеру барону Галларту. В России в то время было мало знающих людей, вот и приходилось приглашать иностранцев.

Однако, приехав под Нарву, барон неохотно занимался своим делом. Галларта все раздражало: и пушек у русских мало, и кони тощи, и солдаты плохо обучены. Ходил Галларт всем недовольный и только злил Петра.

Несколько раз царь приглашал иностранного генерала пройтись вокруг крепости, осмотреть самому шведские укрепления, но Галларт каждый раз находил какую-нибудь причину, чтобы не пойти с Петром.

Тогда Петр взял лист бумаги, карандаш и пошел сам.

Шведы увидели царя, стали стрелять. Ударяются рядом с Петром шведские пули, а он ходит, чертит что-то на бумаге, делает вид, что ничего не замечает. Стыдно стало Галларту. Нехотя пошел догонять Петра.

Однако Петр ходит у самой крепости, а подойти к крепости Галларт боится. Остановился барон в безопасном месте, кричит:

— Ваше величество!

Хочет Галларт, чтобы царь обратил на него внимание, машет Петру рукой.

Петр молчит.

— Ваше величество! — еще громче кричит Галларт. И вновь никакого ответа.

Понял Галларт, что Петр нарочно не отзывается: ждет, когда барон подойдет ближе. Набрался генерал храбрости, сделал несколько шагов вперед. А в это время грянула с крепостной стены шведская пушка, просвистала в осеннем воздухе неприятельская бомба, шлепнулась в лужу недалеко от Галларта. Бросился барон на землю ни жив ни мертв. Лежит, ждет, когда бомба разорвется.

Однако бомба не разорвалась. Приоткрыл тогда Галларт глаза, приподнял голову, смотрит — рядом стоит Петр. Улыбается Петр, подает генерал-инженеру руку.

Покраснел Галларт, поднялся с грязной земли, говорит царю:

— Ваше величество, да царское ли это дело под пулями ходить!

— Царское не царское, — отвечает Петр, — а приходится. Видать, помощники у меня плохи. Не те помощники. А дело — оно военное. Тут кто трусит — ступай в обоз.

Смутился генерал Галларт, обиделся на царя, поднял с земли свою шляпу и пошел к русскому лагерю. А Петр посмотрел ему вслед и только головой покачал.

О двух мужиках

Осада Нарвы затянулась. Вначале ждали поотставшие в дороге полки. Потом, когда начали обстрел вражеской крепости, оказалось, что русские пушки плохи. При стрельбе отваливались у пушек лафеты, ломались колеса, разрывались стволы.

В русском лагере поползли слухи, что шведов не одолеть, что на помощь крепости спешит сам шведский король.

Приближалась зима. Пошли длинные холодные ночи. Свистел колючий ветер. Почти над самой землей двигались черные, зловещие тучи.

В одну из таких ночей Петр шел по лагерю, спустился к Нарове. Вдоль берега реки, ежась от холода, расхаживал часовой.

— Эй, служивый! — закричал Петр.

Часовой вздрогнул. Обернулся. Узнал Петра. Вытянул руки по швам.

— Ну как, побьем шведов? — обратился Петр к солдату.

— Бог, государь, он милостив. Может, и побьем, — ответил часовой.

— Что бог! А ты как мыслишь?

— Что я? Я как все, — молвил солдат.

— А как все? — допытывается Петр.

— Да разное говорят, государь. Побьют нас шведы, говорят.

— Дурак! — выругался Петр, сплюнул с досады и пошел дальше.

— Государь, — услышал он тихий оклик.

— Ну что? — спросил недовольно Петр и вернулся к солдату.

— Государь, дозволю притчу рассказать.

— Притчу? — переспросил Петр. Усмехнулся: — Рассказывай.

— В давние времена, — начал солдат, — жили на селе два мужика. Пахали мужики землю, рожь сеяли. Да только жили мужики по-разному. У одного к осени все закрыма полны хлебом, а другой соберет чуть более того, что посеял. Стало обидно второму мужику. В чем дело, какой такой секрет у товарища? Лежит мужик всю зиму на печи, думу свою думает. Наконец не вытерпел, пошел к соседу.

«Почему это, — говорит, — у тебя такое везение?»

«А у меня на то особый секрет есть», — слышит в ответ.

«Какой секрет?» — спрашивает неудачливый мужик.

«А вот, — отвечает сосед и показывает ладони. — Вот тут, — говорит, — мой секрет и есть».

Обрадовался мужик, смотрит на ладони, а там пусто.

«Да тут ничего нет!» — говорит он с обидой.

«Как — нет? Есть, — отвечает сосед. — Смотри лучше». И показывает на мозоли.

«Да какой же это секрет? — еще больше обиделся мужик. — Мозоли и у меня есть!» И смотрит на свои руки.

Смотрит, а никаких мозолей на них и нет. Пролежал всю зиму мужик на печи, вот и сошли мозоли.

— Э-э, — проговорил Петр, — да, я смотрю, ты не-глуп!

— Так точно, господин бомбардир-капитан.

— Что — так точно? — переспросил Петр.

Солдат смутился и добавил:

— Думать и трудиться надо.

Петр рассмеялся.

А через несколько дней, забрав Меншикова, царь уехал в Новгород. Помчался собирать новые полки да подгонять поотставшие в пути обозы.

Всю дорогу Петр ехал молча, все о солдатской притче думал.

«Страх — он хуже смерти»

Солдат Федор Грач сидел в окопе. Держал Грач в руке фузею, ждал, когда подойдут шведы. Отродясь еще не приходилось Федору стрелять из ружья. Не обучив ружейным приемам, так и послали на войну.

— Боязно? — спрашивает Федора сосед по окопу, уса-
тый, уже немолодой солдат.

— Боязно, — отвечает, краснея, Грач.

— Оно и понятно, — говорит солдат. — А ты не думай о страхе. От него, от страха, немало зла на войне бывает. Страх — он хуже смерти.

В ночь перед приходом шведов лег туман. К рассвету пошел снег. Начался ветер, погнал в сторону русских снежные вихри. Холодный ветер леденил солдат. Вьюжило. В двадцати шагах нельзя было различить друг друга.

Усатый солдат то и дело прикладывал к земле ухо — слушал, не идут ли шведы.

Шведы появились неожиданно, словно из-под земли выросли. Обрушились шведские стрелки на русские окопы.

Поднял Грач ружье, выстрелил. А что дальше произошло, уже и понять не мог. Перемешались в окопах русские и шведские мундиры. И рад бы стрелять Федор, а куда — не знает. Разыгралась вьюга, слепит глаза, где свой, где швед — разобрать трудно.

И вдруг прошел слух: «Немцы предали». Оказывается, барон Галларт и другие иностранные офицеры перешли на сторону шведов. Оставшись без командиров, русские дрогнули, началась паника. Полки устремились к Нарове. Солдаты бежали к единственному мосту через реку. Вместе со всеми бежал и Федор Грач. Бежал, не видя ничего, бежал, спотыкался, падал, поднимался и снова бежал. Мост был временный, легкий. Поравнялся Грач с мостом и вдруг вспомнил слова бывалого солдата. Остановился Федор, повернулся к товарищам.

— Стой! — кричит. — Стой, братцы! Страх — он хуже смерти!

Кричит Грач, но никто не обращает на него внимания. Хватает Грач товарищей за руки, хочет остановить, да где уж. Оттолкнули солдаты Федора в сторону, побежали по шатким, прогибающимся доскам моста. Мост прогнулся. Деревянный настил осел, коснулся воды. Забурлила вода, заклокотала. И вдруг мост не выдержал. Оборвались непрочные пеньковые канаты. Скрипнул мост, развалился. Смотрит Грач на Нарову — несет река свои воды, тащит в пучину русских солдат.

Отвернулся Федор, сел на камень, схватился за голову. Вдруг слышит: кто-то положил ему на плечо руку.

Поднял Грач голову, смотрит — перед ним бывалый солдат.

— Видишь, что страх делает? — обращается солдат к Федору.

— Вижу.

— То-то, — говорит солдат. — Знай. А сейчас бери фузею. Слышишь, справа пальба идет. То царевы гвардейские полки — Преображенский и Семеновский — бьются. Пошли им на помощь. А что народ гибнет, на то и война. Тут кто страх поборол, тот и есть настоящий солдат.

«Пусть сам черт воюет с такими солдатами!»

Подходя к Нарве, шведский король Карл говорил: «Московские мужики разбегутся при одном виде моих солдат».

Однако вскоре королю пришлось изменить свое мнение. Не хотел, а все же пришлось. Произошло это вот как.

Услышав сильную пальбу близ Наровы — а там бились преображенцы и семеновцы, — Карл бросился к своим войскам.

Король подоспел вовремя: гвардейцы оттеснили, отбили шведов. Того и гляди, обратятся шведы в позорное бегство.

— Шведы, шведы! — закричал Карл. — С вами бог и ваш король! За мной, шведы!

Солдаты воспрянули духом и с новой силой бросились в битву.

Слева, с невысокого холма, била русская пушка. С шипением врезались ядра в шведские ряды, валили по нескольку человек сразу.

— Пушки, подать сюда пушки! — закричал Карл.

Несколько солдат бросились выполнять приказ. Вскоре появилась шведская батарея.

— Огонь!

Ядра легли с недолетом, метрах в тридцати от русской пушки.

— Огонь! — закричал Карл.

Опять недолет.

С третьего выстрела легли шведские ядра рядом с пушкой. Поднялась снежная пыль. словно игрушечных, подкинуло в воздух и разбросало в разные стороны русских солдат.

— Ура! — закричал Карл. — Ура! — И замахал шляпой.

Однако когда улеглась пыль, король увидел: у пушки, словно вовсе и не было залпа, стоит солдат. Карл посмотрел — у солдата нет правой руки. Весь бок пушкаря залит кровью. словно надломленный сук, торчит из плеча оголенная кость. Солдат держит в левой руке запал, что-то кричит, наводит пушку прямо на шведского короля.

— Безумец! — закричал король.

В это время грянул новый выстрел, и Карл упал с лошади.

Когда король вылез из-под убитого коня и осмотрелся, на прежнем месте солдата уже не было. Прихрамы-

вая на ушибленную ногу, Карл поднялся на холм. Рядом с русской пушкой, истекая кровью, лежал солдат. Глаза героя были полузакрыты, губы произносили какие-то слова. Карл наклонился к умирающему. «Русский шведа и одной левой бьет», — повторял упрямо солдат.

Уже потом, когда кончился бой, Карл пытался узнать, как звали героя. Однако никто ответить королю на его вопрос не мог. Тогда Карл вызвал барона Галларта.

— Что за солдат, не знаю, — ответил Галларт, — однако, ваше величество, могу вас заверить, что таких у русских немало. Не люди — безумцы. Пусть сам черт воюет с такими солдатами!

Посмотрел Карл на Галларта, вспомнил свои слова, сказанные при подходе к Нарве, задумался, ничего не ответил.

Как майор Пиль смерть принял

Еще в Москве нагадала старая цыганка майору Пиллю, что примет он смерть от руки русского солдата. (Немец майор Пиль состоял на службе у русских.)

Нрав у Пили был веселый, легкий. Посмеялся он над словами цыганки, рассказал товарищам да и забыл. Вспомнил о них уже под Нарвой, в самый разгар боя.

Узнав, что барон Галларт и другие иноземные офицеры изменили русским, майор Пиль тоже хотел перейти на сторону шведов. Однако майору не повезло. Перехватил Пили русский солдат. Лицо у солдата здоровое, глаза злые. Не дал он немцу перебежать к врагу.

— Фу ты, вредная! — помянул в эту минуту майор цыганку.

Отбежал Пиль в глубь лагеря, забился в офицерскую землянку, просидел там до самого вечера. Все боялся майор, что вот-вот ворвется в землянку солдат со злыми глазами. Потом успокоился: мол, беда миновала. Стал ждать, когда в русском лагере наконец появятся шведы.

Однако шведы не шли. Не одержав победы над пре-
ображенцами и семеновцами, шведы прекратили бой.

А вечером к землянке подбежал русский солдат, стук-
нул в дверь, закричал:

— Господ офицеров на военный совет!

Пришел Пиль в генеральскую избу, а там все реше-
но. Договорились генералы послать к шведам своих пос-
лов просить о перемирии. Выделили князя Козловского
и майора Пиль.

Вышли послы на улицу. Кругом солдаты. Собирают-
ся они группами, о чем-то спорят, шумят, перебивают
друг друга. Несутся в ночном воздухе солдатские голоса:

— Не сдадимся шведам!

— Не отступим!

— Животы положим, а со стыдом не уйдем!

Обошли князь Козловский и майор Пиль солдат сто-
роной. На всякий случай шли осторожно, крадучись.
Двинулись к шведским позициям. Однако у границы рус-
ского лагеря послов окликнули часовые.

— Стой! Кто такие? Откуда? — раздались звонкие го-
лоса.

И сразу к послам из темноты подступило несколько
человек.

— Да, никак, свои,— заговорили солдаты.— Да чего
их сюда понесло?

Послы растерялись. Захлопал выпученными глазами
Пиль. Ради осторожности сделал шаг назад, стал за ши-
рокую спину князя Козловского.

Повысил князь голос, пытался прикрикнуть на сол-
дат, да ничего не получилось. Пришлось рассказать, в
чем дело.

— Ироды! — закричал кто-то.— Шкуру свою спа-
саете!

— Что вы, братцы, что вы! — вмешался Пиль.— Ради
вас стараемся...— И осекся: показалось Пилю, что стоит
перед ним тот самый солдат со злыми глазами.

— Предатели! Бей предателей! — понеслись солдатские возгласы.

— Стой, стой, братцы! — только и успел сказать князь Козловский.

Навалились солдаты, бросили послов на землю, стали бить сапогами и прикладами.

Вспомнил еще раз Пиль старую цыганку, дернулся и замер. Охал и стонал, хватаясь за пробитую голову, князь Козловский.

А кругом разносилось:

— Не сдадимся шведам!

— Не отступим!

— Животы положим, а со стыдом не уйдем!

«Ученики выучатся и отблагодарят своих учителей»

Солдаты готовились к новому бою. Однако генералы решили по-своему. В новый бой русская армия не вступила. Генералы договорились с королем Карлом о почетном отступлении.

Ночью через Нарову стали наводить мосты. Затем рота за ротой русские войска принялись переходить на правый ее берег. Переправу охраняли Преображенский и Семеновский полки. С барабанным боем, с распушенными знаменами они последними перешли Нарову.

Весть о поражении русских войск застала Петра в Новгороде. Загнав лошадь, к царю примчался всадник.

— Что там? — спросил Петр.

— Конфузия, государь! — только и ответил прибывший.

Подошел Меншиков. Узнав о поражении русской армии, побледнел, стал причитать:

— Что же теперь? Как же оно будет!

— Цыц! — огрызнулся Петр.

— Святая богородица, да за что же ты нас? — не унился Меншиков.

— Да умолкни ты, дурья башка! — закричал Петр. — От битья железо крепнет, человек мужает. Радуйся, дурак, науке. Чай, не первый раз со шведами бьемся. Дел-то посмотри сколько. Малому ли война научила? Эхма, только работай! Заводы строй, пушки лей, армия, поди, регулярная нужна, офицеры свои, генералы. Отстала Русь. Страна большая, а порядку мало. Помни: ученики выучатся и отблагодарят своих учителей.

Глава вторая

РАДУЙСЯ МАЛОМУ, ТОГДА И БОЛЬШОЕ ПРИДЕТ

«Государь, дозволю молвить»

Зима. Мороз. Ветер. По завьюженной дороге несется резной возок. Подбрасывает седока на ухабах. Разлетается из-под лошадиных копыт белыми лепешками снег. Петр мчится в Тулу, едет на оружейный завод к Никите Демидову.

Демидова Петр знал давно, еще с той поры, когда Никита был простым кузнецом. Бывало, приведут дела Петра в Тулу, зайдет он к Демидову, скажет: «Поучи-ка, Демидыч, железнному ремеслу».

Наденет Никита фартук, вытащит клещами из горна кусок раскаленного железа. Стучит Демидов по железу молотком, указывает Петру, куда бить. У Петра в руках молот. Развернется Петр, по указанному месту — бух! Только искры летят в стороны.

«Так его, так! — приговаривает Демидов. А чуть царь оплошает, закричит Никита: — У, косорукий! — Потом уже скажет: — Ты, государь, не гневайся. Ремесло — оно крик любит. Тут без крику — что без рук».

«Ладно уж», — ответит Петр.

И вот царь опять в Туле.

«Неспроста,— думает Демидов,— ой неспроста царь пожаловал».

Так и есть.

— Никита Демидович,— говорит Петр,— про Нарву слышал?

Не знает, что и сказать Демидов. Скажешь еще не так, только прогневаешь царя. А как же про Нарву не слышать, когда все кругом шепчутся: мол, наломали нашему шведы бока.

Молчит Демидов, соображает, что бы ответить.

— Да ты не хитри, не хитри,— говорит Петр.

— Слышал,— произносит Демидов.

— Вот так-то,— отвечает Петр.— Пушки нужны, Демидыч. Понимаешь, пушки.

— Как же не понять, государь.

— Да ведь много пушек надобно,— говорит Петр.

— Понятно, Петр Алексеевич. Только заводы-то наши, тульские, хилы. Железа нет. Леса нет. Слезы, а не заводы.

Петр и Демидов молчат. Петр сидит на резной лавке, смотрит в окно на заводской двор. Там в рваных армяках и стоптанных лаптях двое мужиков тащат осиновое бревно.

— Вот оно, наше тульское раздолье,— говорит Демидов.— По бревнышку, по бревнышку, как нищие, собираемся.— А потом наклонился к Петру и заговорил тихо, вкрадчиво: — Государь, дозвошь молвить.

Петр встрепнулся, посмотрел на Демидова, повелел:

— Сказывай.

— Тут ездили мои людишки,— проговорил Демидов,— на Урал. И я, государь, ездил. Вот где железа! А леса, леса-то — что тебе море-океан, конца-краю не видно. Вот где, государь, заводы ставить. Оно сразу тебе и пушки, и бомбы, и ружья, и всякая другая надобность.

— Урал, говоришь? — переспросил Петр.

— Он самый,— подтвердил Демидов.

— Слышал про Урал, да ведь далеко, Демидыч, на краю земли. Пока заводы построишь, ого-го сколько времени пройдет!

— Ничего, государь, ничего,— убежденно заговорил Демидов.— Дороги проложим, реки есть. Что там даль — желание было бы. А что долго, так, чай, не один день живем. Глядишь, годка через два и уральский чугун, и уральские пушки — все будет.

Смотрит Петр на Демидова, понимает, что у Никиты думка давно об Урале. Не сводит глаз и Демидов с Петра, ждет царского слова.

— Ладно, Никита Демидович,— наконец соглашается Петр,— быть по-твоему, отпущу указ — поедешь на Урал. Получишь денег из казны, людишек получишь — и с богом. Да смотри у меня. Знай, нет сейчас в государстве иных дел, чтоб важнее горнорудных были. Памятуй. Подведешь — не пожалею.

Через месяц, забрав лучших рудокопных и оружейных мастеров, Демидов уехал на Урал.

А Петр за это время успел послать людей и в Брянск, и в Липецк, и в другие города. Во многих местах на Руси наказал добывать железо и строить заводы.

Колокола

— Данилыч,— вскоре после Нарвы сказал Петр Меншикову,— с церковей колокола снимать будем.

У Меншикова от удивления глаза на лоб.

— Что уставился? — крикнул на него Петр.— Медь нужна, чугун надобен, колокола на пушки лить будем. На пушки, понял?

— Правильно, государь, правильно,— стал поддакивать Меншиков, а сам понять не может, шутит царь или говорит правду.

Петр не шутил. Вскоре по разным местам разъехались солдаты выполнять царский приказ.

Прибыли солдаты и в большое село Лопасню, в Успенский собор. Приехали солдаты в село к темноте, въезжали под вечерний звон. Гудели в зимнем воздухе колокола, переливались разными голосами. Сосчитал по пальцам сержант колокола — восемь.

Пока солдаты распрягали прозябших коней, сержант пошел в дом к настоятелю. Узнав, в чем дело, настоятель насутился, сморщил лоб. Однако встретил солдат приветливо, заговорил:

— Захаживай, служивый, захаживай, зови своих солдатушек. Чай, замаялись в пути, продрогли.

Солдаты входили в дом осторожно, долго очищали снег с валонок, крестились.

Настоятель солдат накормил, принес вина.

— Пейте, служивые, ешьте, — приговаривал.

Охмелели солдаты, уснули. А утром вышел сержант на улицу, посмотрел на звонницу, а там всего один колокол и болтается.

Кинулся сержант к настоятелю.

— Где колокола? — закричал. — Куда колокола девали?

А настоятель руками разводит и говорит:

— Приход у нас бедный, всего и есть один колокол на весь приход.

— Как — один? — возмутился сержант. — Вчера сам видел восемь штук, да и перезвон слышал.

— Что ты, служивый, что ты! — Настоятель замахал руками. — Что ты выдумал! Это разве с пьяных глаз тебе показалось.

Понял сержант, что неспроста их вином поили. Собрал солдат, весь собор осмотрели, подвалы излазили. Нет колоколов, словно в воду канули.

Пригрозил сержант донести в Москву.

— Доноси, — ответил настоятель.

Однако писать сержант не стал. Понял, что и ему быть в ответе. Решил остаться в Лопасне, вести розыск.

Живут солдаты неделю, вторую. По улицам ходят, в дома наведываются. Только про колокола никто ничего не знает. «Были,— говорят,— а где сейчас, не ведаем».

Привязался за это время к сержанту мальчик, Федькой звали. Ходит за сержантом, фузею рассматривает, про войну расспрашивает. Шустрый такой — все поровит у сержанта патрон стащить.

— Не балуй! — говорит сержант. — Найди, где попы колокола спрятали, — патрон твой.

— А дашь?

— Дам.

Два дня Федьки не было видно. На третий прибегает к сержанту, шепчет на ухо:

— Нашел.

— Да ну? — не поверил сержант.

— Ей-богу, нашел! Давай патрон.

— Нет, — говорит сержант, — это мы еще посмотрим.

Вывел Федька сержанта за село, бежит на лыжах-самоделках берегом реки, сержант едва за ним поспевает. Крутит поземка, перекачивается по насту снег. Федьке хорошо, он на лыжах, а сержант спотыкается, проваливается в снег по самый пояс.

— Давай, дяденька, давай, — подбадривает Федька, — уже скоро!

Отбежали от села версты три. За береговой кручей спустились на лед.

— Вот тут, — говорит Федька.

Посмотрел сержант — прорубь. А рядом — еще одна, а чуть дальше — еще и еще. Сосчитал — семь. От каждой проруби тянутся примерзшие ко льду канаты. Понял сержант, куда настоятель колокола спрятал: под лед, в воду. Обрадовался сержант, дал Федьке патрон и кинулся быстрее в деревню.

Приказал сержант солдатам лошадей запрягать, а сам зашел к настоятелю, говорит:

— Прости, батюшка: видать, и впрямь с пьяных глаз

я тогда перепутал. Покидаем мы ноне Лопасню. Уж ты не гневайся, помолись за нас богу.

— В добрый путь! — заулыбался настоятель. — В добрый путь, служивый. Уж помолюсь, обязательно помолюсь.

На следующий день настоятель собрал прихожан.

— Ну, миновало, — сказал он, — пронесло беду стороной.

Пошли прихожане к реке колокола вытаскивать, сунулись в прорубь, а там пусто.

— Ироды, богохульники! — закричал настоятель. — Уехали, увезли. Пропали колокола!

А над рекой гулял ветер, залезал под поповские рясы, трепал мужицкие бороды и бежал дальше, рассыпаясь крупой по косогору.

«Сено, солома!»

Поняли русские после Нарвы, что с необученным войском против шведа не повоюешь. Решил Петр завести регулярную, постоянную армию. Пока нет войны, пусть солдаты занимаются ружейными приемами, привыкают к дисциплине и порядку.

Однажды Петр ехал мимо солдатских казарм. Смотрит — солдаты построены, ходить строем учатся. Рядом с солдатами идет молодой поручик, подает команды. Петр прислушался: команды какие-то необычные.

— Сено, солома! — кричит поручик. — Сено, солома!

«Что такое?» — подумал Петр. Остановил коня, присмотрелся: на ногах у солдат что-то навязано. Разглядел царь: на левой ноге сено, на правой — солома.

Офицер увидел Петра, закричал:

— Смирно!

Солдаты замерли. Подбежал поручик к царю, отдал рапорт:

— Господин бомбардир-капитан, рота поручика Вяземского хождению обучается!

— Вольно! — подал команду Петр.

Поручик царю поправился. Хотел Петр за «сено, солома» разгневаться, но теперь передумал. Спрашивает поручика Вяземского:

— Что это ты солдатам на ноги всякую дрянь навязал?

— Никак не дрянь, бомбардир-капитан, — отвечает поручик.

— Как так — не дрянь! — возражает Петр. — Солдат позоришь. Устав не знаешь.

А поручик все свое.

— Никак нет, — говорит. — Это чтобы солдатам легче учиться было. Темнота, бомбардир-капитан, никак не могут различить, где левая нога, где правая. А вот сено с соломой не путают: деревенские.

Подивился царь выдумке, усмехнулся.

А вскоре Петр принимал парад. Лучше всех шла последняя рота.

— Кто командир? — спросил Петр у генерала.

— Поручик Вяземский, — ответил генерал.

Про боярские бороды

Жили в Москве бояре Буйносов и Курносов. И род имели давний, и дома от богатства ломились, и мужиков крепостных у каждого не одна тысяча.

Но больше всего бояре гордились своими бородами. А бороды у них были большие, пушистые. У Буйносова — широкая, словно лопата, у Курносова — длинная, как лошадиный хвост.

И вдруг вышел царский указ: брить бороды. При Петре заводили на Руси новые порядки: и бороды брить приказывали, и платье иноземного образца заводить, и кофе пить, и табак курить, и многое другое.

Узнав про новый указ, Буйносов и Курносов завздохали, заохали. Бороды договорились не стричь, а чтобы

царю на глаза не попадаться, решили притвориться больными. Однако вскоре сам царь о боярах вспомнил, вызвал к себе.

Стали бояре спорить, кому идти первым.

— Тебе идти,— говорит Буйносов.

— Нет, тебе,— отвечает Курносов.

Кинули жребий — досталось Буйносову.

Пришел боярин к царю, бросился в ноги.

— Не губи, государь,— просит,— не срами на старости лет!

Ползает Буйносов по полу, хватает царскую руку, пытается поцеловать.

— Встань! — крикнул Петр. — Не в бороде, боярин, ум — в голове.

А Буйносов стоит на четвереньках и все свое твердит:

— Не срами, государь.

Разозлился тогда Петр, кликнул слуг и приказал силой боярскую бороду резать.

Вернулся Буйносов к Курносову весь в слезах, держится рукой за голый подбородок, толком рассказать ничего не может.

Страшно стало Курносову идти к царю. Решил боярин бежать к Меншикову, просить совета и помощи.

— Помоги, Александр Данилыч, поговори с царем,— просит Курносов.

Долго думал Меншиков, как начать разговор с Петром. Наконец пришел, говорит:

— Государь, а что, если с бояр за бороды брать выкуп? Хоть казне польза будет.

А денег в казне как раз было мало. Подумал Петр, согласился.

Обрадовался Курносов, побежал уплатил деньги, получил медную бляху с надписью: «Деньги взяты». Надел Курносов бляху на шею, словно крест. Кто остановит, привяжется, почему бороду не остриг, он бороду приподымает и бляху показывает.

Еще больше теперь загордился Курносов, да зря. Прошел год, явились к Курносову сборщики налогов, потребовали новой уплаты.

— Как так! — возмутился Курносов. — Деньги мной уже плачены! — И показывает медную бляху.

— Э, да этой бляхе, — говорят сборщики, — срок кончился. Плати давай за новую.

Пришлось Курносову опять платить. А через год и еще раз. Призадумался тогда Курносов, прикинул умом. Выходит, что скоро от всех курносовских богатств ничего не останется. Только одна борода и будет.

А когда пришли сборщики в четвертый раз, смотрят — сидит Курносов свежевыбрит, злыми глазами на сборщиков глядит.

На следующий день Меншиков рассказал царю про курносовскую бороду. Петр рассмеялся.

— Так им, дуракам, и надо, — сказал. — Пусть к новым порядкам привыкают. А насчет денег это ты, Данилыч, умно придумал. С одной курносовской бороды, поди, мундиров на целую дивизию нашили.

Чему молодые бояре за границей учились

Не успели Буйносов и Курносов забыть старые царские обиды, как тут новая. Приказал Петр собрать пятьдесят самых знатных боярских сынков и послать за границу учиться. Пришлось Буйносову и Курносову отпрадывать и своих сыновей.

Поднялся в боярских домах крик, плач. Бегают мамы, суетится дворня, словно и не проводы, а драка какая.

Расходилась буйносовская боярыня:

— Единого сына — и бог знает куда, в иноземщину, черту в зубы, немцу в пасть! Не пущу! — вопит. — Не отдам!

— Цыц! — закричал Буйносов на жену. — Государев приказ, дура! В Сибирь захотела, на дыбу?

И в доме Курносова шуму не меньше. И Курносову пришлось закричать на жену:

— Дура! Плетью обуха не перешибешь, от царя-супостата не уйдешь! Терпи, старая.

Через год молодые бояре вернулись. Вызвали их к царю определять на государеву службу.

— Ну, рассказывай, Буйносов, сын боярский, — потребовал Петр, — как тебе жилось за границей.

— Хорошо, государь, жилось, — отвечает Буйносов. — Народ они ласковый, дружный, не то что наши мужики — рады друг другу в бороду вцепиться.

— Ну а чему научился?

— Многому, государь. Вместо «батюшка» говорить «фатер» научился, вместо «матушка» — «муттер».

— Ну а еще чему? — допытывался Петр.

— Кланяться еще, государь, научился и двойным и тройным поклоном, танцевать научился, в заморские игры играть умею.

— Да, — сказал Петр, — многому тебя научили. Ну а как тебе за границей, понравилось?

— Ух, как понравилось, государь! Хочу в Посольский приказ: уж больно мне любо за границей жить.

— Ну а ты что скажешь? — спросил Петр молодого Курносова.

— Да что сказать, государь... Спрашивай.

— Ладно, — говорит Петр. — А скажи мне, Курносов, сын боярский, что такое есть фортификация?

— Фортификация, государь, — отвечает Курносов, — есть воинская наука, имеющая целью прикрыть войска от противника. Фортификацию надобно знать каждому военному начальнику аки свои пять пальцев.

— Дельно, — говорит Петр, — дельно. А что такое есть лоция?

— Лоция, государь, — отвечает Курносов, — есть описание моря или реки, с указанием на опых отмелей и глубин, ветров и течений — всего того, что помехой на пути

корабля может стать. Ложия, государь, первейшее, что надобно знать, берясь за дела мореходные.

— Дельно,— опять говорит Петр,— дельно. А еще чему научился?

— Да ко всякому делу, государь, присматривался,— отвечает Курносов,— и как корабли строить, и как там рудное дело поставлено, и чем от болезней лечат. Ничего, спасибо голландцам и немцам. Народ они знающий, хороший народ. Только, думаю, государь, не пристало нам свое, российское, хаять. Не хуже у нас страна, и люди у нас не хуже, и добра не меньше.

— Молодец! — сказал Петр.— Оправдал, утешил.— И Петр поцеловал молодого Курносова.— А ты,— обратился Петр к Буйносову,— видать, как дураком был, так и остался. За границу захотел! Ишь, тебе Россия не дорога. Пошел прочь с моих глаз!

Так и остался молодой Буйносов в неизвестности. А Курносов в скором времени стал видным человеком в государстве.

Аз, буки, веди...

На Руси в то время было мало грамотных людей. Учили ребят кое-где при церквах, да иногда в богатых домах имели приглашенных учителей.

При Петре в городах и посадах стали открываться школы.

Назывались школы цифирными. Изучали в них грамматику, арифметику и географию.

Открыли школу и в городе Серпухове, что на полпути между Москвой и Тулой. Приехал учитель.

Явился учитель в школу, ждет учеников. Ждет день, второй, третий — никто не идет.

Стал тогда учитель ходить по домам, выяснять, в чем дело. Зашел в один дом, спрашивает хозяина, местного купца:

— Почему сын в школу не ходит?

— Нечего ему там делать! — отвечает купец. — Мы без грамоты жили, и он проживет. Бесовское это занятие — школа.

Зашел учитель в дом к сапожных дел мастеру.

— Да разве это нашего ума дело — школа! — отвечает мастер. — Наше дело — сапоги тачать. Нечего понапрасну время изводить, всякую брехню слушать!

Пошел тогда учитель к серпуховскому воеводе, рассказывает, в чем дело. А воевода только руками разводит.

— А что я могу поделывать? — говорит. — Дело оно отцовское. Тут кому что: одному — грамота, а другому, по-ди, грамота и не нужна.

Смотрит учитель на воеводу, понимает, что проку от него не будет, обозлился, говорит:

— Раз так, я самому государю отпишу.

Поглядел воевода на учителя. Вид у него решительный. Понял: выполнит свою угрозу учитель.

— Ладно, не торопись, — говорит, — ступай в школу.

Вернулся учитель в школу, стал ждать. Вскоре слышит за окном топот. Посмотрел, видит: идут солдаты, под ружьем ведут ребят.

Целую неделю ребят сопровождали солдаты. А потом ничего, видать, отцы смирились, привыкли. Ученики сами стали в школу бегать.

Стал учитель обучать ребят грамматике. Начали с букв.

— Аз, — говорит учитель. (Это, значит, буква «а».)

— Аз, — хором повторяют ученики.

— Буки, — говорит учитель. (Это, значит, буква «б».)

— Веди...

Потом пошла арифметика.

— Един и един, — говорит учитель, — будет два.

— Един и един — два, — повторяют ученики.

Вскоре научились ребята и буквы писать, и цифры

складывать. Узнали, где есть Каспийское, где Черное и где Балтийское море. Многому научились ребята.

А как-то раз через Серпухов в Тулу ехал Петр. Заночевал царь в Серпухове, а утром решил зайти в школу. Прослышал Петр, что отцы неохотно отдают детей учиться. Решил проверить. Входит Петр в класс, а там полным-полно ребят. Удивился Петр, спрашивает учителя, как он столько учеников собрал.

Учитель и рассказал все, как было.

— Вот здорово! — засмеялся Петр. — Молодец воевода! Это по-нашему. Верно. Накажу-ка, чтобы и в других местах в школу ребят силой тащили. Людишки-то у нас хилы умом, не понимают своей выгоды, о делах государства не заботятся. А грамотные люди нам ой как нужны! Смерть России без знающих людей.

Пусть все знают

Петр стоял около зеркала, примерял новый кафтан. Кафтан был красного цвета, а борта и полы обшиты золотой каймой. Одиннадцать блестящих пуговиц, словно жуки-светлячки, тянулись ровным рядом сверху до самого низа. С боков отвисали два больших, как мешки, кармана, и тоже с пуговицами — по три на каждом.

Около Петра крутился Меншиков.

— Ай да мундир! — приговаривал Александр Данилович. — Вот это мундир! А сукно-то, сукно-то, государь! Где ты видывал такое сукно?

Кафтан подарил Петру Меншиков. Вслед за оружейными заводами стали строить на Руси и другие — суконные, прядильные, кожевенные. Строить заводы было выгодно. Царь дал купцам и промышленникам всякие льготы. Вместе с одним из купцов построил суконный завод и Меншиков. И вот теперь, хвастая шпигетом кафтаном, Меншиков надеялся получить заказ для всей армии.

— Где ты видывал такое сукно? — приговаривал Меншиков. — А ведь наше, российское. Говорил я тебе, Меншиков все может, всех солдат в такие кафтаны оденет.

— Не хвастай, не хвастай, — говорит Петр.

А самому приятно. Добротный кафтан, ничего не скажешь. Напряг Петр спину, согнул локти — крепкий кафтан, не рвется. Отдал приказ закупить у Меншикова сукно для целой армии.

А вскоре Петр был на ученье. Солдаты рыли рвы, ползали на брюхе, ходили в штыковую атаку. Ученье прошло хорошо. Однако когда солдаты построились, Петр посмотрел — и ахнул. Оборвались совсем солдаты. У одного пола отвалилась, у другого дыра через всю спину, у третьего вместе с пуговицей клок выдран. Подбежал Петр к солдатам, схватил первого попавшегося за мундир, дернул — сукно, словно вата, так и поползло. Подбежал к другому — то же самое. Сукно на мундирах оказалось гнилое.

Налились кровью Петровы глаза, забегали по рядам. Содрал Петр с одного из солдат кафтан, подбежал к генералу, в нос тычет, кричит:

— Кто сукно поставлял?..

— Александр Данилович Меншиков.

А в это время Меншиков принимал иностранных послов. Ходил Александр Данилович важный, как попугай наряженный: в кафтане желтого цвета, в белых чулках, в башмаках с золотыми пряжками, в парике, словно львиная грива.

Ходил Меншиков по залу, беседовал с послами, а сам нет-нет да и в зеркало взглядывал. Нравился себе Меншиков.

Послы интересовались хозяином дома, спрашивали, древнего ли рода Меншиков, кто его предки. Меншиков врал, что еще при Александре Невском его род на всю Русь славился.

И вдруг услышал Меншиков на лестнице страшный грохот. Потом удар в дверь, словно ядром из пушки, и в комнату влетел Петр. Посмотрел Меншиков — в руках у Петра солдатский мундир. Понял Александр Данилович — добра не жди, прикусил губу.

— Такое твоё суконце? — ещё с порога закричал Петр. — Гниль подсунул, обманул!

Подлетел Петр к Меншикову — и со всего размаха по лицу кулаком. Раз, два — слева, справа.

— Заелся, — кричит, — зажирел! Вором у государства стал! Прогоню, сгною, пирогами вновь торговать заставлю!

Укрывается от увесистых ударов Меншиков рукой, размазывает шелковым кафтаном кровь по лицу, а сам причитает:

— За что, государь, за что? Видит бог, вины моей тут нет!

— И бога ещё припшел! — кричит Петр. — Вины, говоришь, нет? Вот я те покажу «вины нет»! — И снова бьет Меншикова наотмашь, во всю силу.

Выбрал Меншиков удобный момент, глазами Петру на послов показывает: мол, неудобно.

— Пусть смотрят, — говорит Петр, — пусть знают, какой ты есть вор! — И продолжает бить.

— Прости, государь! — наконец взмолился Меншиков. — Видать, дьявол попутал, недоглядел.

Петр бросил бить Меншикова, отошел в угол, сел на лавку, тяжело дышит. Меншиков между тем поднялся и куда-то исчез. Выскользнули из комнаты потихоньку и послы. А через несколько минут Меншиков вернулся. Смотрит Петр — на голове у Меншикова мужицкая шапка, в руках лоток с пирогами.

— Пироги подовые, пироги подовые! — закричал Меншиков. — Кому подовые, кому подовые?

Посмотрел Петр, рассмеялся. Прошел царский гнев.

— Садись, ладно, — сказал Меншикову.

— Это ты зря,— стал опять оправдываться Александр Данилыч,— ни за что.

— Но, но! — повысил голос Петр.

Меншиков замолчал.

— Государь,— наконец заговорил он,— а как же с послами быть? Теперь ведь по всему свету разнесут. Престижу моего не будет.

— Ну и пусть разнесут,— ответил Петр.— Пусть и в других странах знают, что есть на Руси такой вор — Алексашка Меншиков. Да за такие дела на дыбу тебя, на Лобное место! Коли прока бы от тебя государству в других делах не было, не сносить бы тебе головы. А сукно смотри поставь другое. Проверю.

«Радуйся малому, тогда и большое придет»

— Пора бы нам и свою газету иметь,— не раз говорил Петр своим приближенным.— От газеты и купцу, и боярину, и горожанину — всем польза.

И вот Петр как-то исчез из дворца. Не появлялся до самого вечера, и многие уже подумали, не случилось ли с царем чего дурного.

А Петр был на Печатном дворе, вместе с печатным мастером Федором Поликарповым отбирал материалы к первому номеру русской газеты.

Поликарпов, высокий, худой как жердь, с очками на самом конце носа, стоит перед царем навтыжку, словно солдат, читает:

— Государь, с Урала, из Верхотурска, сообщают, что тамошними мастерами отлито немало пушек.

— Пиши,— говорит Петр,— пусть все знают, что потеря под Нарвой есть ничто с тем, что желаячи можно сделать.

— А еще, государь, сообщают,— продолжает Поликарпов,— что в Москве отлито из колокольного чугуна четыреста пушек.

— И это пиши,— говорит Петр,— пусть знают, что Петр снимал колокола не зря.

— А с Невьянского завода, от Никиты Демидова, пишут,— сообщает Поликарпов,— что заводские мужики бунт учинили, убежали в леса и теперь боярам и купцам от них житья нет.

— А сие не пиши,— говорит Петр.— Распорядись лучше послать солдат да за такие дела мужикам сыпать.

— А из Казани, государь, пишут,— продолжает Поликарпов,— что нашли там немало нефти и медной руды.

— А сие пиши,— говорит Петр,— пусть знают, что на Руси богатств край непочатый, не считаны те богатства, не меряны.

Сидит Петр, слушает. Потом берет бумаги. На том, что печатать, ставит красный крест, ненужное откладывает в сторону.

А Поликарпов докладывает все новое и новое. И о том, что индийский царь послал московскому царю слона, и о том, что в Москве за месяц родилось триста восемьдесят шесть человек мужского и женского полу, и многое другое.

— А еще,— говорит Петр,— напиши, Федор, про школы, да здорово — так, чтобы все прок от этого дела увидели.

Через несколько дней газету напечатали. Назвали ее «Ведомости». Газета получилась маленькая, шрифт мелкий, читать трудно, полей нет, бумага серая. Газета — так себе. Но Петр доволен: первая. Схватил «Ведомости», побежал во дворец. Кого ни встретит, газету показывает.

— Смотри,— говорит,— газета, своя, российская, первая!

Встретил Петр и графа Головина. А Головин слыл знающим человеком, бывал за границей, знал языки чужие.

Посмотрел Головин на газету, скривил рот и говорит:

— Ну и газета, государь! Вот я был в немецком городе Гамбурге, вот там газета так газета!

Радость с лица Петра как рукой сняло. Помрачнел, насунился.

— Эх, ты! — проговорил. — Не тем местом, граф, мыслишь. А еще Головин! А еще граф! Нашел чем удивить — в немецком городе Гамбурге. Сам знаю: лучше, да чужое. Чай, и у них не сразу все хорошо было. Дай срок. Радуйся малому, тогда и большое придет.

Митька-лгун

Митька никогда не говорил правду. Вот и прозвали его на селе Митька-лгун. Быть бы Митьке часто битым, если б не дружил он с Варькой Глебовой. Характер у Варьки был задиристый, смелый. Все мальчишки от нее плакали. А Митька при Варьке вроде как адъютант. Вот и боялись ребята его трогать: знали, что Варька заступится. Зато от самой Варьки Митьке попадало часто. Только начнет врать — Варька на него с кулаками. «Я тебя от вранья, — говорит, — отучу! И сам не ври, и другим не давай».

И отучила. Да, видать, зря.

На всю деревню не было более бедного мужика, чем Варькин отец. Покосившаяся изба да безрогая коза — вот и все богатство Кузьмы Глебова. Ждал Кузьма козлят, обещал Варьке купить пряник. Но и тут судьба обошла мужика. Козлята, правда, родились, но коза сдохла.

Забыла теперь Варька про ребячьи игры, про друзей и товарищей, целый день с козлятами возится. Козлят двое. Маленькие, как комки ваты, белые и пушистые.

Стало Митьке одному скучно. Забежит он за Варькой, играть зовет, а она: не могу, делами, мол, занята. Злился Митька. Калачом Варьку заманивал, сдобные ватрушки приносил, да все напрасно. Варька от козлят ни на шаг. Да и козлята к Варьке, как к матери, привязались. Пой-

дет Варька в лес — козлята за ней. Сидит дома — и козлята тут, стучат по полу копытцами, жмутся, словно котят, к Варькиным ногам.

Однажды Варька выглянула в окно. Видит, идут солдаты. Блестят на солнце ружья. «Лева нога, права нога!» — подает команду сержант. Выбежала Варька на улицу, смотрит.

Солдаты в деревню пришли неспроста. Обложили после Нарвы крестьян большими налогами, а платить нечем. Вот и послал Петр по деревням солдат, наказал отбирать у крестьян последнее.

Стали солдаты ходить по избам. Сержант зачитывает, кто сколько казне должен. Солдаты тут же отбирают у кого что: у одного — лошадь, у другого — корову, у третьего — сбрую. Поднялся в деревне крик, шум. Замычали коровы, заблеяли овцы, заголосили девки и бабы.

Сообразила тут Варька, в чем дело. Схватила козлят и спрятала в огороде за банькой.

Вошли солдаты в Варькину избу, смотрят, а взять нечего: в избе всего стол да лавка. Осмотрели солдаты двор, в сарай зашли — всюду пусто. Сплюнул сержант от досады, двинул Варькиного отца по затылку и повел солдат к соседнему дому. Да только пошли они не дорогой, а через огороды. Идут солдаты, слышат чей-то голос:

— Сидите, маленькие, сидите, не заберут вас вороги.

Подошли солдаты к баньке, видят: девчонка, а на руках у нее козлята.

— Ты чья? — спрашивает Варьку сержант.

Поняла Варька беду, говорит:

— А я старостина дочка.

Только сказала — смотрит, а рядом с солдатами Митька. Вышел Митька вперед, говорит:

— А вот и неправда. Какая же ты старостина? Ты Глебова.

Повернулся сержант к Митьке, спрашивает:

— Это какого Глебова? Не того, у которого мы сейчас были?

— Того самого,— отвечает Митька.

Ну и отнял сержант у Варьки козлят.

Набросилась Варька на Митьку.

— Ты что,— говорит,— дурак, сделал?!

И давай Митьку лупить. А Митька глазами хлопает, понять не может. Первый раз правду сказал — и опять бьют. Мал был Митька, глуп.

Про Данилу

Данила на всю округу умным мужиком слыл. О всяком деле имел свое понятие.

После Нарвы на селе только и разговоров было что про шведов, короля Карла, царя Петра и дела воинские.

— Силен швед, силен,— говорили мужики,— не нам чета. И на кой ляд нам море нужно! Жили и проживем без моря.

— Вот и неправда,— говорил Данила.— Не швед силен, а мы слабы. И про море неверно. Нельзя России без моря. И рыбу ловить, и торговлю водить, для многого море надобно.

А когда колокола снимали, в деревне опять несколько дней стоял шум.

— Конец света приходит! — кричал дьякон и рвал на себе волосы.

Бабы плакали, крестились, мужики ходили угрюмые. Все ждали беды. А Данила и здесь не как все. Опять по-своему.

— Так и надо,— говорил.— Тут интерес для государства дороже, чем колокола. Господь бог за такие дела не осудит.

— Богоотступник! Богохульник! — назвал тогда Данилу батюшка и с той поры затаил на него великую злобу.

А вскоре Петр ввел новые налоги. Застонали мужики, потащили в казну последние крохи, затагнули еще туже ремни на штанах.

— Ну, как тебе,— спрашивали они Данилу,— новые царевы порядки? Опять верно? Снова по-твоему?

— Нет,— отвечал Данила,— у меня с царем не во всем согласие общее.

— Ишь ты! — огрызнулись мужики.— У него с царем! Нашел дружка-приятеля. Царь на тебя и смотреть не станет.

— Мало что не станет, а думать по-своему не запретит,— отвечал Данила.— Что славу государству добывает, за то Петру спасибо, а что с мужика три шкуры дерет — придет время, быть ему в ответе.

Соглашаются мужики с Данилой, кивают. А один возьми и выкрикни:

— А ты самому царю про то скажи!

— И скажу,— ответил Данила.

И сказал. Только произошло это не сразу и вот как.

Кто-то донес — может, поп, а может, и кто другой — про Даниловы речи властям. Приехали в село солдаты, связали Данилу, повезли в Москву к начальнику Тайного приказа, к самому князю Ромодановскому.

Скрутили Даниле руки, вздернули на дыбу, стали пытаться.

— Что про государя говорил, кто надоумил? — спрашивает князь Ромодановский.

— А что говорил, то ветер унес,— отвечает Данила.

— Что? — закричал Ромодановский.— Да за такие речи на кол тебя, смутьяна поганого!

— Сажай,— отвечает Данила.— Мужика все едино, где быть. Может, на колу еще лучше, чем гнуть на бояр спину.

Разозлился князь Ромодановский, схватил железный, раскаленный в огне прут и давай к голому телу Данилы прикладывать. Обессилел Данила, повис, словно мочало.

А в это время в избу вошел Петр.

— За что человек на дыбе? — спросил царь у Ромодановского.

— Смутьян, — говорит князь. — Супротив власти, государь, худое молвит.

Подошел Петр к Даниле. Приоткрыл тот глаза, смотрит — перед ним царь. Набрался тогда Данила сил и произнес:

— Эх, государь, великое ты дело затеял, да только простому люду житья не стало. Выбили все из народа, словно грабители на большой дороге. Не забудет, государь, народ про такие дела, не помянет добрым словом.

И снова закрыл Данила глаза, уронил на волосатую грудь голову. А Петра словно что изнутри обожгло. Дернул головой влево, вправо, метнул гневный взор на Данилу.

— Вешай! — закричал словно ужаленный и пошел из избы прочь.

Глава третья

НА РЕКЕ НЕВЕ

Лодки идут по суше

Русские подошли к Нотебургу осенью. Задули холодные северные ветры. Разыгралось беспокойное Ладожское озеро. Побежали высокие волны, забили о берег шумным прибоем.

По Ладожскому озеру пригнали русские более полусотни ладей — больших лодок, — стали готовиться к штурму. Штурмовать крепость лучше со стороны реки Невы: тут и берег ближе и волны не такие сильные. Но как провести лодки мимо крепости? Шведы начнут стрелять. Потопят меткие шведские стрелки русские лодки. Как быть?

Весь день русские разбивали лагерь. Ставили большие солдатские палатки, разводили костры, чистили ружья.

Вечером, когда все легли спать, Петр вышел к озеру. Тихо. Горят на берегу костры. Над озером поднимается луна. Засмотрелся Петр на луну, задумался.

Вдруг до царя долетели громкие голоса. Петр оглянулся, смотрит — на берегу у костра собрались солдаты, о чем-то спорят. Петр прислушался.

— Братцы, а я так думаю, что шведа обхитрить можно, — говорит чей-то голос.

Петр подошел ближе, рассмотрел говорившего. Был он щупл и мал ростом. Петра даже смех взял — тоже герой!

— Как же ты, куриная твоя душа, — обратился Петр к солдату, — обхитришь шведа?

Солдат узнал царя и замер от страха.

— Ну-ка, сказывай, — потребовал Петр.

— Да я так думаю, государь, — запинаясь, проговорил солдат, — стало быть, надо рубить просеку да просекой волоком, в обход крепости, и тащить лодки.

— «Просекой, волоком»! — усмехнулся Петр.

— Да будь твоя воля, государь, — хором заговорили солдаты, — а мы их хоть голыми руками до Невы дотащим!

Солдатская выдумка царю понравилась. На следующий день Петр приказал рубить просеку. Рубили просеку умно, так, чтобы верхушки деревьев падали к центру: по ветвям тащить легче. Впрягались в ладью человек по пятьдесят. Тащить тяжелые лодки — работа трудная. Облепят солдаты лодку со всех сторон, подхватят руками, еле сдвигают.

— Раз — взяли,   два — взяли! — раздается голос Петра.

— Еще раз, еще два! — вторят ему ротные командиры.

Устали солдаты. Выбились из сил. Надорвал свой богатырский голос Петр. Разгневался царь, подозвал щуплого солдата.

— Что ж ты, куриная твоя душа! — закричал Петр. — Видал, каково лодки тащить?

Молчит солдат. А Петр ругается еще шибче.

Обиделся тогда солдат, говорит:

— Так какое же дело без труда получается?

Подивился Петр на солдата, промолчал. Потом подошел, похлопал по плечу и сказал:

— Молодец, правду говоришь! Выиграем баталию — не забуду. Быть тебе при государевой награде.

Только не дожил солдат до награды. Замешкался щуплый солдат, подвернулся под нос тяжелой ладьи. Бросились товарищи на помощь, да поздно. Придавила ладья солдата. Прикусил от боли солдат губы, да так и умер без крика и стога.

И вновь подивился Петр: откуда сила такая берется? С таким солдатом не страшно и против шведа идти. Снял Петр шляпу, поклонился, приказал похоронить погибшего с офицерскими почестями.

До позднего вечера русские рубили просеку. А утром в крепости началась тревога. Забегали на стенах караульные. Поднялся на высокую башню комендант. Посмотрели шведы на Неву. Там, словно утиные выводки, на легкой волне качались русские лодки. Не сразу поняли шведы, в чем дело. А когда разобрались, было поздно: русские начали штурм.

«Государь Петр Алексеевич отступление повелел!»

Две недели днем и ночью громыхали русские пушки. От частых команд охрипли артиллерийские офицеры. Усталые бомбардиры валились с ног. Нотебург горел.

Но шведы не сдавались.

— Эка орех каков! — говорил Петр. — Не раскусишь.

Наконец на четырнадцатый день одна из стен треснула. С шумом повалились камни. А когда утихло и улеглась пыль, увидели русские: в стене широкий пролом.

Бросились солдаты к лодкам, поплыли к острову. Командовать штурмом Петр поручил храброму полковнику князю Голицыну. Высадились солдаты на берег, кинулись к пролому.

— Сдавайтесь! — кричат русские.

Шведы молчат, бросают с крепостных стен камни и раскаленные ядра, льют на головы наступающим горячую воду. Трудно русским. Видно, рано начали штурм.

Понял Петр, что войска поторопились, отдал приказ отступить.

С царским приказом послали к Голицыну молодого, необстрелянного солдата. Прибыл солдат на остров, стал разыскивать Голицына. Да разве найдешь! Кругом дым, огонь, в двух шагах ничего не видно. Подбежит солдат к одному месту — говорят, Голицын в другом; бросится туда — его посылают в третье.

Измучился солдат, отошел в сторону.

И вдруг напал на солдата страх. Страшно ему ослушаться и не передать Голицыну царский приказ. Но еще страшнее вновь подойти к крепости. И рад бы пойти, да ноги сами несут в обратную сторону, к берегу, туда, где стоят лодки.

Подошел солдат к берегу. Видит, у лодок кто-то толпится. Посмотрел на форму — преобращенцы. «Ну, не один я струсил!» — обрадовался молодой солдат.

Смотрит новичок: преобращенцы сталкивают лодки в воду. Лодки сталкивают, а сами не садятся. «Что такое? — не может понять молодой солдат. — В чем дело?» И вдруг понял: решили преобращенцы биться до последнего. А раз так — не нужны им лодки. Нечего лодкам стоять у берега, незачем дразнить солдат,

— Стой, братцы, стой! Что вы, братцы! — закричал молодой солдат.

Посмотрели преображенцы на новичка, подивились, что за крикун такой, и стали продолжать свое дело.

— Стой, стой! — вновь закричал молодой солдат, подбежал к лодкам, вцепился в одну из них руками. — Не пущу! — кричит. — Государь Петр Алексеич отступление повелел. На чем плыть будем?

«Ну и трус! — подумали преображенцы. — самого царя пришел!» Подошли к солдату, стали оттащить от лодки. А он упирается и все твердит:

— Государь Петр Алексеич отступление повелел!

Но никто ему не поверил. Какая же вера может быть трусу? Разозлились преображенцы, решили поступить с молодым солдатом как с предателем. Схватили, раскачали и бросили в воду.

Однако солдат не утонул. Хоть и трус был, да, видать, силу имел немалую, выплыл. Вылез весь мокрый, вода ручьями стекает с кафтана. Посмотрел молодой солдат в сторону крепости. То ли страх у него прошел, то ли стыдно перед товарищами стало, только скинул солдат кафтан и побежал к пролomu.

А у самого пролома столкнулся с князем Голицыным. Хотел солдат передать царский приказ, да понял: поздно. Смолчал.

Русские продолжали штурм.

Шведы выбросили белый флаг

Не раз Петр бивал Меншикова — любую провинность ему не прощал. Изведал Меншиков и увесистый петровский кулак, и ловкую в руках Петра тяжелую дубовую палку. Но зато и любил Петр Меншикова больше всех на свете. Знал: скажи — пойдет Меншиков в огонь и в воду.

Вот и сейчас не отступает Меншиков от царя ни на шаг. Стоят Петр и Меншиков у русских батарей, смотрят

на крепость. Плохи дела у русских. Отбили шведы штурм, приободрились. Того и гляди, сами начнут атаку.

— Государь,— обращается Меншиков к царю,— не устоят наши, пусти на подмогу. Пусти, а, государь! — умоляет Меншиков.

Петр молчит. Дергается тонкий петровский ус. Царь нервничает.

— Государь...— вновь начинает Меншиков.

А дела у пролома совсем плохи. Шведы вышли из крепости, теснят русских к реке. На рослого преображенца навалились сразу трое, схватили шпаги, прокололи, словно бабочку.

— Государь,— не отстаёт Меншиков,— пусти! А, государь!

— Ладно, ступай,— сдается наконец Петр.

Собрав двенадцать лодок, Меншиков отплыл к крепости. Что есть силы солдаты налегли на весла. Против течения по быстрине плыть трудно. Взмахнут солдаты веслами, нажмут, бурлит по сторонам вода, пенится, а лодки почти ни с места.

— Давай, братцы, нажмем, братцы! — подбадривает Меншиков солдат, а сам с тревогой смотрит на берег.

Не отводит глаз от крепости и Петр. Совсем мало русских осталось на острове. Понимает царь: не подоспеет подмога. Отвернулся Петр, безнадежно махнул рукой.

А когда посмотрел вновь, не поверил своим глазам: лодки у острова.

Первым выскочил Меншиков. Взмахнул шпагой, врезался в толпу шведов. Только теперь Петр заметил: Меншиков без кафтана, в одной розовой шелковой рубаше. Меншиков пробился к стене. Ловко, как кошка, полез по штурмовой лестнице, ухватился за край пролома, подтянулся, вскочил на ноги и радостно замахал шляпой.

— Хвастун, ой хвастун! — не сдержался Петр.

Неожиданно в пролом повалил дым, злыми языками пробилось пламя. Озаренная огнем, метнулась розовая

рубаха Меншикова. Что было дальше, Петр не видел: мешал дым. В судороге, словно кто-то дергал его за нитку, зашевелился петровский ус.

Прошла минута, вторая, третья. И вдруг...

— Видишь? — закричал Петр прямо в ухо стоящему рядом солдату.

— Никак нет, ничего не вижу, бомбардир-капитан! — ответил солдат.

— Дурак! Куда смотришь? Вон куда гляди! — И Петр показал на стену.

Там, на самом верху, среди огня и дыма, меж острых зубцов стены, словно победное знамя, развевалась розовая, из шелка шитая рубаша бомбардир-поручика Александра Меншикова. Обезумев от боя, со страшно перекосившимся лицом, Меншиков метался у самого обрыва. А рядом с ним, слева и справа, мелькали зеленые кафтаны русских солдат. Вот их все больше и больше. Вот уже почти не видно шведов. Вот...

Петр посмотрел в подзорную трубу. В стекле встретилось что-то белое. Флаг, белый флаг! Шведы выбросили белый флаг. Шведы сдаются!

Отбросив в сторону трубу, Петр закричал:

— Виктория! Виктория! Орех-то разгрызли. Вон оно как!

Старой русской крепости Петр дал новое название — Шлиссельбург. Сейчас в память о царе Петре Шлиссельбург называется Петрокрепостью.

Небывалое бывает

Измученный дальней дорогой, в столицу Швеции прибыл гонец. Принес он тревожную весть: русские идут к Финскому заливу, к крепости Ниеншанц.

Крепость Ниеншанц стояла на берегу Невы, недалеко от впадения Невы в Финский залив. Потерять шведам Ниеншанц — значит пустить русских к морю. Заволно-

вались шведы, снарядили военные корабли, послали помощь.

На всех парусах мчатся шведские корабли к Неве. Подгоняет попутный ветер шведские фрегаты. Носятся над палубами чайки, обещают недалекий берег. А тем временем русские штурмуют крепость. Не выдержали шведы штурма, не понадеялись на помощь — пробили шведские барабаны сигнал к сдаче. Пришли корабли к Неве, а уже поздно: русские в крепости.

Однако на кораблях о падении Ниеншанца ничего не знали. Остановились шведские корабли в Финском заливе, а два фрегата — «Гедан» и «Астрильд» пошли к крепости. Хотели шведы засветло подойти к Ниеншанцу, но не успели. Пришлось им опустить паруса, заночевать на Неве. Поставили шведы на кораблях часовых, легли спать.

Ходят шведские часовые, не думают об опасности. Ночь наступила темная, небо беззвездное. Кругом тихо. Стоят корабли, словно впаянные в Неву, не качнутся. Ходят часовые, перекликаются.

— Эй, на «Астрильде»! — кричит часовой с «Гедана».

— Эй, на «Гедане»! — отвечают ему с «Астрильда».

Вначале часовые перекликались часто, потом все реже и реже. Вскоре на «Астрильде» часовой замолк. Усыпила шведа тихая ночь.

Походил, походил часовой на «Гедане». Скучно одному. Прислонился к мачте и тоже заснул.

К утру сквозь сон почудился часовому с «Гедана» скрип уключин. Швед вздрогнул, приоткрыл глаза. Кругом туман. Дует легкий утренний ветер. Трепещет на мачте шведский флаг. Прислушался швед — скрип повторился.

«Что бы это?» — подумал часовой, подошел к борту.

И вдруг — швед даже не поверил своим глазам, подумал, не сон ли, — увидел часовой вначале одну, потом другую, потом сразу много лодок.

Швед кинулся к другому борту — и там лодки. В лодках солдаты. И тут швед понял.

— Русские! — надрывая голос, закричал шведский часовой.

— Русские! — эхом пронеслось над Невой.

— Русские! — тревожно отозвалось в трюме.

И сразу корабль ожил. Выбежали на палубу перепуганные офицеры. Заметались, не понимая, в чем дело, заспанные солдаты.

А русские лодки тем временем подошли к фрегату, облепили лодки фрегат со всех сторон. Словно муравьи на сахарную голову, стали карабкаться по крутым бортам «Гедана» русские солдаты.

Первым на палубу ворвался Меншиков. Блеснул в руках Меншикова дымящийся пистолет, ловко заиграла острая шпага.

— Эка какой ты, швед, глупый! — приговаривал Меншиков и колол направо. — Не ходил бы ты, швед, в чужие земли! — И колол налево.

Между тем над Невой поднялось солнце. Туман рассеялся. Стал виден и второй шведский корабль, «Астрильд». И на «Астрильде» идет бой. На «Астрильде» — сам Петр. Хорошо заметна высокая фигура Петра. Петр улыбается Меншикову: понимает, что шведам не отбиться.

Однако нелегко далась русским победа. Геройски сражались шведские корабли. Стыдно им было русским лодкам сдаваться в плен. А все же пришлось.

В честь победы русские отлили медаль. «Небывалое бывает», — говорил Петр про эту победу.

На берегу Невы

Пустынны берега реки Невы: леса, топи да непролазные чащи. И проехать трудно, и жить негде. А место важное — море.

Через несколько дней после взятия Ниеншанца Петр забрал Меншикова, сел в лодку и поехал к устью Невы. При самом впадении Невы в море — остров. Вылез Петр из лодки, стал ходить по острову. Остров длинный, плоский, словно ладошка. Хохолками торчат хилые кусты, под ногами мох, сырость.

— Ну и место, государь! — проговорил Меншиков.

— Что — место? Место как место, — ответил Петр. — Знатное место — море.

Пошли дальше. Вдруг Меншиков провалился по колени в болото. Рванул ноги, стал на четвереньки, пополз на сухое место. Поднялся весь в грязи, посмотрел на ноги — одного ботфорта нет. Остался в грязи ботфорт.

— Ай да Алексашка, ай да вид! — рассмеялся Петр.

— Ну и места проклятущие! — с обидой проговорил Меншиков. — Государь, пошли назад. Нечего сеи топи мерить.

— Зачем же назад? Иди вперед, Данилыч. Чай, хозяйничать сюда пришли, а не гостями, — ответил Петр и зашагал к морю.

Меншиков нехотя поплелся сзади.

— А вот смотри, — обратился Петр к Меншикову. — Жизни, говоришь, никакой нет, а это тебе что, не жизнь?

Петр подошел к кочке, осторожно раздвинул кусты, и Меншиков увидел гнездо. В гнезде сидела птица. Она с удивлением смотрела на людей, не улетала.

— Ишь ты, — проговорил Меншиков, — смелая!

Птица вдруг взмахнула крылом, взлетела, стала носиться вокруг куста.

Наконец Петр и Меншиков вышли к морю. Большое, мрачное, оно верблюдьими горбами катило свои волны, бросало о берег, било о гальку.

Петр стоял, расправив плечи, дышал всей грудью. Морской ветер трепал полы кафтана, то поворачивая лицевой зеленой стороной, то внутренней — красной. Петр смотрел вдаль.

Там, за сотни верст на запад, лежали иные страны, иные берега.

Меншиков сидел на камне, переобувался.

— Данилыч,— позвал Петр.

То ли Петр произнес тихо, то ли Меншиков сделал вид, что не слышит, только он не ответил.

— Данилыч! — вновь окликнул Петр.

Меншиков насторожился.

— Здесь, у моря,— Петр обвел рукой,— здесь, у моря,— повторил он,— будем строить город.

У Меншикова занесенный ботфорт выпал из рук.

— Город? — переспросил он.— Тут, на сих болотах, город?!

— Да,— ответил Петр и зашагал по берегу.

А Меншиков продолжал сидеть на камне и смотрел удивленным, восторженным взглядом на удаляющуюся фигуру Петра.

А по берегу носилась испуганная птица. Она то взмывала вверх, то падала вниз и оглашала своим криком нетронутые берега.

Город у моря

Для строительства нового города собрали к Неве со всей России мастеровой люд: плотников, столяров, каменщиков, нагнали простых мужиков.

Вместе со своим отцом, Силантием Дымовым, приехал в новый город и маленький Никитка. Отвели Дымову место, как и другим рабочим, в сырой землянке. Поселился Никитка рядом с отцом, на одних нарах.

Утро. Четыре часа. Над городом палит пушка. Это сигнал. Встают рабочие, встает и Никиткин отец. Целый день копаются рабочие в грязи и болоте. Роят канавы, валят лес, таскают тяжелые бревна. Возвращаются домой затемно. Придут усталые, развесят около печки вонючие портянки, расставят дырявые сапоги и лапти, по-

хлебают пустых щей и валяются на нары. Спят до утра словно убитые.

А чуть свет опять гремит пушка.

Весь день Никитка один. Все интересно Никитке: и то, что народу много, и солдат тьма-тьмущая, и море рядом. Никогда не видал Никитка столько воды. Даже смотреть страшно. Бегал Никитка к пристани, на кораблях дивился. Ходил по городу, смотрел, как в лесу вырубают просеки, а потом вдоль просек дома складывают.

Привыкли к Никитке рабочие. Посмотрят на него — дом, семью вспомнят. Полюбили Никитку. «Никитка, принеси воды», — попросят. Никитка бежит. «Никитка, расскажи, как у солдата табак украл». Никитка рассказывает.

Жил Никитка до осени весело. Но пришла осень, грянули дожди. Заскучал Никитка. Сидит целые дни в землянке один. В землянке вода по колени. Скучно Никитке. Вырубил тогда Силантий из бревна сыну игрушку — солдата с ружьем.

Повеселел Никитка.

— Встать! — подает команду.

Солдат стоит, глазом не моргнет.

— Ложись! — кричит Никитка, а сам незаметно подталкивает солдата рукой.

Наиграется Никитка, начнет воду вычерпывать. Перетаскает воду на улицу, только передохнет — а вода вновь набралась. Хоть плачь!

Вскоре в городе начался голод. Продуктов на осень не запасли, а дороги размокли. Пошли болезни. Стали помирать люди словно мухи.

Пришло время, захворал и Никитка. Вернулся однажды отец с работы, а у мальчика жар. Мечется Никитка на нарах, пить просит.

Всю ночь Силантий не отходил от сына. Утром не пошел на работу. А днем нагрянул в землянку офицер с солдатами,

— Порядку не знаешь?! — закричал офицер.

— Сынишка у меня тут. Хворый. Помирает сынишка, — стал оправдываться Силантий.

Но офицер не стал слушать. Дал команду, скрутили солдаты Силантию руки, погнали на работу. А когда вернулся Силантий, Никитка уже похолодел.

— Никитка! Никитка! — тормозит Силантий сына.

Лежит Никитка, не шелохнется. Валяется рядом Никиткина игрушка — солдат с ружьем. Мертв Никитка.

Гроба Никитке не делали. Похоронили, как всех, в общей могиле.

Недолго прожил после этого и Силантий. К морозам и его свезли на кладбище. Много тогда людей погибло. Много мужицких костей осталось в болотах и топях.

Город, который строил Никиткин отец, был назван Санкт-Петербургом. Через несколько лет этот город стал столицей Русского государства.

Золотой рубль

Осень 1703 года выдалась ранняя. Словно из сита, лили холодные мелкие дожди. Задули ветры, погнали по Финскому заливу метровые волны.

В один из таких дней к Неве подошел иностранный корабль. Корабль был датский, и приплыли на нем датские купцы.

У входа в Неву корабль бросил якорь. Идти дальше капитан не решался. Датчане послали в Петербург за лоцманом.

Вскоре лоцман прибыл. Из-под брезентового плаща-капюшона глянуло на капитана молодое улыбающееся лицо. Раскрытыми пожнищами зашевелились тонкие, словно шило, усы.

— Гут, зер гут!¹ — приветствовал лоцмана капитан.

---

¹ Гут, зер гут! — Хорошо, очень хорошо! (нем.)

Лоцман прошелся по палубе, пощупал снасти, придирчиво осмотрел паруса и реи.

Всю дорогу лоцман молчал. Ловко перебирая рулевое колесо, он осторожно вводил корабль в Неву.

— Гут, зер гут! — говорил капитан.

Русский датчанам понравился. Прощаясь, капитан подарил лоцману золотой рубль.

Три дня судно разгружалось. Пока русские перетаскивали на берег пузатые бочки и тяжелые ящики, датские моряки ходили по городу. С самого утра отправлялся на берег и датский капитан. Капитан знал, что на улицах Петербурга можно повстречать русского царя. А взглянуть на Петра капитану очень хотелось. Слава о царе Петре к тому времени уже обошла весь мир. Однако датчанам не везло.

И вот однажды капитан встретил лоцмана.

— О майн фрейнд!¹ — радостно приветствовал датчанин старого знакомого.

«А что, если поделиться с ним своей неудачей?» — подумал капитан.

Узнав, в чем дело, лоцман оживился, обещал помочь.

Слово свое лоцман сдержал. Через несколько дней датских моряков пригласил в дом петербургского генерал-губернатора Александра Даниловича Меншикова. В просторном губернаторском доме собралось человек сто. Были здесь и знатные особы, и совсем неприметные люди — русские купцы и офицеры. Вскоре к гостям вышел и сам хозяин.

— Его величество царь Петр Алексеевич, — провозгласил Меншиков.

Дверь распахнулась, и в зал вошел Петр.

Датский капитан взглянул на царя и — ахнул. По комнате, прогибая половицы, шел лоцман.

---

¹ О майн фрейнд! — О мой друг! (нем.)

Заметив датчанина, Петр улыбнулся. Лукаво заблестели большие глаза, приветливо зашевелились усы-ножницы.

Капитан растерялся, стал низко кланяться и что-то быстро-быстро говорить на родном языке.

— О чем рассказывает господин датский капитан? — обратился Петр к переводчику.

— Ваше величество, — ответил переводчик, — капитан говорит о каком-то рубле. Капитан просит не гневаться и вернуть ему рубль.

Петр рассмеялся.

— Купцы и корабельщики, — обратился царь к датским морякам, — вы первые, что с миром пришли к нам, в древние русские земли. Слава вам, датские мореходы. Жалуйте к нам в моря. Купцы датские и немецкие, английские и шведские, жалуйте все, всем места хватит. За то мы и бились за море, за то и положили здесь русские головы. — Потом, наклонившись к переводчику, Петр тихо сказал: — А капитану передай: рубль я ему не отдам. Рубль — он не краденый. Скажи, царь за здоровье датских моряков тот рубль пропил.

Глава четвертая

ОПЯТЬ НАРВА

Снова поход

— Государь! — Меншиков осторожно потряс Петра за плечи. — Проснись!

Петр приподнял голову и, не открывая глаз, перевернулся на другой бок.

— Государь, проснись, — вновь повторил Меншиков.

— Пошел вон! — ругнулся Петр и стал натягивать на голову одеяло.

— Проснись же, государь! — не отставал Меншиков. — У Нарвы беспокойно, к крепости идет генерал Шлиппенбах.

— Что?! — Петр вскочил с кровати, схватил Меншикова за отвороты кафтана, притянул к себе. — Что? Шведы — к Нарве?!

— Да, государь.

Петр отпустил Меншикова, зашагал по комнате из угла в угол. Пестом остановился, вонзив взгляд в Меншикова, сказал:

— Данилыч, час пробил. Пока Нарва у шведов — жить нам в страхе. Стунай, кличь генералов, снова быть битве.

На следующий день русские войска спешно выступили в поход. И вот опять дорога. Как тогда, четыре года назад. Идут войска, движутся пушки, длинной вереницей тянутся обозные телеги.

И вновь по дороге несется царский возок. Догоняет Петр русские полки, останавливает лошадей, кричит:

— Здорово, молодцы!

— Здравия желаем, бомбардир-капитан! — отвечают солдаты.

Идут солдаты стройными рядами. «Тра-та-та, тра-та-та!» — выбивают походную дробь барабаны. Развеваются пестрые полковые знамена.

А высоко в небе светит солнце. Носятся в теплом воздухе стрижи. Где-то впереди раздается солдатская песня. Слышна команда:

— Лева нога вперед! Права нога вперед! Шире шаг!

Стоит Петр в возке. Снял шляпу. Развевает ветер Петровы кудри. Глядит Петр на войска, говорит Меншикову:

— Данилыч, смотри: российская армия идет, наша, новая! Побьем, а, Данилыч?

— Побьем, государь! Ей-ей, побьем! — отвечает Меншиков,

— То-то,— говорит Петр.— Чай, на печи не лежали! — И весело, по-детски смеется. Потом вдруг меняется в лице.— Но, но,— говорит Меншикову,— не хвастай! — Садится и начинает смотреть в небо, в безбрежную синь, в неохватную даль.

Войска идут к Нарве.

Машкарадный бой

Подшли русские к Нарве. Послали разведку. Оказывается, Шлиппенбах еще далеко.

Остановились войска на правом берегу Наровы. Стали готовиться к штурму.

И вот к Петру подошел Меншиков.

— Государь,— обратился он,— разреши учинить машкарадный бой.

— Что? — переспросил Петр.

— Машкарадный бой, говорю,— повторил Меншиков и зашептал царю что-то на ухо.

А на следующее утро к коменданту Нарвы, генералу Горну, прибежал корнет Попеншток.

— Генерал, генерал! — закричал Попеншток.— К Нарве идет Шлиппенбах, русские готовятся к бою!

Схватил Горн подозрную трубу, бросился к крепостной стене, посмотрел: действительно русские строятся. Носится по полю Меншиков, машет шпагой, куда-то показывает. Посмотрел Горн на запад — правильно, там, за лесом, поднимается пыль.

— О, слава тебе, святая Мария! — проговорил генерал. Потом повернулся к Попенштоку, сказал: — Представляю вас, господин корнет, к награде.

В это время вдалеке раздались два выстрела, потом еще два и еще. Это был шведский условный сигнал. Горн приказал ответить — с крепостной стены гаркнули пушки.

А вскоре из-за леса стройной колонной появились и сами шведы.

Заколыхались желтые и белые шведские знамена, заняли всю ширь дороги синие мундиры шведских солдат. Развернулись шведы во фронт, выкатили вперед пушки и открыли огонь. Русские стояли спиной к крепости, лицом к войскам Шлиппенбаха.

И Горн подумал: «А что, если ударить русским в тыл? Шлиппенбах — спереди, войска из крепости — сзади, зажать русских в тиски, разгромить, как тогда, четыре года назад, удержать шведскую славу».

Горн отдал приказ. Распахнулись крепостные ворота, выскочила конница, за ней побежали пешие отряды. Русские заметили вылазку, дрогнули, подались в сторону.

— Ура! — закричал Попеншток и побежал вниз с крепостной стены.

Он вскочил на лошадь и вылетел пулей из крепости. Хотел Попеншток и тут оказаться первым. Горн видел, как его белая лошадь, вздымая пыль, галопом мчалась по полю. Попеншток подскакал к русским, рубанул налево, направо, повернул коня и помчался к войскам Шлиппенбаха. Вот он подлетел к шведам, соскочил с коня и бросился обнимать какого-то офицера.

— Молодец! — шептал Горн. — Молодец Попеншток! — И восторженно смотрел на корнета.

Но что такое? Потеряв шляпу, Попеншток несетя назад. Вслед ему раздаются выстрелы. Шведы стреляют в шведов! Схватил Горн трясущимися руками подозрную трубу, стал искать Шлиппенбаха. Вот и он на коне, в окружении шведских знамен. Но — о святая Мария! — Горн смотрит и не верит своим глазам: на коне в костюме шведского генерала сидит царь Петр. А те, кого Горн принял за солдат Шлиппенбаха, схватив ружья наперевес, дружно бегут к открытым воротам крепости.

— О боже, о боже! — закричал Горн. — Ворота, скорее закрыть ворота!

Генерал побежал вниз. У самых ворот он столкнулся с Попенштоком. Подскочил Горн к Попенштоку, осадил его белую лошадь, сдернул седока на землю.

— Вы, вы!..— кричал, задыхаясь, Горн.— Вы, Попеншток, мальчишка! О боже, о боже! Это все вы! Ну, где же ваш Шлиппенбах?! В карцер, под суд! О святая Мария! О святая Мария!

Около трети нарвского гарнизона полегло в машкарадном бою.

По случаю удачной выдумки в русском лагере шло веселье. Меншиков ходил важный, приговаривал:

— Бивали мы этих шведов запросто. Что нам шведы!

— Умолкни! — крикнул Петр.— Хоть ты и герой, да похвальбе знай меру! Тьфу, тошно смотреть!

Бабат Барабыка

Бабат Барабыка был барабанщиком в бомбардирской роте. На всю армию не было второго такого умелого барабанщика. Выбивал Барабыка и маршевую дробь и все сигналы воинские знал исправно.

А еще Барабыка был известен тем, что разговаривал с самим генералом Горном.

Было это так. 30 июля, в воскресенье, русские начали обстрел Нарвы. Стреляли по бастионам Виктория и Гонор. Отсюда, пробив в стене брешь, хотели штурмовать город. Семь дней не отходили от пушек бомбардиры. Не отходил и Барабыка. Отложив в сторону барабан, подтаскивал ядра, засыпал в пушки порох. На восьмой день бастион Гонор осел. Земляная насыпь вокруг него обвалилась в ров.

— Ну,— заговорили солдаты,— теперь готовься к штурму.

В это самое время Барабыку вызвали к царю. Посмотрел Петр на раскосые глаза Бабата,

— Татарин? — спросил,

- Калмык, — ответил Барабыка.
- Ишь ты! — усмехнулся Петр. — А тоже солдат.
- Барабанщик я, — ответил Барабыка.

— Вот ты мне и надобен, — сказал Петр. — Пойдешь к крепости, передашь письмо нарвскому коменданту. Да смотри иди осторожно, — напутствовал Петр. — Бей в барабан шибче, говори, что ты есть российский парламентар.

Пошел Барабыка, бьет в барабан что есть силы. Заметили шведы солдата, перестали стрелять.

— Кто такой? — закричали, когда Барабыка подошел к крепости.

— Я есть парламентар российской армии, — отвечает Барабыка.

Скрипнули железные засовы тяжелых крепостных ворот, одна из створок их медленно приоткрылась. Барабыка вошел в крепость.

Повели Барабыку кривыми маленькими улочками нового города мимо разбитых и горящих домов к нарвскому замку. Перед замком — глубокий ров. Через ров — мост. Мост поднят.

— Кто такой? — закричали с той стороны часовые.

— Я есть парламентар российской армии, — вновь повторил Барабыка.

Громыхнули тяжелые цепи, мост опустился. Барабыка вошел в замок. Повели Барабыку по узким коридорам и крутым лестницам. Наконец вошли в большой зал. В глубине увидел Барабыка высокого худого старика. «Генерал Горн», — узнал Барабыка.

Взял Горн письмо, стал читать. «Сам господь бог разрушил Гонор, — писал Петр, — путь к приступу открыт...» Петр предлагал Горну сдать крепость и кончить кровопролитие.

Прочел Горн письмо, уставился на Бабата.

— Иди к царю Петру, — сказал, — передай: шведы не сдаются. Понял?

— Никак нет,— отвечает Барабыка.

— Иди к царю Петру,— повторил Горн,— скажи: нет такого правила, чтобы шведы сдавались.

— Как так — нет? — возражает Барабыка.— Есть. И при Орешке сдавались, и при Ниеншанце сдавались. Выходит, есть такое правило. А Нарва чем лучше? И при Нарве сдадутся.

— Что-о?! — закричал Горн. Налились кровью генеральские глаза. Схватил Горн шпагу, бросился к русскому солдату.— Вон! — закричал.— Вон!.. О святая Мария! Так и ушел Барабыка ни с чем.

Доложил Барабыка царю все как было.

— Ишь ты! — сказал Петр.— Так и сказал Горн: «Шведы не сдаются»?

— Так точно, бомбардир-капитан!

— А может, и прав генерал Горн? — спрашивает Петр.

— Как так — прав? — возражает Барабыка.— Я же ему говорю: «При Орешке сдались — раз, при Ниеншанце сдались — два и при Нарве, выходит, сдать должны».

— Молодец! — говорит Петр.— Мыслишь, как и пристало российскому солдату.

— Никак нет, государь,— говорит Барабыка.

— Что — никак нет? — не понимает Петр.

— Какой же я солдат? Барабанщик я.

— Ну и что? Барабанщик не солдат, что ли? — удивился Петр.

— Нет, бомбардир-капитан,— отвечает Бабат.— Какой же он солдат, раз ружья не имеет?

— Ишь ты! — вновь усмехнулся Петр.— Ружья, говоришь, не имеешь? Ладно, иди к ротному командиру, скажи: государь приказал ружье выдать. А про шведов это ты правду сказал: и при Нарве сдадутся.

Штурм

На следующий день русские пачали штурм Нарвы. Шли на приступ тремя большими колоннами.

Солдаты тащили лестницы и багры, оставив для облегчения в лагере походные ранцы.

На штурм нарвской стены шел и Бабат Барабыка.

Шведы открыли огонь. Стреляли пушки из крепости и через Нарову с высоких ивангородских стен. Ловко, страшно бились шведские солдаты. Там, где у высокой стены бастиона Гонор русские установили штурмовые лестницы, летели на головы атакующих камни, янтарными брызгами рассыпалась горящая смола.

По крепости на взмыленном коне носился генерал Горн.

— Шведы, шведы, — кричал он, — не посраим шведской славы! Вперед, шведы!

Приступ русских был неудачный. Добравшись почти до самого верха стены, солдаты не смогли закрепиться. Штурмующие отхлынули. Отбежал со всеми и Барабыка. Установилась тишина. Никто не решался первым повторить атаку. И вдруг педолгую тишину нарушил барабанный бой. Это ударил в свой барабан Барабыка. Медленно, в такт барабанной дроби он пошел к крепостной стене, стал подниматься по лестнице. Шведы опешили. Они смотрели на смельчака, боясь стрелять. А Барабыка продолжал бить в барабан, продолжал подниматься по лестнице. И вдруг все зашевелилось, задвигалось. Русские снова бросились на штурм. Снова раздались выстрелы, полетели камни, полилась смола.

Барабыка вскочил на крепостную стену. Кругом свистели пули, с Бабата сбило шляпу, от горячей смолы затлел кафтан. А он стоял на самом верху и бил в барабан.

«Тра-та-та! Тра-та-та!»

А оттуда, с той стороны стены, неся зычный голос генерала Горна:

— Шведы, за господа бога и короля вперед!

Однако поздно. Русские овладели стеной. Вот их все больше и больше.

А наверху по-прежнему стоит Барабыка и что есть силы бьет в барабан. Потом забрасывает барабан за спину, сует палочки за пояс, хватает ружье и, задрав полы горящего кафтана, прыгает вниз.

Русские врываются в Нарву. А внизу гремит голос Горна:

— Шведы, шведы, позор вам, шведы!

Шпага генерала Горна

Был у Бабата дружок из солдат. Странную имел фамилию — Перец. Молчит, молчит Перец, а потом возьмет да такое скажет! Все норовил про царя Петра дурное сказать.

А тут еще Бабат его вконец разозлил. Как вернулся Бабат от царя, так и стал хвастать, что Петр ему и ружье выдать приказал, и награду пообещал.

— Чему радуешься? — перебил Перец Бабата. — Нашел отца-благодетеля! Он тебе ружье рад всунуть. Дура, царь — он и есть царь. Думаешь, ты ему нужен! Силушка твоя нужна. Чай, немало на его совести нашего люду. Вон она, царская милость, — сказал Перец и задрал рубаху. Там поперек волосатой спины ровными рядами шли красные рубцы. — А за что? — спросил Перец. — За то, что правду сказать не побоялся.

И уж какой раз за этот поход начинал рассказывать Перец о том, как взбунтовались в его родном селе мужики, а царь прислал солдат и приказал всем багоговсыпать. А кто виноват, что мужикам на деревне жрать нечего? Вестимо, оц, царь.

— Так ведь то не царь, а бояре виноваты,— пытается возражать Бабат.

— Ишь ты, «бояре»! — передразнивает Перец.— А царь — он кто, мужик? Царь — он и есть первейший боярин. От него все в государстве зависит.

— Так-то оно так...— соглашается Бабат.

А сам свое думает: «Как же так, чтобы царь — и был нехороший!»

Так бы и думал Бабат, да только произошла такая история.

Спрыгнув с крепостной стены, Бабат побежал к Нарвскому замку. Здесь, на валу, отделявшем старый город от нового, он повстречал генерала Горна. Подбежал Барабыка к генеральской лошади, схватил под уздцы, закричал Горну:

— Сдавайся!

Признал генерал раскосые глаза Барабыки, схватился за шпагу. Хорошо, отскочил Бабат в сторону. Потом выбрал удобный момент, прыгнул и ухватился за рукоятку генеральской шпаги. Ухватился, держит и снова кричит:

— Сдавайся!

Так и держатся они вдвоем за одну шпагу. В это время подскакал к ним русский полковник Чамберс.

— Брось! — закричал полковник на Барабыку.— Не пристало рядовому чину у генерала шпагу брать! Отдай сюда!

А Барабыка словно окаменел, пальцы разжать не может. Разозлился тогда Чамберс, ударил Бабата по лицу. Пошатнулся Бабат, упал. Так и досталась генеральская шпага полковнику Чамберсу.

А тут как раз проезжал Петр с генералами.

— Что за шум? — спросил.

Чамберс и доложил ему: мол, рядовой чин, а у генерала шпагу отнять пытался, да и офицерского приказа не выполнил.

— Раз так,— сказал Петр,— всыпать ему батогов за такое дело.

Уехали генералы. Остался Барабыка один. А в это время откуда ни возьмись Перец.

— Ну что,— говорит Перец,— видал, каково нашему брату? Вот она, царская милость.

А Бабату и сказать нечего. Стоит, моргает раскосыми глазами. Хоть и злой мужик Перец, а все же и в его словах правда есть.

За славу российскую

Бой кончился. Петр и Меншиков верхом на конях выехали из крепости. Следом, чуть поодаль, группой ехали русские генералы.

Ехали берегом Наровы. На север — туда, где Нарова впадает в Балтийское море. Места здесь ровные. Дали открытые. Свежий ветер идет от моря.

Ссутулив плечи, Петр грузно сидел в седле, устало смотрел на рыжую холку своей лошади. «Победа, победа», — радостно отзывалось где-то в душе у Петра. «Победа!» — царь слегка улыбнулся. — «Значит осилили. Значит взяли. По плечу, выходит, такие дела России». Оторвал взгляд от лошадиной холки. Посмотрел вперед. Прямо перед Петром пронеслись стрижи. Со стороны поля, слева вдруг крикнула галка. Подпрыгнула, пролетела сажень, второй, присела на новом месте. На конных с удивлением глянула. Вновь пронеслись стрижи. Проводил их Петр взглядом. Посмотрел на небо, на поле, на гладь реки.

Слева и справа то и дело попадались солдаты и офицеры. Меншиков привстав на стременах поворачивал голову из стороны в сторону и приветливо махал им шляпой.

Ехали молча.

— Государь,— вдруг проговорил Меншиков,— Петр Алексеевич, гляди...— И показал рукой на берег Наровы.

Петр посмотрел. На берегу реки, задрав кверху ствол,

стояла пушка. Около пушки, обступив ее со всех сторон, толпились солдаты. Взорвавшись на лафет с ковшом в руке, стоял широкоплечий сержант. Он осторожно опускал ковш в ствол пушки, что-то зачерпывал им и раздавал солдатам.

— Государь,— проговорил Меншиков,— смотри, никак, пьют. Ну и придумали! Смотри, государь: выходит, в ствол пушки вино налили! Ай да бомбардиры! Орлы! Герои!

Петр улыбнулся. Остановил коня. Стали слышны солдатские голоса.

— За что пить будем? — спрашивает сержант и выжидающе смотрит на солдат.

— За царя Петра! — несется в ответ.

— За Нарву!

— За славный город Санкт-Петербург!

Петр и Меншиков поехали дальше, а вслед им несло:

— За нашего ротного!

— За артиллерию!

— За товарищей, животы свои положивших!

— Данилыч,— проговорил Петр,— поехали к морю.

Через час Петр стоял у самой воды. Волны лизали подошвы больших Петровых ботфортов. Царь скрестил руки и смотрел вдаль. Меншиков стоял чуть поодаль.

— Данилыч,— позвал Петр Меншикова, сзади Петра. — А помнишь наш разговор тогда, в Новгороде?

— Помню.

— А Нарву?

— Помню.

— То-то. Выходит, не зря сюда мы хаживали, проливали кровь и пот русский.

— Не зря, государь.

— И колокола, выходит, не зря снимали. И заводы строили. И школы...

— Верно, верно,— поддакивает Меншиков.

— Данилыч, так и нам теперь не грех выпить. Не грех, Данилыч?!

— Правильно, государь.

— Так за что пить будем?

— За государя Петра Алексеича!..— выпалил Меншиков.

— Дурак! — оборвал Петр.— За море пить надобно, за славу российскую.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

Семьдесят лет прожил Суворов. Более пятидесяти из них он провел в армии. Был зачислен на службу простым солдатом. Кончил ее фельдмаршалом и генералиссимусом. Тридцать пять больших боев и сражений провел Суворов. В каждом из них он был победителем.

Суворов жил в сложное время. Когда он был совсем молодым офицером, Россия принимала участие в Семилетней войне. Австрия, Франция, Россия и некоторые другие государства сражались в этой войне против Пруссии и ее союзников. Именно тогда, в 1760 году, русские войска впервые вошли в Берлин. Затем возобновились войны России с Турцией, которая захватила северные берега Черного моря и стремилась укрепить там свое влияние. Суворов принимал участие в двух русско-турецких вой-

нах. Разгром турецких войск под Фокшанами, при Рымнике, штурм грозной турецкой крепости Измаил — это наиболее известные победы Суворова.

В конце своей жизни Суворову пришлось принимать участие в боях в Северной Италии и совершить знаменитый переход через Альпы. Было это в самом конце XVIII века. В это время во Франции к власти пришел Наполеон I. Он вел многочисленные войны. Большие сражения развернулись в Северной Италии. Россия вместе с рядом других государств входила в антифранцузскую коалицию. Вот и пришлось русскому императору Павлу I послать войска далеко от родины. Во главе их он поставил Суворова.

Суворов был не только великим военным практиком, но и крупнейшим военным теоретиком своего времени. Он создал знаменитую «Науку побеждать» — свод наставлений по военному искусству.

С большой любовью относился Суворов к простым солдатам, ценил их за ум, отвагу, неизменное чувство товарищества, высокий боевой дух.

Повесть о Суворове и русских солдатах познакомит вас с жизнью и боевой деятельностью великого русского полководца, с ратными подвигами суворовских чудо-богатырей.

Глава первая

ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ

Пакет

За непослушание императору Суворов был отстранен от армии. Жил фельдмаршал в селе Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники шел на клиросе.

А между тем русская армия тронулась в новый по-

ход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привез фельдмаршалу пакет за пятью печатами от самого государя императора Павла Первого.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

— «Графу Александру Суворову в собственные руки». — Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру. — Не мне, — говорит. — Не мне.

— Как — не вам? — поразился посыльный. — Вам. Велено вам в собственные руки.

— Не мне. Не мне, — повторил Суворов. — Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы-ягоды надо идти.

И пошел.

Смотрит офицер на пакет — все как полагается: и «графу» и «Александру Суворову».

— Александр Васильевич! — закричал. — Ваше сиятельство!

— Ну что? — остановился Суворов.

— Пакет...

— Сказано — не мне, — рассердился Суворов. — Не мне. Видать, другому Суворову.

Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанское прибыл на тройке молодой офицер. Снова привез из Петербурга от государя императора пакет за пятью печатами.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

— «Фельдмаршалу российскому Александру Суворову». Вот теперь мне, — произнес Суворов и распечатал пакет.

«Бить, а не считать»

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись широким фронтом.

Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегам «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником.

В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский городок Ландсберг.

Городок небольшой, но в стратегическом отношении важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, исколесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

И что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытать счастья и взять Ландсберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднялся он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

— Куда это? — заволновался казачий сотник.

— Вперед! — кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок верст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов — моста нет. Сожгли пруссаки для безопасности мост. Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

— В воду! За мной! — И первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

— Город наш! Вперед! — закричал Суворов.

— В городе же прусские гусары, — попытался остановить Суворова казачий сотник.

— Помилуй бог, так это и хорошо! — ответил Суворов. — Их как раз мы и ищем.

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

— Александр Васильевич, — говорит, — прикажите хоть узнать, много ли их.

— Зачем? — возразил Суворов. — Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

Туртукай

Слава Суворова началась с Туртукая.

Суворов только недавно был произведен в генералы и сражался под началом фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского против турок.

Румянцев был заслуженным военачальником. Одержал он немало побед над противником. Много сделал для развития русской армии. Суворов очень ценил Румянцева и считал себя его учеником. Однако здесь, под Туртукаем, отношения между ними не заладились. Война с Турцией вначале велась нерешительно. Русская армия топталась на месте. Никаких побед, никаких продвижений. А Суворову не терпелось идти вперед, не хотелось ему сидеть на месте.

— Одним глядением крепостей не возьмешь, — возмущался молодой генерал.

И вот, не спросив разрешения, Суворов завязал с неприятелем бой. Отбросил противника, погнал и уже было ворвался в турецкую крепость Туртукай, как пришел приказ Румянцева повернуть назад.

Суворов подумал: победа рядом, командующий далеко, и ослушался. Ударил в штыки: «Чудо-богатыри, за мной!» — и взял Туртукай.

Тут же написал фельдмаршалу донесение:

«Слава богу, слава вам! Туртукай взят, и я там».

Разгневался Румянцев, решил отдать Суворова под суд заслушание и невыполнение приказа.

Те, кто были поближе к Румянцеву, говорили:

— Прав фельдмаршал. Что же это за армия, если в ней нарушают приказы!

Однако большинство офицеров защищали Суворова.

— Так приказ приказу рознь, — говорили одни.

— За победу — под суд?! — роптали другие.

— Это из-за стишков фельдмаршал обиделся, — перешептывались третьи.

Слухи о предполагаемой расправе над молодым генералом дошли и до царицы Екатерины Второй. Защитила она Суворова. «Победителя не судят», — написала царица Румянцеву.

Суворов вернулся к войскам и через несколько дней одержал новую победу над турками.

Суворов стоял в Кинбурне...

С небольшим отрядом казаков и солдат Суворов стоял в Кинбурне.

Важной была крепость. Слева — Черное море. Узкая песчаная коса впереди. Справа — Днепро́вский лиман. Не допустить турок в Днепро́вский лиман — задача Суворова.

Пятьдесят шесть турецких судов и фрегатов подошли к Кинбурнской косе, открыли огонь по русским.

Окончили турецкие корабли обстрел, стали высаживать отборные войска на берег. Боялись турки Топал-паша¹ — так прозвали они Суворова. Даже советчиков — французских офицеров призывали к себе на помощь.

Вывел Суворов навстречу врагу небольшой гарнизон своей крепости, начал неравный бой.

---

¹ Топал-паша — хромой начальник. У Суворова в это время болела нога, и он прихрамывал.

Бьются русские солдаты, не щадя живота своего. Тут, то там мелькает на коне Суворов.

— Алла! Алла! — кричат турки.

— Ура! Ура! — не смолкают русские.

Идет отчаянный бой, кипит рукопашная сеча.

В разгар сражения картечь ударила в грудь Суворова. Потерял он сознание, свалился с коня.

— Топал-паша убит! Убит! Убит! — пронеслось в турецких рядах.

Осмелели турки, с новой силой бросились в битву.

Подняли между тем казаки генерала, промыли рану соленой водой. Пришел Суворов в себя.

— Помогло, помилуй бог, помогло!

Увидели солдаты любимого командира — ни шагу назад, ни пяди земли противнику.

Не утихает смертельный бой.

— Ура! Алла! Ура! Алла! — несется над берегом.

Прошел час, и снова Суворова ранило. Хотели казаки вынести генерала в тихое место.

— Не смей! — закричал Суворов.

Перехватил он рану рукавом от рубахи и — снова к войскам.

Однако от ран генерал обессилел. То и дело теряет Суворов сознание. Окружили его казаки, поддерживают командира в седле.

Привстанет Суворов на стремянах, взмахнет шпагой, крикнет: «Ура!» — и снова от боли теряет сознание. Снова придет в себя, снова «ура» и — снова на казачьи плечи валится.

Приказал тогда Суворов казакам придерживать коня на бугре, на высоком месте, так, чтобы солдаты его видели. Видят солдаты генерала в бою, из последней мочи держатся.

Устояли казаки и гренадеры. Дождались подмоги. Прибыла конница, ударили русские во всю силу, погнались турок и французских офицеров назад, к Черному морю. Не-

многие добрались до своих кораблей. А те, что добрались, распустили слух, что Суворов убит в Кинбурне.

Однако от ран Суворов скоро оправился и еще не раз о себе напомнил.

Битва Фокшанская

С русскими против турок сражались австрийцы. Дела у австрийцев были неважные, и им грозил разгром под Фокшанами. Запросили австрийцы у русских помощи. На помощь пришел Суворов.

Прибыл Суворов, остановился недалеко от австрийского лагеря. Командующий австрийской армией принц Кобургский немедленно прислал к Суворову посыльного с просьбой, чтобы русский генерал тут же явился к австрийцам на военный совет.

Собрался было Суворов ехать, а затем подумал: зачем? Знал он, что на военном совете с австрийцами начнутся споры, сомнения. Только время уйдет. А турки тем временем узнают о приходе Суворова.

Прискакал посыльный от принца Кобургского к русскому лагерю.

— Суворов богу молится, — заявили посыльному.

Через час прибыл новый посыльный.

— Суворов ужинает, — ответили ему.

Прошел еще час, и снова прибыл посыльный.

— Суворов спит, — объяснили австрийцу. — Наказал не тревожить.

А Суворов вовсе не спал. Изучал он позиции неприятеля. Готовился к бою.

Глубокой ночью принца Кобургского разбудили. Приехал курьер от Суворова, привез письмо от русского генерала.

«Выступаю на турок, — писал Суворов. — Иду слева, ступай справа. Атакуй с чем пришел, чем бог послал. Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезай, не упус-

кай, ура! А коль не придешь, ударю один», — пригрозил Суворов.

Переполошился принц Кобургский. Как же так — без военного совета, без обсуждения и так скоро! Однако делать нечего, пришлось подчиниться.

Русские и австрийцы напали на турок и разгромили противника.

После победы кое-кто стал упрекать Суворова: нехорошо, мол, Суворов поступил с австрийцами.

— Нельзя было, — объяснял Суворов. — Нельзя иначе. Австрийские генералы — они поболтать любят. Заговорили бы меня на совете. Заспорили. Глядишь, и битва Фокшанская была б не на поле, а в штабе австрийском.

Великий визирь

Ни одно войско в мире не передвигалось так быстро, как суворовские солдаты. Неприятель и не ждет Суворова, думает, русские далеко. А Суворов тут как тут. Как снег на голову. Подошел. Ударил в штыки. Опрокинул противника. Так случилось и в знаменитой битве при Рымнике.

Рымник — это река. У ее берегов собралась огромная, стотысячная турецкая армия.

Командующий турецкой армией великий визирь Юсуф-паша восседал у себя в шатре на шелковых подушках, пил кофе. Хорошее настроение у великого визиря. Только что побывал у него турецкий разведчик — прибыл из русского лагеря. Принес разведчик хорошую весть: суворовская армия в четыре раза меньше турецкой. Стоит она в восьмидесяти верстах от Рымника и к бою пока не готова.

Восседал визирь на подушках, пил кофе и составлял план разгрома Суворова. Потом стал мечтать о тех наградах, которыми осыплет его турецкий султан за победу

С мыслями о наградах великий визирь¹ заснул. И вдруг на рассвете сквозь радостный сон Юсуф-паша услышал дикие крики:

— Русские! Русские! Русские!

Выскочил визирь из палатки — в турецком лагере паника. Носятся турецкие офицеры. Горланят солдаты. Крики. Шум. Разобраться невозможно.

— Какие русские?! Откуда русские? — заорал визирь.

А русские уже и слева и справа, бьют и в лоб, и с флангов, и с тыла. Теснят растерявшихся турок. «Ура! Ура!» — только и несется со всех сторон.

— Стойте! — кричит визирь. — Сыны аллаха, стойте!

Но турки не слушают своего начальника. Одолеет турецкую армию великий страх.

Схватил визирь священную книгу — Коран, стал заклинять трусов.

Но и слова о боге не помогают.

Приказал тогда визирь стрелять по турецким солдатам из собственных пушек.

Но и пушки не помогают.

Забыли солдаты и визиря и аллаха. Бегут, как стадо баранов. «Аман!¹ — вопят. — Аман!» Сбивают и давят друг друга.

— Скоты! — прошептал потрясенный визирь.

Оставил он и Коран и пушки, подхватил полы парчового халата и, пока не поздно, бросился вслед за всеми.

Любил Суворов стремительные переходы. Нападал на неприятеля неожиданно, обрушивался как снег на голову.

Измаил

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того,

---

¹ А м а н — сдаюсь, пощади (*тур.*).

шел вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал.

И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст.

Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошел слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступим? — спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

— Отступать надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры»! — передразнил Суворов. — «Домой»! Нет, — сказал. — Русского солдата дорога домой через Измаил, ведет. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать. Давай снова.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад.

А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

— Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней Суворов занимался с солдатами, а потом послал к турецкому паше посла — предложил, чтобы турки сдались. Но паша гордо ответил:

— Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил.

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости. Повторили солдаты все, чему учил их Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, но штурмовым лест-

ницам поползли на стены. Лихо бились турки, только не удержали они русских солдат. Ворвались войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок невредимым ушел из крепости. Дрожащий от страха, он прибежал в турецкую столицу и рассказал о новом подвиге русских солдат и новой победе генерала Суворова.

Мишка

Не везло Суворову на лошадей. Одной неприятельское ядро оторвало голову. Другую ранило в шею, и ее пришлось пристрелить. Третья лошадь оказалась просто-напросто глухой.

Но вот, донские казаки подарили Суворову Мишку. Глянул фельдмаршал: уши торчком, землю скребет копытом. Не конь, а огонь.

Подошел Суворов слева, подошел справа. И Мишка повел головой то в одну, то в другую сторону, как бы приглядываясь, достойным ли будет седок. Понравился Суворову Мишка. И Мишке, видать, Суворов пришелся по вкусу. Сдружились они и понимали друг друга без слов.

Хорошее настроение у Суворова — и у Мишки хорошее, играет, мчит во весь опор. Огорчен, опечален Суворов — и Мишка пасутился, шагом идет, медленно и осторожно, чтобы лишний раз хозяина не потревожить.

Лихим оказался Мишка в бою. Ни ядер, ни пуль, ни кривых турецких сабель — ничего не боялся. У Рымника на Мишке Суворов громил Юсуф-пашу. На нем приехал под Измаил.

Но и у лошади жизнь солдатская. В одном из сражений Мишку ранило в ногу. Конь захромал и к дальнейшей службе оказался негоден.

Суворов бранился, кричал на докторов и коновалов, требовал, чтобы те излечили Мишку. Коню делали припарки, извлекли пулю, паложили ременный жгут. Не помогло. От хромоты конь не избавился,

Пришлось Суворову расстаться с верным товарищем. Простился фельдмаршал с конем, приказал отправить его к себе в имение, в село Кончанское. Старосте написал, что конь «за верную службу переведен в отставку и посажен на пенсию», и наказал, чтобы Мишку хорошо кормили, чистили и выводили гулять.

Староста каждый месяц должен был писать Суворову письма и сообщать, как живется в «отставке» Мишке.

Фельдмаршал часто вспоминал лихого донца. И после Мишки у Суворова побывало немало коней, да лучше Мишки все-таки не было.

Дерзость

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото. Позиция для пушек — лучше не сыщешь: сзади неприятель не подойдет, с флангов не обойдет. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи — и, как гром среди ясного неба, на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли маневр Суворова рискованным, дерзким.

Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли бы?!

— Дерзкий так дерзкий, — усмехался Суворов. — Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что, прежде чем пустить войска через болота, Суворов отрядил бывалых солдат, и те вдоль и поперек излазили топи и выбрали надежный путь для своих товарищей. Суворов берег солдат и действовал наверняка.

Месяц спустя в новом бою с турками полковник Илло-вайский решил повторить дерзкий маневр Суворова.

Обстановка была схожей: тоже турецкие пушки и тоже болото.

— Суворову повезло, — говорил Илловайский. — А я что, хуже? И мне повезет.

Только Илловайскому не повезло. Повел полковник солдат, не зная дороги. Завязли солдаты в болоте. Стали тонуть. Поднялся шум, крики.

Поняли турки, в чем дело. Развернули свои пушки и расстреляли русских солдат. Много народу погибло. Илловайский, однако, спасся.

Суворов разгневался страшно. Кричал и ругался до хрипоты.

— Так я же хотел, как вы! Чтобы дерзость была... — оправдывался Илловайский.

— «Дерзость»! — кричал Суворов. — Дерзость есть, а где же умение?!

За напрасную гибель солдат Суворов перевел полковника в обозную команду.

— Ему людей доверять нельзя, — говорил Суворов. — При лошадях он безопаснее.

«Убит под Фокшанами»

На переходе к Фокшанам одна из колонн пехотного Смоленского полка попала под страшный обстрел неприятеля.

Турецкая батарея укрылась в лесу и метким огнем валила смоленцев. А рядом шла другая колонна. Командир колонны подполковник Ковшов понял, что спасти своих можно лишь стремительным нападением на батарею противника. Подскакал он к генералу Райку, начальнику обеих колонн.

— Разрешите, — просит, — ударить по неприятелю.

Однако Райк был генерал нерешительный. Сидит на коне и молчит. Думает: разрешу, а вдруг и вторая колонна погибнет?

Погибают смоленцы. Помощи нет.

А в это время обе колонны догнал Суворов. Увидел он подполковника Ковшова.

— Сударь, товарищи гибнут, а вы стоите! Вперед! — закричал Суворов.

— Ваше сиятельство, — стал оправдываться подполковник, — так я бы немедля исполнил свой долг, но жду приказания своего генерала.

Посмотрел Суворов на генерала, а тот по-прежнему сидит на коне и молчит.

— Какого генерала?! — воскликнул Суворов. — Райка? Да разве вы не видите, что он убит!

Не понял вначале Ковшов насмешки Суворова. Как так, думает, почему же убит, коль генерал Райк жив и здоров и тут же рядом сидит на коне!

— Убит, убит, — повторил Суворов. — Ступайте!

Бросился Ковшов к своей колонне, повернул ее в лес, разгромил турецкую батарею и спас товарищей.

За суворовские слова Райк страшно обиделся. В тот же день он подал рапорт об отчислении его из суворовской армии.

Просьбу Райка Суворов удовлетворил.

— Не надобны мне подобные генералы, — говорил он. — Коль воинский начальник в нерешительности пребывает — пользы с него не будет.

Позже, когда Суворова спрашивали: «А где же генерал Райк?», он неизменно отвечал: «Убит. Убит под Фокшанами».

Где ж это видано...

Где ж это видано, чтобы кавалерия атаковала окопы!

При подходе к Рымнику на привале солдаты завели спор.

— А все же много нашего брата гибнет, — заявил круглолицый, с рябинками от оспы солдат.

— Так война, как же оно без смертей?

— Так-то оно так, — соглашался солдат, — а все же, если подумать...

— Чего же тут думать?

— А вот, к примеру: засел неприятель в окопах, держится, пока до него добежишь, сколько людей навалит. А ежели на конях — раз, и в момент в окопах.

Смеются солдаты. Где ж это видано, чтоб на конях — и в окопы?

— Ты что же, умнее самого Суворова? — говорят.

— Зачем же умнее? Это я так, к слову, — засмущался солдат.

А в это время Суворов проходил по лагерю и подслушал солдатский разговор. Подошел он к спорщикам.

— Как звать? — обратился к рябому солдату.

— Остап Капелюха.

— Родом откуда?

— Малороссийский, ваше сиятельство, из-под Чернигова.

— Так, говоришь, чтобы кавалерия атаковала окопы?

— Так точно, ваше сиятельство.

Улыбнулся Суворов.

На следующий день при атаке турецкого лагеря Смоленский полк натолкнулся на окопы противника. Пошли солдаты в атаку, однако турки подняли страшную стрельбу, и смоленцы отпрянули.

Несколько раз ходили в атаку солдаты, да все неудачно. Хоть и недалеко до окопов, метров полтора всего, однако идти солдатам по ровному месту. Пока бегут — турки их щелкают, словно зайцев.

К Смоленскому полку прибыл Суворов. Видит, вазря погибают солдаты.

— Гей! — закричал. — Эскадрон казаков на подмогу!

Прибыли казаки. Построил их Суворов широким фронтом.

— Конница, начинай! — закричал Суворов. — Ура! На рысях! Вперед! В полную силу!

Вмиг пролетели казаки смертельные метры. Вскочили в окопы. Начали сечу, отвлекли турецких солдат. Теперь смоленцы подбежали к окопам без всяких потерь и вместе с казаками добили противника.

— Ты смотри — голова! — говорили потом солдаты про Капелюху.

Солдат смущался, краснел и отвечал невольно:

— Так это ж Суворов. Так то ж казачки. Так это ж не я. Это вы, братцы.

И верно. Не в первый раз уже применял Суворов конную атаку на окопы врага. Удалась атака и в этот раз.

Турецкий штандарт

Стремясь отрезать отходящего неприятеля, рота поручика Вицина быстрым шагом шла по кукурузному полю.

Стебли высокие. Укрывают солдат с головой. Идут солдаты словно бы вовсе не полем, а лесом.

Вдруг видят: впереди турецкий штандарт.

Остановился поручик Вицин, остановились солдаты. Что бы это такое? Никак, турки идут в наступление?

А штандарт колыхнется поверх кукурузных стеблей, и все ближе и ближе.

— К бою! — скомандовал Вицин.

Вскинули солдаты ружья и карабины. Ждут. Вот турецкий штандарт и совсем рядом.

— Вперед! Ура! — закричал поручик.

Бросились солдаты вперед. А навстречу им русский солдат выходит — турецкое знамя в руках.

Рассмеялись солдаты:

— Штандарт откуда?

— Как звать?

— Какого полка?

Рассказал солдат, что звать его Гавриилом Жакеткой,

что солдат он первой роты Смоленского полка, что турецкое знамя отбил в бою и вот теперь несет командиру.

— Ай да Жакетка! — смеются солдаты. — Вот напугал! Вот обманул!

Объяснил поручик Вицин солдату, как разыскать командира Смоленского полка. Пошел солдат дальше своей дорогой. А рота убыстрила шаг и — вдогон неприятелю.

Сто турецких знамен захватили русские в битве на Рымнике.

Штандарт, взятый Гавриилом Жакеткой, был первым.

Российский солдат

Преследуя турок, grenадер Дындин увлекся боем. Бежит Дындин, колет штыком, бьет прикладом.

— Аман, аман! — кричат турки.

Отбежали с версту. Повернул кто-то из турецких солдат голову, видит, всего-навсего один российский солдат сзади.

Закричал турок своим собратьям. Остановились беглецы, повернулись лицом к Дындину, окружили солдата.

— Алла! — кричат. — Алла! Сдавайся!

Только Дындин был не из тех, кто сдается. Пырнул штыком одного турка, пырнул другого, выстрелил в третьего.

Что было дальше, солдат не помнил. Навалились турки на русского, оглушили прикладами. Прихватив пленного, они вплавь переправлялись через реку Рымник. Обмыла вода солдата, приоткрыл он глаза — жив. Только все тело жжет, в костях ломит, голова кругом идет. Закрыл солдат снова глаза, уронил голову.

Выбрались турки на противоположный берег, положили на траву grenадера, советуются между собой, что делать дальше.

Прислушался Дындин и хоть турецкий язык не знал, но понял: решили турки пленного дальше с собой не та-

щить, а отрезать солдатскую голову и принести как трофеей начальству.

Подошел турок к Дындину, схватил кривую турецкую саблю и только хотел рубануть по шее, как Дындин турка ногой в живот. Вскочил гренадер, вырвал ружье.

Опешили турки — что за чудо: ожил солдат! — и в разные стороны.

— Стой! — кричит Дындин.

Догнал одного турка — ударил штыком. Догнал другого — и тоже штыком. Еще один турок бросился в воду. И Дындин за ним. Потом снова на берег. Бьет направо, налево. Лишь закусил губу и от турецких ран и побоев кривится.

Через час подошли наши солдаты. Видят, на берегу реки Рымник десять турок валяются и среди них российский солдат. Присмотрелись — так это же Дындин!

— Дындин, Дындин! — позвали товарища.

Шевельнулся герой.

— Жив, жив! — закричали солдаты радостно и бросились к нему.

Подняли они гренадера на руки, отправили к санитарной повозке.

— Десять турок! — восхищался Суворов, узнав о подвиге Дындина. — Молодец! Ой какой молодец! Мало нам, выходит, один на одного — давай нам троих, троих мало — давай нам шестерых, давай нам десять на одного: всех побьем, повалим, в полон возьмем, коль такой солдат в российских войсках имеется.

Первый

Вечером после победы у Рымника Суворов шел по русскому лагерю.

Смотрит, у одной из палаток собрались офицеры, шумят, спорят, кто первым ворвался в турецкий лагерь.

Остановился Суворов, прислушался.

— Я первым ворвался, — говорит поручик Синицкий.

— Нет, я, — уверяет капитан Мордюков.

— Первым был я, — доказывает секунд-майор граф Калачинский.

Спорят офицеры, не уступают друг другу. Знают, что первому будет награда.

Покачал головой Суворов, двинулся дальше. Смотрит, у костра собрались солдаты и тоже о том же спорят. Остановился Суворов, прислушался.

— Первым ворвался в турецкий лагерь гренадер Гагин, — говорит один из солдат.

— Не Гагин, а Хотин, — поправляет его другой.

— И не Гагин, и не Хотин, а Знамов, — уверяет третий.

Решили солдаты вызвать и Гагина, и Хотина, и Знамова — пусть скажут сами. Заинтересовался Суворов. Решил подождать. Приходят солдаты.

— Ты был первым? — спрашивают у Гагина.

— Нет, — отвечает Гагин. — Первым был Хотин.

— Ты был первым? — спрашивают у Хотина.

— Нет, не я, — отвечает Хотин. — Первым был Знамов.

— Братцы, — воскликнул Знамов, — так я же и третьим не был! Первым был Гагин. За Гагиным — Хотин.

Порадовался Суворов солдатской скромности, подошел он к гренадерам:

— Дети! Чудо-богатыри! Все вы были первыми.

Возвращался Суворов к себе в палатку и думал: «Вот они — истинные герои!»

Медаль

Молодой необстрелянный солдат Кузьма Шапкин во время боя у реки Рымник струсил и весь день просидел в кустах.

Не знал Шапкин, что Суворов его приметил.

В честь победы над турками в суворовскую армию были присланы ордена и медали. Построили офицеры свои полки и роты. Прибыл к войскам Суворов, стал раздавать награды.

Стоял Шапкин в строю и ждал, чтобы скорее все это кончилось. Совестно было солдату. И вдруг... Шапкин вздрогнул, решил, что ослышался.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — закричал Суворов.

Стоит солдат словно в землю ногами вкопанный, не шелохнется.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — повторил Суворов.

— Ступай же, ступай, — подтолкнули Кузьму солдаты.

Вышел Шапкин, потупил глаза, покраснел. А Суворов раз — и медаль ему на рубашу.

Вечером солдатам раздали по чарке вина. Расселись солдаты у палаток, стали вспоминать подробности боя, перечислять, за что и кому какие награды. Капелюхе за то, что придумал, как отбить у турок окопы. Жакетке — за турецкий штандарт. Дындину — за то, что один не оробел перед десятком турок и хоть изнемог в ранах, а в плен не дался.

— Ну а тебе за что же медаль? — спрашивают солдаты у Шапкина.

А тому и ответить нечего.

Носит Шапкин медаль, да покоя себе не находит. Товарищей сторонится. Целыми днями молчит.

— Тебе что же, медаль язык придавила?! — шутят солдаты.

Прошла неделя, и совсем изглодала совесть солдата. Не выдержал Шапкин, пошел к Суворову. Входит в палатку и возвращает медаль.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — Награду назад?

Опустил Шапкин голову низко-низко, к самому полу, и во всем признался Суворову.

«Ну, — думает, — пропадай моя голова».

Рассмеялся Суворов, обнял солдата.

— Молодец! — похвалил. — Знаю, братец, без тебя все знаю. Хотел испытать. Добрый солдат. Добрый солдат. Памятуй: героем не рождаются, героем становятся. Ступай. А медаль, ладно, пусть полежит у меня. Тебе заслужить. Тебе и носить.

Не ошибся Суворов.

В следующем бою Шапкин первым ворвался в турецкую крепость, заслужил и медаль и славу.

Переход

Двигается суворовская армия, совершает стремительный переход. День, второй, третий... десятый. Каждый день — шестьдесят верст. То ли солнце палит, то ли дождь-непогода — идут колонны одна за другой, совершают дальний поход.

Измучились солдаты в пути. Пообтрепались башмаки на дорогах. Гудят от волдырей и усталости ноги.

Изнемогли солдаты. Нет солдатских сил идти дальше. А идти надо. Нельзя не идти.

Догоняет Суворов заднюю из колонн. Делает вид, что не замечает солдатской усталости.

— Богатыри! Ребята! — кричит Суворов. — Орлы! Да за вами и конному не угнаться! Так, верно, молодцы — шире шаг: отдавите передним пятки.

Догоняет Суворов среднюю из колонн:

— Богатыри! Братцы! Неприятель от вас дрожит. Вперед! Вперед! Нога ногу подкрепляет — раз, два, левой, левой... Рука руку усиляет — раз, два, левой, левой! Шибче! Шибче! Задние пятки отдавят!

Догоняет Суворов первую из колонн:

— Дети! Орлы! Неприятель без вас скучает. Вперед! Вперед! Теснее ряд, выше голову, грудь навывкат! Ух,

махни, головой тряхни, удаль солдатскую покажи! Барабаны! Музыка! Песни!

Затрубили трубачи и горнисты, ударили барабаны, разнеслась над войсками песня. Повеселели, подтянулись солдаты. Сбилась от четкого солдатского шага дорожная пыль столбом.

Едет впереди своих войск Суворов — доволен. Не оставилась русская армия — движется. Забыли солдаты про ссадины на ногах и усталость. Идут колонны одна за другой, совершают стремительный переход.

Спор

Как-то между солдатами начался спор: прав или неправ Суворов, утомляя войска быстрыми переходами? Спор вели капрал Пенкин и рядовой Кривокорытов.

— А что, — говорил Пенкин, — прав Суворов. В быстрой вся сила. Быстрота и натиск решают дело.

— Так-то оно так, — соглашался Кривокорытов. Но тут же начинал свое: — Так ведь солдатам трудно в походе. И сила людская на это уходит, да и в пути отстают многие.

— Мало что отстают, — возражал Пенкин. — Пусть лучше десять отстанут, зато сто победят.

— Ишь ты — десять отстанут! — но унимался Кривокорытов. — А может, эти десять самые смелые.

— «Смелые»! — усмехнулся капрал. — Кто же это тебе сказал, что смелые — и вдруг позади!

И другие солдаты поддерживали капрала:

— Прав Суворов: лучше устать, но победить!

— Ну, как хотите, — сдался Кривокорытов. — А мне торопиться некуда.

И действительно, на всех маршах солдат отставал. Армия уже и закончила переход, и вошла в дело, а бывало, и разбила противника, а Кривокорытов и другие вроде него еще где-то в пути, обозными клячами тащатся.

— Эх, несдобровать тебе, Кривокорытов! — говорил Пенкин. — Помяни, отстающего быют.

Так оно и случилось.

Привел Суворов русские полки стремительным маршем к Рымнику, к лагерю Юсуф-паши. Прошли солдаты единым махом восемьдесят верст, разгромили турецкую армию.

Кончился бой. Стали товарищи разыскивать Кривокорытова. Нет солдата.

Принялись ждать. Ждут день, ждут два — не приходит солдат.

На третий день Кривокорытов нашелся. Поленился, отстал, отбилсЯ солдат в пути, наскочил на турецкий разъезд и был насмерть врагами изрублен.

Похоронили солдаты товарища, перекрестились. Эхма, ни за что ни про что, через глупость свою сложил гренадер неразумную голову!

Палочки

Рядовой Пень в боях первым вперед не рвался. Зато после взятия городов был великий охотник до разной добычи.

Начнут солдаты стыдить товарища.

— А что, — отвечал Пень, — кровь проливаю, себя не жалею. Так уж и взять ничего нельзя!

Вступили суворовские войска в маленький турецкий городок. Ехал Суворов по кривым узким улочкам, видит, выскакивает из ворот соседнего дома солдат, гусь под мышкой.

— Эй, молодец, — окликнул Суворов, — сюда!

Подбежал Пень.

— Откуда гусак?!

Замаялся Пень, однако неглуп был — нашелся:

— Так хозяйка дала, ваше сиятельство. На, говорит, служивый.

— Так и дала? — усмехнулся Суворов.

— Дала, дала и еще приходиться велела.

Только сказал, а в это время из турецкого дома выбегает старая турчанка. Видать, поняла бабьим чутьем, что воинский начальник солдата ругает, осмелела, подбежала к нему и давай вырывать гуся.

Отдал солдат гусака. Убежала турчанка.

— Значит, сама дала и еще приходиться велела? — обозлился Суворов.

— Так то не она, другая дала, — стал выкручиваться Пень. — Молодая.

— Ах, молодая! — воскликнул Суворов.

Только воскликнул, а из дома выбегает молодая турчанка и тоже к солдату. Подскочила, затараторила на своем языке, руками машет и причитает.

Суворов турецкий язык знал, понял, что турчанка говорит о шелковой шали. Протянул он руку к солдатской пазухе — вытащил шаль.

Потупил Пень глаза, понял, что пришла расплата. Крикнул Суворов солдат, приказал взять мародера под стражу.

Вечером перед воинским строем виновного разложили на лавке и всыпали шомполами.

Врезают солдаты воришке, а Суворов стоит рядом, приговаривает:

— Жителя не обижай — он тебя кормит, не обижай — он тебя поит. Так ему. Так ему. Еще, еще! — командует Суворов. — Пусть хоть палочки дурь выбьют. Палочки тоже на пользу, коль солдат нечист на руку. Солдат — защитник мирных жителей. Солдат не разбойник!

Суп и каша

Суворовская армия совершала стремительный переход. Остановились войска ночевать в лесу на косогоре, у самой речки.

Разложили солдаты походные костры, стали варить суп и кашу.

Сварили, принялись есть. А генералы толпятся около своих палаток, ждут Лушку. Лушка — генеральский повар. Отстал Лушка где-то в пути, вот и томятся генералы, сидят не кормлены.

— Что же делать? — говорит Суворов. — Пошли к солдатским кострам, господа генералы.

— Да нет уж, — отвечают генералы, — мы подождем. Вот-вот Лушка придет.

Знал Суворов, что генералам солдатская пища не по нутру. Спорить не стал.

— Ну, как хотите.

А сам к ближайшим кострам на огонек.

Потеснились солдаты, отвели Суворову лучшее место, дали миску и ложку.

Уселся Суворов, принялся есть. К солдатской пище фельдмаршал приучен. Ни супом, ни кашей не брезгует. Ест, наедается всласть.

— Ай да суп, славный суп! — нахваливает Суворов.

Улыбаются солдаты. Знают, что фельдмаршала на супе не проведешь: значит, и вправду суп хороший сварили.

Поел Суворов суп, взялся за кашу.

— Хороша каша, добрая каша!

Наелся Суворов, поблагодарил солдат, вернулся к своим генералам. Улегся фельдмаршал спать, уснул богатырским сном. А генералам не спится. Ворочаются с боку на бок. От голода мучаются. Ждут Лушку.

К утру Лушка не прибыл.

Поднял Суворов войска, двинулась армия в дальнейший поход. Едут генералы понурые, в животах бурчит — есть хочется. Промучились бедные до нового привала. А когда войска остановились, так сразу же за Суворовым к солдатским кострам: не помирять же от голода.

Расселись, ждут не дождутся, когда же солдатская пища сварится.

Усмехнулся Суворов. Сам принялся раздавать генералам суп и кашу. Каждому дает, каждому выговаривает:

— Ешь, ешь, получай, да впредь не брезгуй солдатским. Не брезгуй солдатским. Солдат — человек. Солдат мне себя дороже.

Родительская шинель

В наследство от отца Суворову досталась шинель. Была она старая, потертая, местами латаная. Но Суворов гордился родительской шинелью. Брал ее с собою во все походы и, как наступали холода, никакой другой одежды не признавал.

И вот суворовская шинель попала в руки противника. Дело было летом. Хранилась шинель в армейском обозе. Как-то на обоз налетел турецкий разъезд, перебил охрану и увез ее вместе с другими вещами.

Фельдмаршал опечалился страшно. Места себе не находил. Осунулся. Лишился доброго аппетита.

— Да мы вам, ваше сиятельство, — успокаивали его армейские интенданты, — новую шинель сошьем. Лучшую.

— Нет-нет, — отвечал Суворов. — Не видать мне подобной шинели. Нет ей цены. Нет ей замены.

О пропаже суворовской шинели узнали и солдаты Фанагорийского полка. Договорились они во что бы то ни стало вернуть от турок фельдмаршальскую шинель.

Во главе с поручиком Троицким и капралом Иваном Книгой солдаты пошли в разведку. Но неудачно: шинели не нашли. Зато взяли в плен турка. Стали допытываться, но тот про шинель ничего не знал.

На следующий день снова ходили в разведку, снова взяли турка, но и этот турок ничего нового не сказал.

Две недели солдаты упорно уходили в разведку. Изыскали за это время шесть турецких солдат, и лишь седь-

мой оказался из тех, что принимали участие в набеге на русский обоз.

Пленник долго не мог вспомнить, была ли шинель и что с ней стало. Наконец вспомнил, что досталась она при дележе захваченного имущества старому турку по имени Осман.

— А где он? Жив тот Осман? — заволновались солдаты.

Осман оказался жив. Только вот задача — поди излови Османа.

Тогда поручик Троицкий решил отпустить пленного турка и наказал: если тот принесет в русский лагерь суворовскую шинель, то остальные шесть будут отпущены.

На следующий день турок вернулся, принес шинель.

Узнал Суворов, как попала к русским шинель, страшно разгневался.

— Людьми рисковать! Из-за шинелишки солдатские головы под турецкие пули! — кричал он на поручика Троицкого.

Смутился поручик:

— Так они, ваше сиятельство, сами.

— «Сами»! — пробурчал Суворов, однако уже не так строго.

Потом взял шинель в руки, глянул на потертые полы, на залатанный борт и вдруг заплакал.

— Чего это наш фельдмаршал? — спрашивали не знавшие, в чем дело, солдаты.

— Шинель, — отвечал Иван Книга.

— Ну так что?

— Родительская, — с нежностью пояснял капрал.

Мосты

Войска Суворова сражались в Италии. Французская армия отходила без боя. Выбирали французские генералы

удобное для боя место — такое, чтобы наверняка разгромить Суворова. Отступили они к реке Адде. Перешли на ту сторону. Сожгли за собою мосты. «Вот тут, — решили, — при переправе, мы и уничтожим Суворова».

А для того чтобы Суворов их плана не понял, сделали французские генералы вид, что отходят дальше. Весь день отступали в сторону от реки, а затем вернулись назад и спрятали своих солдат в кустах и оврагах.

Вышел Суворов к реке. Остановился. Приказал наводить мосты.

Засучили солдаты рукава. Топоры — в руки. Закипела работа.

Наводят солдаты два моста, один недалеко от другого. Соревнуются между собой. На каждом мосту норовят управиться первыми.

Наблюдают французские дозорные за рекой. Через каждый час доносят своим генералам, как у русских продвигается работа.

Довольны французские генералы. Все идет точно по плану. Потирают от радости руки. Ну, попался Суворов!

Хитрыми были французы. Однако Суворов оказался хитрее.

Когда мосты были почти готовы, снял он вдруг среди ночи свою армию и двинул вниз по берегу Адды.

— А мосты, ваше сиятельство? — забеспокоились саперные офицеры.

— Молчок, — приложил палец ко рту Суворов. — Мосты строить. Шибче стучать топорами.

Стучат топоры над рекой, а фельдмаршал тем временем отвел свою армию вниз по ее течению и переправил где вброд, где по понтонам на вражеский берег.

Спокойны французские генералы. Знают, мосты не готовы. Успокаивает французов топорный стук над рекой. Не волнуются генералы.

И вдруг... со спины, с тыла, явился Суворов. Ударил в штыки.

— Ура! Чудо-богатыри, за мной!..

Поняли генералы, в чем дело, да поздно. Не ожидали русских французы. Дрогнули и побежали. Только офицеров одних более двухсот попало в руки к Суворову.

Мосты все же достроили. Как же быть без мостов, раз в армии не только чудо-солдаты, но и обозы и артиллерия.

Заманивай!

На реке Треббии разгорелась кровопролитная битва с французами.

Суворов внимательно следил за ходом сражения. Сидел верхом на казацкой лошади, без мундира, в белой рубаше, со шпагой в руке.

В самый разгар битвы один из русских полков не выдержал напора французов. Солдаты дрогнули, отступили, побежали. Вместе со всеми бежал и молодой солдат Ермолай Шокин. «Ну, погибель пришла!» — думал солдат и шептал про себя молитву.

Заметив замешательство русских, Суворов бросился к отступающему полку. Подлетел на разгоряченном коне, закричал:

-- Заманивай! Шибче! Так, правильно! Бегом!

Бежит Шокин, думает: «Как же понять? Какое же здесь заманивание, раз полк отступает?»

А Суворов опять:

— Шибче! Шибче! Заманивай!

Пробежали метров двести. Вдруг Суворов осадил коня. Привстал на стременах. Взмахнул над головой шпагой.

— Стой! — закричал. — Хватит!

Беглецы остановились. Остановился и Ермолай.

— Чудо-богатыри!.. Назад!.. — закричал фельдмаршал. — В штыки!.. Ура!.. С нами бог! Вперед!..

Повернулись солдаты лицом к неприятелю. Ударили в штыки.

— Вперед! — не умолкает Суворов. — Богатыри! Неприятель от вас дрожит! — И первым летит на французов.

Смяли, разбили солдаты противника.

Бежал Шокин, бился штыком, думал: «Ой, ловко, ой как ловко Суворов все дело повернул! И виду про отступление не подал. И не ругал».

И другие солдаты про то же думают. Бьются, не жалея себя, искупают минутную трусость.

А Суворов уже далеко был от этих мест, он сидел на коне и снова зорко следил, все ли везде в порядке.

Три дня длилась битва на реке Треббии. Победа была суворовской — полной.

Впереди и позади

В ночь перед штурмом Турина Суворов в сопровождении двух офицеров, майора Пронина и капитана Забелина, выехал на разведку. Хотел фельдмаршал сам осмотреть подступы к городу, а офицерам наказал взять бумагу и срисовывать план местности.

Ночь тихая, светлая, луна и звезды. Места красивые: мелкие перелески, высокие тополя.

Едет Суворов, любитесь.

Подъехали они почти к самому городу, остановились на бугорочке.

Слезли офицеры с коней. Взяли в руки бумагу. Майор Пронин — смельчак — все поближе к городу ходит. А капитан Забелин наоборот — за спиной у Суворова.

Прошло минут двадцать, и вдруг началась страшная канонада. То ли французы заметили русских, то ли просто решили обстрелять дорогу, только ложатся неприятельские ядра у самого бугорочка, рядом с Суворовым, вздымают землю вокруг фельдмаршала.

Смотрит Суворов, и майор Пронин не испугался, хо-

дит под ядрами, перерисовывает план местности. А Забелина нет. Исчез куда-то Забелин.

Услышали в русских войсках страшную канонаду, забеспокоились о Суворове. Примчался казачий разъезд к Турину.

— Ваше сиятельство, — кричит казачий сотник, — отъезжайте, отъезжайте! Место опасное!

— Нет, сотник, — отвечает Суворов, — место прекрасное. Гляди, — показал на высокие тополя, — лучшего места не надо. Завтра отсюда начнем атаку.

Кончилась канонада. Собрался Суворов ехать назад. Крикнул Пронина. Крикнул Забелина.

Подошел Пронин — бумажный лист весь исписан: где какие овражки, где бугорочки — все, как надо, указано. А Забелина нет. Стали искать капитана. Нашли метрах в двухстах за Суворовым. Лежит Забелин убитый. Рядом чистый лист бумаги валяется.

Взглянул Суворов на Пронина, взглянул на Забелина, произнес:

— Храбрый всегда впереди, трусишку и позади убивают.

«Я сам принесу к ним свою голову»

В русском лагере солдаты поймали француза. Поначалу француз молчал. Говорил лишь «пардон, пардон»¹, и больше ни слова.

Потом, когда солдаты на него поднажали, когда пришли офицеры, знавшие французский язык, пленник разговаривался. Сознался, что проник в русский лагерь затем, чтобы убить Суворова.

— Убить?!

— Ишь ты, стервец!

— Вешай его! — зашумели солдаты.

---

¹ Пардон — извините, простите (франц.).

Однако подоспел дежурный по лагерю и вовремя остановил самосуд.

Стали выяснять. Оказалось, что французы оценили голову Суворова в два миллиона ливров. Вот и соблазнился французский солдат. Решил подкараулить, убить Суворова и доставить своим генералам голову русского фельдмаршала.

Доложили Суворову.

— Помилуй бог, два миллиона ливров! — воскликнул Суворов. — Так дорого!

Слух о французском солдате прошел по всему русскому лагерю. Теперь не только солдаты, но и офицеры и генералы стали требовать казни лазутчика.

Однако фельдмаршал, к общему удивлению, пленника отпустил.

— Ступай, — сказал, — доложи своим генералам — пусть ждут. Я сам принесу к ним свою голову.

Суворов сдержал обещание. Через несколько дней при городе Нови русские войска разбили французов. Бросив знамена, обозы и всю артиллерию, французская армия позорно бежала. Командующий французской армией генерал Жубер был убит.

— Надули меня французишки, — «сокрушался» Суворов. — Зря ходил. Не захотели платить за голову. Поразбежались!

Говорун

Генерал князь Пирятин-Тамбовский во всех походах таскал за собой золоченую резную карету.

Генералом Пирятин был неважным. Зато говоруном оказался страшным. Раз уж завел разговор — не отцепится. Собеседник уже и так и сяк, уже и шляпа в руках, и сам стоит у порога, а Пирятин:

— Минуточку, минуточку. Я вам еще одну историю расскажу.

Старшие и равные по чину стали избегать Пирятина. Тогда генерал принялся за подчиненных. Вызывает к себе офицеров и начинает рассказывать им всяческие истории. Вначале офицерам это нравилось. А потом, когда генерал рассказал все истории и раз, и второй, и третий, и им опротивело. А так как начальству перечить было нельзя, офицеры придумали очередность. В понедельник ходил майор Краснощекин, во вторник — поручик Кукулин, в среду — капитан Рябов, и так до конца недели. Называлось это у офицеров несением «разговорной» службы. Ходили, слушали, тратили время и проклинали Пирятина...

С кем только не беседовал за свою долгую жизнь генерал! А вот с Суворовым не приходилось. А поговорить с фельдмаршалом очень хотелось. И вот представился князю случай.

Один из неприятельских городов сдался русским без боя. Порядок в подобных случаях был таков, что победитель въезжал в город в карете.

— Зачем мне карста? — заупрямился было Суворов. — Донской конь — лучшей не сыскать для меня кареты.

Однако генералы пристали, заговорили о престиже русской армии, о вековых традициях. Суворов поспорил и сдался.

Стали искать карету и вспомнили про князя Пирятина.

«Вот и повезло! — обрадовался князь. — Вот уж наговорюсь, вот уж натешусь».

Целую ночь генерал не спал, вспоминал разные истории, все готовился к встрече с Суворовым.

А сам Суворов страшно не любил болтунов. Слышал он о слабости Пирятина, понял, что заговорит его генерал по дороге.

Тогда Суворов по поводу кареты и ее хозяина отдал такой приказ: «У генерала князя Пирятина-Тамбовского позлащенную его карету взять. Хозяину сидеть насупро-

тив, смотреть вправо и молчать, ибо Суворов будет в размышлении».

Прочитал Пирятин приказ, и сразу настроение у князя испортилось. Однако приказ есть приказ, надобно повиноваться.

Сидит Пирятин в карете, держит голову, согласно приказу, повернутой вправо, молчит. Молчит, а самого так и распирает. Уж больно хочется ему заговорить с Суворовым. Просидел генерал молча минут десять и все же не вытерпел:

— Александр Васильевич, вот я вам одну историю расскажу...

Однако Суворов гневно глянул на генерала, и тот приумолк. Просидел Пирятин еще минут десять спокойно и чувствует, что больше не может. Не в силах болтун сдержаться.

— Александр Васильевич, вот я вам...

Несколько раз Пирятин пытался заговорить с Суворовым. Кончилось тем, что испортил он Суворову торжественный въезд в город и вконец разозлил фельдмаршала.

«Вот уж болтун! Ну и болтун! — ужаснулся Суворов. — Упаси господи русскую армию от таких генералов».

В тот же вечер Суворов отдал приказ отчислить князя Пирятина вместе с его каретой из армии.

— И чего это он? — удивлялся Пирятин-Тамбовский. — Карету для него не пожалел. Самые лучшие истории рассказать собирался. Не оценил. Не понял добра фельдмаршал.

«Как дела у вас в Париже?»

Поручик Козодубов во всем подражал французам. Мanners французские. Говорил по-французски. Книги читал французские.

Особенно поручик любил болтать о Париже: и во что там народ одевается, и что ест, и что пьет, и как время

проводит. И все-то ему у французов правится. И все-то ему у русских нехорошо. И хотя сам Козодубов во Франции и в Париже ни разу не был, получалось из его слов, что чуть ли он не рожден в Париже, что вовсе и не русский он, а француз.

Прожужжал поручик своим товарищам о французях и о Париже все уши.

Вот как-то встретил Суворов Козодубова, взглянул, спрашивает:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так матушка у меня в Питере и батюшка в Питере, — ответил удивленный поручик.

— Ах, прости, прости! — извинился Суворов. — Я-то думал, ты из французских.

Ничего не понял поручик. По-прежнему нахваливает все французское, а русских ругает.

Прошло несколько дней. Встретил снова Суворов поручика, опять с вопросом:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так, ваше сиятельство, я уже говорил, матушка у меня в Питере и батюшка в Питере. А рожден я во Пскове.

— Ах, прости, прости старика, запоматывал.

Не может понять поручик, в чем дело. Стал он жаловаться товарищам на Суворова: мол, стар фельдмаршал, мол, память уже никуда и речи порой непонятные, странные.

Видит Суворов, что поручик и теперь ничего не понял.

Происходило это как раз во время войны с французами. Наступил перерыв в боях. Предложили французы обменяться пленными офицерами. Суворов согласился. Составили штабные офицеры списки.

Просмотрел Суворов.

— Тут не все, — говорит.
— Все, ваше сиятельство, — докладывают офицеры.
— Нет, не все, — повторяет фельдмаршал. — Тут еще один французиска не указан...

Рассмеялись офицеры. Поняли шутку фельдмаршала. Рассказали поручику. Бросился тот со всех ног к Суворову.

— Ваше сиятельство! — кричит. — Ваше сиятельство, ошибка! Русский я! Я же вам говорил.

— Нет ошибки, — отвечает фельдмаршал. — Не русский ты.

— Русский, — утверждает поручик. — Русский. И матушка у меня русская, и батюшка русский. И фамилия у меня Козодубов. И во Пскове рожден.

— Мало что во Пскове рожден. Мало что матушка да батюшка русские, — говорит Суворов. — Да ты-то не русский. Душа у тебя не русская.

Дошло наконец до неумной головы, в чем дело. Упал он на колени, просит простить.

Подумал Суворов, сказал:

— Ладно, так уж и быть — оставайся. Только ступай с моих глаз долой. Иди думай. Гордись, дурак, что ты россиянин!

Всюду известны

Всю свою солдатскую жизнь Прошка провел в денщиках у Суворова.

Любил похвастать Прошка близостью к великому полководцу. Начинал так: «Когда мы с фельдмаршалом бивали турок...» Или: «Когда мы бивали прусских...»

— Ну а ты здесь при чем? — смеялись солдаты.

— Как — при чем! — обижался Прошка. — Как же без меня? Да если бы не я...

И Прошка не врал. Составляя планы сражений, Суворов любил посоветоваться со своим денщиком.

— А как ты думаешь, Прошка, — спрашивал Суворов, — не заслат ли нам драгун¹ в тыл неприятелю?

— Заслат, заслат, непременно заслат, — соглашался Прошка.

— А как ты думаешь, не направить ли нам генералу такому-то сикурс?²

Не раз Прошка спасал Суворова от верной гибели. Неосторожен, отчаян фельдмаршал. За ним нужен глаз да глаз. Неотступен Прошка — словно тень за Суворовым. Поскользнулся фельдмаршал на пароме, ударился головой о бревно, камнем пошел ко дну — Прошка не мешкая бросился в воду. Убило под Суворовым в разгар боя лошадь, и снова Прошка тут как тут — подводит нового рысака.

А сколько раз vyhаживал Прошка Суворова после ранений! Однажды ранение было особенно тяжелым. Пуля прошла сквозь шею фельдмаршала и застряла в затылке. Пулю вынули. Однако рана воспалилась.

Суворов с трудом дышал и часто терял сознание. Больному требовался полный покой, Суворов же метался, порывался все время встать.

Ни доктора, ни генералы не могли успокоить Суворова. И снова нашелся Прошка.

— Не велено, не велено! — покрикивал он на больного.

— Кем не велено? — возмущался Суворов.

— Фельдмаршалом Суворовым, — отвечал Прошка.

— О, фельдмаршала надобно слушаться. Помилуй бог, надобно слушаться, — говорил Суворов и утихал.

Во время войны с французами сардинский король неожиданно прислал Прошке медаль. При этом было указано, что Прошка награждается «за сбережение здоровья великого полководца».

---

¹ Драгуны — кавалерийские части.

² Сикурс — помощь.

Медалью Прощка страшно гордился и, когда с кем-нибудь заводил разговор, обязательно упоминал: «Даже заграничными наградами моя особа отмечена. Мы с фельдмаршалом Александром Васильевичем всюду известны».

Слава

Генерал князь Барохвостов завидовал суворовской славе. Вот однажды он и спрашивает у одного из солдат:

— Скажи мне, братец, почему Суворова в армии любят?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что Суворов солдатскую пищу ест.

Стал Барохвостов есть так же, как и Суворов, щи и солдатскую кашу. Кривится, но ест. Хочется, видеть, генералу суворовской славы.

Прошло несколько дней, но славы у Барохвостова не прибавилось. Он опять спрашивает у солдата:

— Что же это слава у меня не растет?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что Суворов не только ест щи и кашу, но и спит по-солдатски.

Стал и Барохвостов спать по-солдатски — на жестком сене, в простой палатке. Натирает генерал изнеженные бока, мерзнет от холода, но терпит. Уж больно ему хочется суворовской славы.

Прошло еще несколько дней, а генеральская слава все не растет. И снова он вызвал солдата:

— Говори, какой еще секрет у Суворова?

— А такой, — отвечает солдат, — что фельдмаршал войска уважает.

Принялся и князь Барохвостов уважать своих подчиненных, ласковые слова говорить солдатам.

Но и теперь генеральской славы не прибавляется. Смотрят на него солдаты, промеж себя усмеваются. И только.

Стал злиться тогда генерал. Снова кликнул солдата-советчика.

— Как же так! — возмущается князь Барохвостов. — Щи и кашу ем, сплю на соломе, ласковые слова говорю солдатам — почему же слава ко мне не идет?!

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что и это еще не все.

— Что же еще? Какие еще такие секреты у Суворова?

— А такие, — отвечает солдат, — что Суворов умеет бить неприятеля по-суворовски. Славу великую родине добыть умеет.

Тогда и Барохвостов решил бить неприятеля и добывать родине великую славу. Только как-то с этим у Барохвостова не получалось.

Поэтому и не пришла к нему слава, поэтому и помер он в неизвестности.

А слава о Суворове осталась в веках. И каждый Суворова знает.

Глава вторая

ПРИВЫКАЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕУТОМИМОЙ

Прошка

Когда Прошка попал в денщики к Суворову, солдат немало обрадовался. «Повезло! — подумал. — Не надо будет рано вставать. Никаких ротных занятий, никакого режима. Благодать!»

Однако в первый же день Прошку постигло великое разочарование. В четыре часа утра кто-то затряс солдата за ногу.

Приоткрыл Прошка глаза, смотрит — Суворов.

— Вставай, добрый молодец, — тормозит его Суворов. — Долгий сон не товарищ богатую русскому.

Оказывается, Суворов раньше всех подымался в армии.

Поднялся Прошка, а тут и еще одна неприятность. Приказал фельдмаршал притащить ведро холодной воды и стал обливаться.

Натирает Суворов себе и шею, и грудь, и спину, и руки. Смотрит Прошка, выпучил глаза — вот так чудо!

— Ну а ты что? — закричал Суворов. И приказал Прошке тоже облиться.

Ежится солдат с непривычки, вскрикивает от холода. А Суворов смеется.

— В здоровом теле дух, — говорит, — здоровый. — И снова смеется.

После обливания вывел Суворов Прошку на луг. Побежал фельдмаршал.

— Догоняй! — закричал солдату.

Полчаса вслед за Суворовым Прошка бегал. Запыхался солдат, в боку у него закололо. Зато Суворов хоть и стар, а словно с места не двигался. Стоит и снова смеется.

И началась у Прошки не жизнь, а страдание. То устроит Суворов смотр оборонительным постам — и Прошка целые сутки в седле трясется, то учинит поверку ночным караулам — и Прошке снова не спать. А тут ко всему принялся Суворов изучать турецкий язык и Прошку заставлял.

— Да зачем мне басурманская речь? — запротивился было солдат.

— Как — зачем! — обозлился Суворов. — Турки войну готовят. С турками воевать.

Пришлось Прошке смириться. Засел он за турецкий букварь, потел, бедняга, до седьмого пота.

Мечтал Прошка о тихом месте — не получилось. Хотел было назад попроситься, в роту. Потом привык, привязался к фельдмаршалу и до конца своих дней верой и правдой служил Суворову.

«Пахучка»

Из Петербурга на службу к Суворову прибыл молодой офицер, князь Мещерский. Одет офицер по последней моде: щегольской мундир, башмаки лаковые, шелковые чулки до самых колен. Напомажен, надушен, напудрен.

Явился поручик к фельдмаршалу на доклад, словно не в штабную избу, а на званый обед во дворец пожаловал.

Втянул в себя Суворов непривычный запах.

— Помилуй бог! — воскликнул. — Пахучка!

— Что? — не понял Мещерский.

— Духи, говорю, — произнес Суворов, — пахучие.

— Французские, — похвастал поручик.

Смотрит Суворов на приехавшего и опять «восхищается»:

— А наряд-то, наряд-то какой! Чудо-наряд! И, должно быть, немалю плачено.

— Полтысячи золотых, — с гордостью ответил Мещерский.

— Помилуй бог! Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — А не прокатиться ли нам, милый, верхом? — вдруг предложил поручику.

Обрадовался молодой офицер. Сели они верхом на казачьих коней. Тронулись. Сидит Мещерский на коне — собою любит: вот он, мол, какой — и молодой, и красивый, и рядом с Суворовым едет.

Целый день таскал Суворов за собой новичка по разным местам. Выбирал дорогу неезженую. Гнал лошадей через грязь и болота, через овраги и перелески. Дважды пускал вброд через реки.

Едет Суворов и все приговаривает:

— Подумать только, полтысячи золотых!

Только Мещерский уже понял, в чем дело. Больше не хвастает. С грустью смотрит он на щегольской наряд, понимает: ни за что ни про что пропадает наряд.

Обтрепал за долгую дорогу офицер дорогой мундир, изодрал шелковые чулки, испортил лаковые башмаки, о жесткое казачье седло до крови натер себе ноги.

Вернулся щеголь в штаб-квартиру суворовских войск, слез с коня — едва на ногах держится. Едва держится, но виду не подает. Терпит.

«Терпит. Всю дорогу молчал. Толк будет», — подумал Суворов.

И не ошибся. Вскоре с поручика сошел питерский лоск. Стал «пахучка» исправным офицером и отличился во многих походах.

Настоящий солдат

Подошел как-то Суворов к солдату и сразу в упор:

— Сколько от Земли до Месяца?¹

— Два суворовских перехода! — гаркнул солдат.

Фельдмаршал аж крикнул от неожиданности. Вот так ответ! Вот так солдат!

Любил Суворов, когда солдаты отвечали находчиво, без запинки. Приметил он молодца. Понравился фельдмаршалу солдатский ответ, однако и за себя стало обидно. «Ну, — думает, — не может быть, чтобы я, Суворов, и вдруг не поставил солдата в тупик».

Встретил он через несколько дней находчивого солдата и снова в упор:

— Сколько звезд на небе?

— Сейчас, ваше сиятельство, — ответил солдат, — сочту. — И уставился в небо.

Ждал, ждал Суворов, продрог на ветру, а солдат не торопясь звезды считает.

Сплюнул Суворов с досады. Ушел. «Вот так солдат! — снова подумал. — Ну, уж третий раз, — решил фельдмаршал, — и своего доброго ставлю в тупик солдата».

---

¹ Месяц — Луна.

Встретил солдата он в третий раз и снова с вопросом:

— Ну-ка, молодец, скажи-ка мне, как звали мою прародительницу?

Доволен Суворов вопросом: откуда же знать простому солдату, как звали фельдмаршальскую бабу?! Потер Суворов от удовольствия руки и только хотел сказать: «Ну, братец, попался!»—как вдруг солдат вытянулся во фронт¹ и гаркнул:

— Виктория, ваше сиятельство.

— Вот и не Виктория! — обрадовался Суворов.

— Виктория, Виктория, — повторил солдат. — Как же так может быть, чтобы у нашего фельдмаршала и вдруг в прародительницах была не Виктория!

Опешил Суворов. Ну и ответ! Ну и хитрый солдат попался!

— Ну, раз ты такой хитрый, — произнес Суворов, — скажи мне: какая разница между твоим ротным командиром и мной?

— А та, — не раздумывая ответил солдат, — что ротный командир хотя бы и желал произвести меня в сержанты, да не может, а вашему сиятельству стоит только захотеть, и я...

Что было делать Суворову? Пришлось ему произвести солдата в сержанты.

Возвращался Суворов в свою палатку и все восхищался:

— Помилуй бог, как провел! Вот это да! Вот это солдат! Настоящий солдат! Российский!

Сапоги

В чине генерал-аншефа² Суворов был направлен на финляндскую границу. Поручили Суворову следить за переустройством и вооружением тамошних крепостей.

---

¹ Во фронт — то есть стал по стойке «смирно».

² Генерал-аншеф — чин, предшествующий званию фельдмаршала.

Граница была большой. Крепостей много. Одному трудно.

На самом отдаленном участке Суворов передоверил наблюдение за работами одному полковнику. Тот, просмотрев день-другой, перепоручил это своему помощнику — майору. А майор в свою очередь — молодому поручику.

Через какое-то время Суворов вспомнил про отдаленную крепость. Приехал. Посмотрел — работа ни с места.

Разозлился Суворов, вызвал полковника.

— Что же это?! — закричал. — Почему работы не движутся?

Испугался полковник ответственности и свалил все на майора: мол, майор во всем виноват.

Суворов вызвал майора:

— Поручал вам полковник?

— Поручал. Так я же отдал приказ поручику.

Вызвал Суворов поручика:

— Получали приказ?

— Так точно, — ответил поручик. — Получал. Да не думал, что к спеху.

— Да, — произнес Суворов, — вижу, виновных нет. — И приказал принести прут.

Испугались виновные офицеры: ну как ударит?

А Суворов схватил прут и давай хлестать свои сапоги. Хлещет и приговаривает:

— Не ленитесь. Не ленитесь. Это вы во всем виноваты. Если бы вы сами ходили по всем работам, этого бы не случилось. — Потом отбросил прут в сторону, сел на коня и уехал.

Перекрестились офицеры — беда миновала. Собрали солдат. Засучили рукава. Топоры — в руки. За дело.

Помогли сапоги. Раньше других была отстроена отдаленная крепость.

Монастырские стены

Однажды сержанты и суворовские офицеры проводили с солдатами учения около монастыря. Глянули офицеры на высокие монастырские стены.

— На штурм! — раздалась команда.

Солдаты опешили.

— На штурм!

Солдаты закричали «ура» и ловко полезли на стены.

Перепугались монахи. Не поняли, в чем дело. Забились в темные кельи. Сидят, дрожат.

Кончили офицеры учения, похвалили солдат за проворство, построили, повели в казармы.

На следующий день вновь повторились учения. И превратился монастырь в учебную крепость. С утра до вечера штурмуют его солдаты. Прошло несколько дней. Монахи по привычке к учениям, перестали бояться. Жизнь в монастыре скучная-прескучная. Даже интересно стало монахам. Стоят смотрят. Ругается настоятель, разгоняет духовную братию по кельям. Только возвращаться в кельи монахам не хочется. Видать, понравилась солдатская удаль: самые молодые монахи и сами стали лазить на монастырские стены. И получился не монастырь, а черт знает что.

Разгневался настоятель, явился с жалобой на солдат к Суворову.

— Ай, ай! — воскликнул Суворов. — Вот негодники! Вот я им задам, вот покажу!

Вернулся настоятель к себе в монастырь. «Ну, — думает, — все, дело уладил». А утром глянул — и не верит своим глазам: со всех сторон подходят к монастырю войска. Идут солдаты стройными колоннами с барабанным боем, с песнями, тащат штурмовые лестницы, разворачивают пушки. Перед войсками верхом на коне Суворов. Не знал настоятель, что это по приказу Суворова штурмова-

ли солдаты монастырские стены. Выхватил Суворов шпагу, вскинул над головой, указал на стены:

— Чудо-богатыри, ура! Вперед! Во славу отечества!

Понял настоятель, что напрасно ходил к Суворову. Написал в Питер. Только пока жалоба ходила по разным рукам, Суворов со своими войсками ушел на войну.

Крепко бил Суворов противника. Ловко солдаты брали стены вражеских крепостей. Спасибо за учения, спасибо за монастырские степы.

По-суворовски

В поле, недалеко от казармы, капрал Казанского пехотного полка вел занятия со своими солдатами по-суворовски.

— Чем важны учения? — обратился капрал к солдатам.

— Учение свет, а неучение тьма! — хором отвечали солдаты.

— Так. Правильно. А чем ценен солдат ученый?

— За ученого трех неученых дают.

— Правильно. А что важнейшее в войске?

— Солдат российский.

— Так, — согласился капрал, — верно. — И перешел к занятиям по рукопашному бою.

Сам показал. Потом повторяли солдаты.

— Коли! Правильно. Коли! — выкрикивал капрал. — Пуля дура, штык молодец! — выкрикивал по-суворовски он при этом.

Начался дождь. Однако капрал солдат не распустил.

— За мной! — закричал. — Вперед! — И побежал через поле, через овраг к речке. — Живей, живей! — подгоняет солдат и опять по-суворовски: — Голова хвоста не ждет. Храбрый всегда впереди, трусишку и позади убивают!

Подбежали к реке. Капрал бух в воду — и на тот берег. И солдаты за ним. Вылезли, смотрят — один поотстал. Бьется на быстрине, тонет.

— Назад! — закричал капрал. — Сам погибай, а товарища выручай! В воду!

Вытащили неумельца солдаты. Стоят переводят дух.

— Устали? — усмехнулся капрал.

— Устали, — сознались солдаты, но тут же гаркнули по-суворовски: — Трудно в ученье, легко в бою!

— Молодцы! Правильно! — похвалил их довольный капрал.

Слухи о занятиях солдат в Казанском полку дошли до Суворова. Порадовался фельдмаршал, что солдаты суворовскую науку осваивают. Решил он узнать фамилию лихого капрала. Написал письмо командиру полка. Вскоре пришел ответ: «Фамилию, ваше сиятельство, указать не могу. У нас что ни капрал — каждый ведет занятия по-суворовски».

Госпиталь

— Не люблю госпиталей, — говорил Суворов. — Тот их любит, кто не радует о здоровье солдата.

Принял Суворов командование над войсками, стоявшими на северной русской границе, и узнал, что в тамошних госпиталях находится сразу тысяча человек хворых.

Явился Суворов в госпиталь, стал ходить по палатам.

Зашел в первую, спрашивает у солдат:

— Чем больны, чудо-богатыри?

Молчат солдаты. Сказать неудобно.

— Чем больны? — повторил Суворов.

— Животами мучаемся, — наконец произнес какой-то солдатик,

— Позвать сюда провиантмейстера¹, — приказал Суворов.

Провиантмейстер прибыл.

— Чем солдат кормишь? — спрашивает фельдмаршал.

— Так, разным... — начинает провиантмейстер.

— Чем — разным?

— Кашей, ваше сиятельство, мясом.

— А еще?

— Капустой.

— Так, — произнес Суворов и приказал принести капусту.

Принесли, попробовал, а она тухлая.

Посмотрел Суворов на провиантмейстера злыми глазами, закричал:

— Под арест! На гауптвахту! На десять суток!

Вошел Суворов во вторую палату:

— Чем больны, чудо-богатыри?

Растерялись, молчат солдаты.

— Они пообмороженные, — проговорил санитар.

— Позвать сюда каптенармуса², — распорядился Суворов.

Каптенармус прибыл.

— Во что солдат одеваешь?

— Как положено, ваше сиятельство, — отвечает каптенармус. — В мундиры, в башмаки, в чулки.

— В чулки! — закричал Суворов. — Север. Морозы. Почему валяных сапог не завезли? Где рукавицы?

Почувствовал каптенармус свою вину. Молчит, переминается с ноги на ногу.

— Под арест, на гауптвахту, на десять суток! — отдал приказ Суворов.

---

¹ Провиантмейстер — офицер, ведающий снабжением войск, провизией.

² Каптенармус — унтер-офицер, ведающий обмундированием солдат.

Пошел Суворов дальше. Входит в третью палату:

— Чем больны, чудо-богатыри?

— Это раненые, — отвечает за солдат санитар.

— Какие еще раненые?! — удивился Суворов.

Войны в это время никакой не было.

— Это из батареи поручика Кутайсова, — объяснил санитар. — На учениях пушку разорвало, ваше сиятельство.

Кликнул Суворов поручика, отругал, что за снарядами и пушкой плохо следит, и тоже под арест — на гауптвахту на десять суток.

Прошло около месяца. Появились у солдат и валенки и рукавицы. И в помине не осталось тухлой капусты. Кутайсов и другие офицеры стали собственноручно проверять снаряды и пушки.

Прошелся Суворов вновь по госпиталям. Ходит по палатам, а палаты пусты. Вместо прежней тысячи человек с трудом сорок больных насчитал.

Ходит Суворов довольный. Не любил фельдмаршал госпиталей.

На Сестрорецком заводе

Императрица Екатерина Вторая поручила Суворову обследовать Сестрорецкий оружейный завод.

Стали на заводе готовить Суворову торжественную встречу. Начальник завода выехал на Петербургский тракт, чтобы заранее встретить фельдмаршала.

А Суворов в это время в простой солдатской куртке на таратайке кружным путем по битой проселочной дороге приехал на завод и прямо в оружейные мастерские.

Ходит Суворов по мастерским, смотрит по сторонам.

Осмотрел карабины — хороши карабины.

Осмотрел штыки — хороши, остры штыки.

Поглядывает на Суворова мастер Иван Хомяков. «И чего это, — думает, — солдат здесь крутится?»

— Эй, служивый, чего ты здесь?

— Да так себе, так себе. Ничего, — ответил Суворов. — Кто мастер?

— Ну, я мастер.

— Как звать?

— Иван Хомяков. «И чего еще привязался!» — думает мастер. — Ступай, — говорит, — служивый, своей дорогой. Тут фельдмаршала ждут. Увидят тебя — попадет.

Суворов ушел.

Не встретил начальник завода высокого гостя, вернулся назад. Хомяков ему и рассказал о неизвестном солдате.

— Какой солдат?

— Да такой старенький.

— Старенький?! А росту какого?

— Небольшого, выходит, росту. Поменьше чем среднего.

— Худошав?

— Худошав.

— Сед?

— Сед.

— Волосы хохолком впереди?

— Хохолком.

— Глаза голубые?

— Голубые.

— Так это ж Суворов! — закричал начальник.

Иван Хомяков так и присел. Бросились искать «солдата», а его и след простыл: ни таратайки, ни лошадей.

Перепугался начальник завода. Хомякова ругает, стражу поносит. Да и мастер струхнул — выходит, сам же Суворова с завода выпроводил. Волнуются они, ждут наказаний.

Через неделю из Питера прибыл пакет. Пакет от самой государыни. Держит его начальник в руках, вскрыть не решается — отставка, думает. Вскрыл. Развернул бумагу, одним глазом искоса смотрит, руки дрожат, сердце стучит. Читает. Читает и не верит своим глазам: в бумаге

добрые слова про сестрорецкие штыки и карабины, монаршее благословение начальнику и приказ о выдаче Ивану Хомякову и другим мастерам по сто рублей серебром за искусство в работе.

Ртищев-Умищев

Многие проступки мог простить Суворов своим солдатам и офицерам, а вот ответа «не могу знать» не прощал. «Не терплю «немогузнаек», — говорил Суворов. — От них лишь позор армии».

И вот как-то Суворов приехал в свой любимый Фанагорийский полк, решил устроить офицерам экзамены.

Расселись офицеры рядом на лавках. Напротив — командир полка и Суворов.

— Что такое атака? — обратился фельдмаршал к майору Козлятину.

— Атака есть решительное движение войск вперед, имеющее целью уничтожить противника, — отчеканил Козлятин.

— Дельно, дельно, — похвалил Суворов. — Правильно. А что такое супренировать? — спросил у капитана Проказина.

— Супренировать, ваше сиятельство, — ответил Проказин, — это значит напасть неожиданно, застать неприятеля врасплох, разбить, не давая ему опомниться.

— Дельно. Дельно, — снова похвалил Суворов.

Доволен фельдмаршал: знающие офицеры. И командир полка доволен. Сидит улыбается, а сам Суворову все время на молодого поручика Ртищева показывает.

— Это, — говорит, — самый знающий в полку офицер. Умища!

Дошла очередь и до Ртищева.

— А ну-ка, скажи мне, Ртищев, — произнес Суворов, — что такое есть ретирада?¹

---

¹ Ретирада — отступление.

Замаялся поручик и вдруг...

— Не могу знать! — выпалил.

Все так и ахнули. Ну, все дело испортил. Офицеров подвел. Командира полка опозорил.

Рассвирепел Суворов, вскочил с лавки.

— Немогузнайку подсунули! — закричал, затопал ногами.

Повернулся, выбежал из избы прочь, сел на коня и хотел уехать. Да вдруг призадумался. Слез с коня, снова вернулся в избу, снова к поручику:

— Так что такое есть ретирада?

— Не могу знать, ваше сиятельство. В нашем полку такое слово никому не известно. Полк наш суворовский, полк наступающий!

Глянул Суворов на Ртищева и вдруг закричал:

— Ай да полк! Ай да полк! Славный полк — Фанагорийский. Значит, никто не знает?!

— Так точно, ваше сиятельство.

— Вот уж не думал, что проклятый немогузнайка доставит мне столько радости! — прослезился Суворов. — Вот так Ртищев! Ай да Умищев!

Враг

Секунд-майор граф Калачинский нажил себе в армии немало врагов. Несдержанным был секунд-майор на язык. Чуть что — обязательно кого-нибудь обидит, ввяжется в спор, накричит или скажет дурное слово. Вот и невзлюбили его товарищи. Вот и появились у майора враги.

Как-то пришел Калачинский к Суворову, пожаловался на своих товарищей.

— Помилуй бог! — проговорил Суворов. — Ай-ай, как нехорошо! Враги, говоришь? Ай-ай. Ну, мы до них доберемся.

Прошло несколько дней. Вызвал к себе Суворов секунд-майора.

— Узнал, — говорит, — я имя того главнейшего злодея, который вам много вредит.

— Капитан Пикин? — выпалил Калачинский.

— Нет.

— Полковник Лепешкин?

— Нет.

— Поручик Вяземский?

— Нет.

Стоит Калачинский, думает, кто бы это мог быть еще.

— Знаю! — закричал. — Знаю! Генерал-квартирмейстер князь Оболенский!

— Нет, — опять произнес Суворов, посмотрел на Калачинского загадочным взглядом, поманил к себе пальцем.

Подошел секунд-майор, наклонился к Суворову. А тот таинственно, шепотом:

— Высунь язык.

Калачинский высунул.

— Вот твой главнейший враг, — произнес Суворов.

Сторонись!

Суворов любил лихую езду. То ли верхом, то ли в возке, но непременно так, чтобы дух захватило, чтобы ветер хлестал в лицо.

Дело было на севере. Как-то Суворов уселся в санки и вместе с Прошкой отправился на объезд крепостей. А в это время из Петербурга примчался курьер, важные бумаги привез Суворову. Осадил офицер разгоряченных коней у штабной избы, закричал:

— К фельдмаршалу срочно, к Суворову!

— Уехал Суворов, — объяснили курьеру.

— Куда?

— В крепость Озерную.

Примчался офицер в Озерную:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В крепость Ликолу.

Примчался в Ликолу:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В Кюмень-град.

Прискакал в Кюмень-град:

— Здесь Суворов?

— Уехал...

Уехать Суворов уехал, да застрял в пути. Один из коней захромал. Пришлось повернуть назад. Двигались шагом, едва тащились. Прошка сидел на козлах, дремал. Суворов нервничал, то и дело толкал денщика в спину, требовал погонять лошадей.

— Нельзя, нельзя, ваше сиятельство, конь в неисправности, — каждый раз отвечал Прошка.

Притихнет Суворов, переждет и снова за Прошкину спину. Не сиделось фельдмаршалу, не хватало терпения тащиться обозной клячей.

Проехали версты две, смотрит Суворов — тройка навстречу. Кони птицей летят по полю. Снег из-под копыт ядрами. Пар из лошадиных ноздрей трубой.

Суворов аж привстал от восторга. Смотрит — вместо кучера на козлах молодой офицер, вожжи в руках, нагайка за поясом, папаха на ухе, кудри от ветра вразлет.

— Удалец! Ой, удалец! — не удержался от похвалы Суворов.

— Фельдъегерь, ваше сиятельство, — произнес Прошка. — Видать, не здешний, из Питера.

Смотрит Суворов, любитесь. Дорога зимняя узкая, в один накат. Разъехаться трудно. А кони все ближе и ближе. Вот уже и храп и сапочный скрип у самого уха.

— Сторонись! — закричал офицер.

Прошка замешкался: не привык уступать дорогу.

— Сторонись! — повторил офицер, и в ту же минуту санки о санки — бух!

Вывалились Суворов и Прощка в снег, завязли по самый пояс.

Пронесся курьер, присвистнул, ветром помчался дальше.

Поднялся Прощка, смотрит обозленно фельдъегерю вслед, отряхивает снег, по-дурному ругается.

— Тише! — прикрикнул Суворов и снова любит: — Удалец! Помилуй бог, какой удалец!

Три дня носился офицер по северной русской границе. Наконец разыскал Суворова.

— Бумаги из Питера, ваше сиятельство.

Принял Суворов бумаги, взглянул на фельдъегеря и вдруг снял со своей руки перстень и протянул офицеру.

— За что, ваше сиятельство?! — поразился курьер.

— За удаль!

Стоит офицер, ничего понять не может, а Суворов опять:

— Бери, бери. Получай! За удаль! За русскую душу! За молодечество!

Коньки

Мало кто в те времена на коньках катался. А вот Суворов катался.

Живя зиму в Ундоле, фельдмаршал каждый день ходил на замерзший пруд, проводил там часа два, а то и три кряду.

Пристрастился ходить на пруд вместе с Суворовым и мальчишка Федька Ухов. Вначале просто ходил, смотрел. А потом смастерил для себя коньки из старой железки. Видит фельдмаршал — шустрый мальчишка, принялся его обучать.

— Не робей! Не робей! — наставляет Суворов.

А Федька вовсе и не робеет. Только ноги у него разъезжаются.

— Стой так. Держись прямо, — объясняет Суворов. — Шаг левой. Шаг правой. Пошел. Живее. Живее давай! Заторопился Федька — бух на спину.

Смеется Суворов.

Подымется мальчишка, отряхнет снег, закусит губу и опять за учение. Упрямый Федька.

— Шаг левой! Шаг правой! — командует Суворов. — Пошел. Живее. Живее давай!

Неделю мучился Федька. Падал. Шишки себе набивал. Однако своего добился. Держится на ногах крепко, хотя и бегаёт пока тихо.

Мчит впереди Суворов.

— Давай шибче! Давай шибче! — кричит Федьке.

Отстаёт Федька.

Прошла ещё неделя. Мальчишка освоился. Не уступает теперь Суворову.

Прошла третья неделя, и Федька стал обгонять фельдмаршала. Обгонит:

— Давай шибче! Давай шибче! — кричит барину.

Напрягается Суворов изо всех сил, пыжится, однако обогнать Федьку уже не может.

Все чаще и чаще к пруду стали собираться другие мальчишки. Сгрудятся, смотрят, как фельдмаршал и Федька бегают. Весело им смотреть на Суворова, радуются, что свой барина обгоняет. Смеются.

Обидно стало Суворову, стал отгонять он мальчишек. Отойдут те, а потом незаметно снова к пруду приблизятся. Снова смеются. Злятся Суворов.

— Пошли вон! — кричит на ребят.

Надоело это Суворову. Стал он тогда выбирать такое время, чтобы Федьки поблизости не было. Видит — нет Федьки, схватит коньки, скорей на каток. Пробежит по пруду круг-другой, смотрит — и Федька тут, словно изпод земли вырос. И снова бегут ребята. Снова смеются.

Разозлился вконец Суворов, позвал управляющего:

— Знаешь мальчишку Федьку Ухова?

— Знаю, ваше сиятельство.

— Так отвези его во Владимир, — приказал Суворов. — Чтoб духу его тут не было!

Приказал Суворов, а потом передумал: все же понравился мальчишка своим умельством фельдмаршалу.

Остался Федька в Ундоле.

Через три года Суворов снова вспомнил о мальчике и приказал управляющему отдать его в ученики к железных дел мастеру.

Выучился Федька, вернулся в родную деревню и вскоре стал прославленным мастером на всю округу.

Бобыль

В селе Моровки-Шушки, что находилось в пензенских владениях графа Суворова, жил бобыль Григорий Нектов.

Дома не имел, жены не имел, родных тоже. Побирался он по селу — чем кто накормит, а то и вообще пропадал из Шушек, и где он скитался, толком никто не знал.

А тут подошел набор крестьян в армию. Во времена Суворова солдатская служба была долгой-предолгой — двадцать пять лет. Из семьи уходил работник надолго, навечно. Вот и решили шушкинские мужики: чего же думать, пусть-ка Нектов идет в рекруты¹.

Суворов же страшно не любил отдавать своих крепостных в солдаты. Невыгодно. Завел он такой порядок: рекрутов покупать со стороны. Полцены вносил Суворов, вторую половину собирали сами крестьяне. Роптали мужики на денежные поборы, однако мирились. А вот на этот раз решили: зачем же им тратить лишние деньги, раз есть бобыль Гришка?

Стали мужики упрашивать старосту Ивана Агафонова, чтобы тот немедленно же написал о Гришке Суворову.

---

¹ Рекрут — молодой солдат.

Поначалу Агафонов уперся: а ну как барин начнет ругаться? Потом согласился: пользы же все равно никакой от Нектова. Принялся сочинять письмо. Писал хитро. Начал с того, что в Шушках второй год неурожай, что крестьяне пришли в скудность, денег на рекрута нет. Потом упомянул, что при покойном родителе рекрутов не покупали и что, мол, менять порядок не стоит. А уже в самом конце упомянул о Григории Нектове: мол, бобыль, делом не запят, бродяжничает, мол, его и отдать в солдаты.

Ждут в Шушках ответа от Суворова. Вот и прибыл ответ. Взял староста бумагу — в глазах потемнело.

«Рекрута немедля купить, — грозно писал Суворов. — И впредь покупать, иначе быть вам розгами битыми». Далее в письме наказывалось, чтобы Нектову всем миром «завести дом, ложку, плошку, скотину и все прочее» и чтобы помогать Гришке до тех пор, пока хозяйство его не наладится. А в конце... «Раз Нектов до сей поры бобыль, — писал Суворов, — то главный ответчик — староста Иван Агафонов, а посему повелеваю оженить того бобыля на Агафоновой дочке Лукерье и даю на тот случай сроку 15 ден».

— Бог ты мой! — вскричал Агафонов. — Бобыля Гришку — да на моей Лукерье!

Прибежали крестьяне:

— Ну что, что там в письме? Чего барин в нем пишет?

— Пошли вон! — заревел Агафонов. — Господи милый! За что покарал?! За что же Лукерью... — заскулил староста. — Все из-за вас, проклятое семя! — набросился он на крестьян. — Сгною!.. Засеку!.. По миру пуцу!..

Разбежались крестьяне.

Повздыхал, поохал староста Агафонов, да что же делать.

Знал он крутой нрав барина — оженил на пятнадцатый день Лукерью и Гришку, завел им дом, ложку, плошку, скотину и все прочее.

И не стало с той поры в Шушках бобыля Гришки. А в солдаты ушел рекрут, купленный за общий крестьянский счет с приложением, как и полагалось, суворовской половины.

Кому как у господ живется

Как-то в воскресный день на ярмарке встретились крепостные разных господ. Были здесь мужики помещика Псарова, помещицы Водолеевой, князя Пирятина. Были и графа Суворова — ундольские мужики.

Завели мужики разговор о том, кому как у господ живется.

— У нас барин крут. Крут, не зря что фельдмаршал, — заявили суворовские крестьяне.

— Чем же он крут?

— Парней и девчат обженил без разбору.

— Ну а еще?

— Мальца Федьку хотел продать.

— Еще?

— Еще рекрутов покупать заставляет.

— Ну и крут! — засмеялись крепостные других господ. — Вы уж молчите. У вас барин как барин. Хороший барин у вас. Дай бог и нам бы такого. — И принялись рассказывать о своей жизни.

Крепостные помещика Псарова — про то, как их барин три раза в году — в покров, рождество и на пасху¹ — всем мужикам и бабам учиняет поголовную порку.

— Это чтоб барскую руку помнили, чтобы боялись, — объясняли псаровские крестьяне. — Вот кто уж крут, так это наш барин: виновных — на цепь, недовольных — в солдаты, за недоимки — в темный подвал на хлеб и ржавую воду.

— Подумаешь, Федьку хотел продать! — заговорили крепостные помещицы Водолеевой. — Того хоть за дело,

---

¹ Покров, рождество, пасха — церковные праздники.

за озорство, а наша барыня — так ни за что ни про что этих мальцов, словно цыплят, на торг возами вывозит. Не терпит барыня детского крику. Дворовых девок так тех — о господи! — едва у кого народилось дите, топить, как котят, понуждает.

— А наш барин, — вмешались в разговор крестьяне князя Пирятина, — по весне трех егерей заporол до смерти. А за что? За то, что те ненароком во время охоты подстрелили борзую. Сука поправилась, а мужиков — на погост.

Долго шумели на базарной площади мужики. Говорили всякое. И про то, как мрут крестьяне от разных болезней, и про то, что избы у всех — не избы и лошаденки — не лошаденки, а бог знает что, и про то, что сами мучены-перемучены и нет уже больше сил терпеть измывательства и гнуть мужицкие спины ради бар и господской прихоти.

Возвращались суворовские мужики к себе в Ундол, вспоминали разговор на базарной площади, думали: «Да, пожалуй, наш барин совсем хороший. Хоть и фельдмаршал, и граф, и князь, а все же жить при таком можно. Упаси нас бог от других господ».

Школа

Несколько лет Россия жила без войны. Войска Суворова стояли на одном месте.

Обзавелись за это время солдаты семьями. Понародились дети. Вот и решил Суворов организовать для солдатских детей школу.

Организовал и сам стал вести в ней занятия.

Собралось вначале в школу двенадцать ребят и подростков. А через несколько дней пришла девочка — Нюта. Ребята стали смеяться: девчонка — и в школу! Язык показывают. Дразнят.

Только зря смеялись ребята. Нюта оказалась не глупее других.

— Сколько дважды два? — спросил Суворов.

Сидят ребята, морщат лбы, соображают.

— Четыре! — выпалит Нюта.

— Молодец! Правильно, — скажет Суворов.

Потом вызывает ребят к доске, заставляет писать разные слова. Выбирает трудные:

— А ну-ка, Рывдин, напиши мне слово «еще».

Выйдет Рывдин, подумает, напишет: «Ищо».

— Так, — огорчится Суворов. — А ну-ка, Лаптев, ступай ты.

Выйдет Лаптев, напишет: «Исчо». Мучаются ребята с упрямым словом. «Есчо», «ище», «исче» — по-разному пишут.

— Неверно, неверно, — говорит Суворов. — Ну-ка, Нюта, ступай к доске.

Выйдет Нюта и крупными буквами выведет: «Еще».

— Вот теперь правильно, — скажет Суворов и похвалит Нюту.

Или устроит Суворов урок географии:

— Где река Дон?

И снова ребята морщат лбы. Один на Волгу покажет, другой на Днепр, третий вообще бог весть куда заберется. Зато Нюта подойдет к карте, схватит указку и сразу в нужное место ткнет.

Вот и назначил Суворов Нюту старшей над классом. Обидно стало мальчишкам: девчонка — и вдруг старшая! Побывали они несколько дней в подчинении у Нюты, а потом Рывдин и Лаптев обратились к Суворову с жалобой от всех ребят.

— Да, — согласился Суворов, — ваша правда. Нехорошо это. Не дело. Не пристало парням у девочки быть в подчинении. Только ведь по заслугам Нюта за старшую. Как же нам быть?

Стали ребята вместе с Суворовым думать, как же им быть.

— Нюта умнее нас, — заявил Рындин.

— У нее голова больше, — произнес Лаптев.

— Неверно, неверно! — перебил их Суворов. — Не умнее вас Нюта. Нюта прилежнее. Не гоняйте, — говорит, — вечерами по улицам, а сидите дома, изучайте географию и арифметику, как трудные слова пишутся, запоминайте, и у вас дело пойдет.

Послушались ребята Суворова. Выучили таблицу умножения. Запомнили, где какие моря и реки. Разные мудреные слова без ошибок писать научились.

Через месяц Суворов устроил ребятам проверку:

— Где река Дон?

Каждый лезет, норовит показать первым.

— Как написать слово «еще»?

— Через «е», «щ», «е»! — хором кричат ребята.

— Сколько дважды два?

— Четыре!

— А трижды три?

— Девять!

— Молодцы! Правильно! — хвалит Суворов.

Пришло время сдержать Суворову данное слово. Решил он назначить старшим над классом вместо Нюты Рындина.

Только ребята вдруг запротивились:

— Пусть остается Нюта.

— Нюта!

— Нюта! — понеслось с разных сторон.

Усмехнулся Суворов, порадовался. Хоть и малые ребята, а поняли, что прав был Суворов, назначив Нюту за старшего, что лучшего старшего им и не надо.

Штык

Как-то Суворов гостил у своего приятеля в Новгородской губернии. Вечерами друзья сидели дома, вспоминали

старых товарищей, бои и походы. А днем Суворов отправлялся побродить по лесу, посмотреть на округу. Здесь в лесу, у старого дуба, он и встретил мальчика Саньку Выдрина.

— Ты, дяденька, солдат? — обратился Санька к Суворову.

— Солдат, — ответил фельдмаршал.

— Откуда идешь?

— С войны.

— Расскажи про Суворова.

Фельдмаршал сощурил глаза, хитро глянул на мальчика:

— Про какого это еще про Суворова?

— Не знаешь? Ну, про того, что с турками воевал. Что Измаил брал. Про фельдмаршала.

— Нет, — говорит Суворов, — не знаю.

— Какой же ты солдат, — усмехнулся Санька, — раз не знаешь Суворова! — Схватил мальчик палку, закричал по-суворовски: — Ура! За мной! Чудо-богатыри, вперед!

Бегают Санька вокруг фельдмаршала, все норовит пырнуть Суворова палкой в живот.

«Вот так мальчишка!» — подивился Суворов. А самому приятно, что и имя его и дела детям и тем известны.

Наконец Санька успокоился, сунул палку за пояс, проговорил:

— Дяденька, подари штык.

— Зачем тебе штык?

— В войну играть. Неприятеля бить.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — Так ведь нет у меня штыка.

— Не брешу, не брешу, — говорит Санька. — Не может так, чтобы солдат — и штыка не было.

— Видит бог, нет, — уверяет Суворов и разводит руками.

— А ты принеси, — не унимается Санька.

И до того пристал, что ничего другого Суворову не оставалось, как пообещать штык.

Прибежал на следующий день Санька в лес к старому дубу, прождал до самого вечера, да только «солдат» больше не появлялся.

«Брехливый! — ругнулся Санька. — Никудышный, видно, солдат».

А через несколько дней к Санькиной избе подскакал верховой, вызвал мальчика, передал сверток.

— От фельдмаршала Суворова, — проговорил.

Разинул от неожиданности Санька рот, да так и остался. Стоит мальчик, смотрит на сверток, не верит ни глазам своим, ни ушам. Да разве может такое случиться, чтобы сам фельдмаршал к Саньке прислал посыльного!

Набежали к выдринской избе мужики и бабы, слетелись мальчишки, прискакал на одной ноге инвалид Качкин.

— Разворачивай! Разворачивай! — кричат мужики.

Развернул Санька дрожащими руками сверток — штык.

— Суворовский, непобедимый! — закричал Качкин.

— Господи, штык, настоящий! — перекрестились бабы.

— Покажи, покажи! — потянулись мальчишки.

К этому времени Санька пришел в себя. И рот закрыл. И руки у него дрожать перестали. Догадался. Рассказал он про встречу в лесу отцу, матери, и ребятам, и Качкину, и всем мужикам и бабам.

Несколько лет во всех подробностях рассказывал Санька про встречу с Суворовым.

А штык?

Больше всего на свете Санька берег суворовский штык. Спать без штыка не ложился, чехол для него сшил, чистил, носил за собой как драгоценную ношу. А когда Санька вырос и стал солдатом, он вместе со штыком ушел на войну и по-суворовски бил неприятеля.

Шуба

Подарила императрица Екатерина Вторая Суворову шубу. Сукно заграничное. мехом подбита. Воротник из бобровой шкуры. Хорошая шуба. Однако Суворову она ни к чему. Даже в самые лютые морозы фельдмаршал одевался легко, по-солдатски.

Спрятал бы ее Суворов на память в сундук, да только наказала царица фельдмаршалу с шубой не расставаться. Тогда Суворов пошел на хитрость.

Стал он возить за собой Прошку. Сидит Суворов в санках, рядом с фельдмаршалом — Прошка, важно держит в руках царскую шубу. Идет Суворов по улице. Следом за ним Прошка — в руках шуба.

Может быть, так до самой смерти своей и таскался бы Прошка с шубой, если бы вдруг кто-то не донес про суворовское непослушание императрице.

Разгневалась Екатерина Вторая, приказала позвать Суворова.

— Ты что же? — говорит. — Тебе что же, милость царская не по нутру?

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — По нутру, матушка. По нутру. Премного обязан.

— Ослушником стал! — укоряет царица. — Волю монаршую попираешь!

— Никак нет, — оправдывается Суворов. — Я же солдат, матушка. Мне ли, как барчуку, нежиться! А про непослушание это кто-то по злобе донес. Шуба всегда при мне. Как же! К ней Прошка специально приставлен... Прошка! Прошка! — позвал фельдмаршал.

Входит Прошка — приносит шубу.

Рассмеялась царица.

— Ладно, — сказала, — бог с тобой. Твоя шуба, твоя и воля. Не насиую. Поступай как хочешь.

Повесил Суворов шубу в дубовый шкаф. Там и висела шуба.

Про корм и хвастливых помещиков

Суворовская армия стояла на отдыхе в одной из южных губерний. Время было осеннее. С прокормом неважно. Особенно для лошадей.

Суворов нещадно ругал своих интендантов, писал прошения губернским начальникам, но дело не двигалось.

А тут ко всему постоянно надоедали местные помещики. Приезжали посмотреть на Суворова, и каждый непременно приглашал фельдмаршала в гости.

Ездить же Суворов по гостям не любил и всем отвечал: — Не могу. Не могу. Занят!

Приезжали помещики на тройках, четверках. Кони у всех резвые, сытые. Каждый пытался похвастать, пустить пыль в глаза — вот, мол, какой он богатый. А помещик Сопелкин приехал даже на целой восьмерке лошадей, запряженных цугом. Решил всех превзойти. Подумал, такому-то Суворов уж не откажет.

Глянул фельдмаршал на сопелкинскую восьмерку, задумался и вдруг действительно согласился.

На следующий день приказал Суворов собрать со всей армии восемьдесят самых тощих лошадей и запрячь их цугом в одну коляску. Запрягли. Уселся Суворов в коляску, поехал в гости.

Растянулся фельдмаршальский поезд на полверсты. Переступили первые пары через ворота сопелкинской усадьбы, а коляски с Суворовым еще и не видно — где-то за бугром тащится. Забили армейские кони весь барский двор — повернуться негде.

Понял помещик насмешку Суворова, однако смолчал. Распорядился развести коней по конюшням, пригласил фельдмаршала в дом.

Целую неделю гостил Суворов у Сопелкина. Съели за это время армейские кони у помещика все запасы овса и сена, разжирили, поправились.

Простился Суворов. Уехал. Вернулся в армию, спрашивает:

— Как корм для лошадей? Есть ли ответ от губернских начальников?

— Плохи дела, ваше сиятельство, — отвечают Суворову. — Нет ответа от губернских начальников.

Тогда Суворов наказал собрать новых лошадей. И снова поехал в гости. На сей раз к помещику Рачкину. Потом ездил к Шляпдину, потом к Утконосову.

Другие помещики заволновались. Поняли, разорит их Суворов. Уж и не рады именитому гостю. Уж и не приглашают Суворова. А фельдмаршал все ездит и ездит.

Кончила армия отдых, ушла в дальние походы. А в южной губернии еще долго вспоминали Суворова и потешались над хвастливыми помещиками.

«Пудра — не порох...»

После смерти Екатерины Второй русским царем стал ее сын, Павел Первый.

Император Павел принялся вводить новые порядки в армии. Не нравилось императору все русское, любил он все иностранное, больше всего — немецкое. Вот и решил Павел на прусский манер перестроить российскую армию. Солдат заставил носить длинные косы, на виски наклеивать войлочные букли, пудрить мукой волосы. Взглянешь на такого солдата — чучело, а не солдат.

Принялись солдат обучать не стрельбе из ружей и штыковым бою, а умению ходить на парадах, четко отбивать шаг, ловко поворачиваться на каблуках.

Суворов возненавидел новые порядки и часто дурно о них отзывался.

«Русские прусских всегда бивали. Чему же у них учиться?» — говорил фельдмаршал.

Однажды Павел Первый пригласил Суворова на парад. Шли на параде прославленные русские полки. Глянул Су-

воров — и не узнал своих чудо-богатырей. Нет ни удали, ни геройства. Идут солдаты как заводные. Только стук-стук каблуками о мостовую. Только хлесть-хлесть косами по спине.

А император доволен. Стоит, говорит Суворову:

— Гляди, гляди, еще немного — и совсем не хуже немецких будут.

Скривился Суворов от этих слов, передернулся.

— Радость, ваше величество, невелика, — ответил. — Русские прусских всегда бивали. Чему же здесь радоваться?

Император смолчал. Только гневный взор метнул на фельдмаршала. Постоял молча, а затем снова к Суворову:

— Да ты смотри, смотри косы какие! А букли, букли! Какие букли!

— «Букли»! — буркнул фельдмаршал.

Император не выдержал. Повернулся к Суворову, ткнул на до сих пор не смененную фельдмаршалом старую русскую форму, закричал:

— Заменить! Немедля! Повелеваю!

— Пудра — не порох, букли — не пушки, коса — не тесак, а я не немец, ваше величество, а природный русак! — И уехал с парада.

Павел разгневался и отправил упрямого старика в ссылку в село Кончанское.

Суворочка

Была у Суворова дочь — Наташа. Души не чаял Суворов в своей Наташе. В каких бы дальних походах ни был, всегда вспоминал о ней, писал частые письма, называл «душа моя», «милая голубушка», а друзьям говорил: «Смерть моя — для отечества, жизнь моя — для Наташи».

Но вот Наташа выросла, была принята при царском дворе, закрутилась на разных балах и званных приемах и совсем забыла отца.

Грустил Суворов в одиночестве. Особенно загрустил, будучи в ссылке в селе Кончанском. Редко-редко приходили сюда письма из Питера.

А тут привязалась к Суворову девочка Катя Калашникова. Ходила Катя с Суворовым в лес, навещала Мишку, суворовского коня, жившего здесь в «отставке», лазила на гору Дубиху, где среди старых дубов и елей стояла маленькая сторожка, в которой любил отдыхать и работать Суворов.

Идут фельдмаршал и Катя, ведут разговор.

— Ты старенький, — говорит Катя.

— Какой же я старенький? — возражает Суворов. — Я молод. Смотри... — И прыгает, словно мальчишка, через канаву.

Катя смеется.

— Ты седенький, — говорит.

— Не сед я, а рус, — отвечает Суворов и молодецки встряхивает реденькими своими кудрями.

— У тебя морщинки на лбу.

— Какие же это морщинки? — отшучивается Суворов. — Это лихие шрамы.

— Ты не у дел, — заявляет Катя.

— Как — не у дел! Вот и неправда, — уже серьезно скажет Суворов.

Возьмет девочку за руку и поведет в лесную сторожку. Переступит Катя порог — кругом книги и карты. Глядит на карты, а там планы боев и сражений. Хоть и жил Суворов в изгнании, да времени зря не тратил, готовился к новым походам.

К осени Суворов оборудовал одну из комнат кончанского дома под зимний сад. В лесу выкопали они вместе с Катей молодых сосенок, берез и елок, посадили их в кадки, установили в комнате. Потом с кончанскими маль-

чишками наловили синиц, снегирей и щеглов. Назвали комнату «птичьей горницей».

Любил Суворов сиживать в «птичьей горнице». Приходила сюда и Катя. Сдружились они с фельдмаршалом. Вместе следили за птицами, давали им воду и корм, чистили комнату. А потом Катя садилась поближе к Суворову, и тот принимался рассказывать ей удивительные истории и забавные сказки.

Но вот случилась беда. Заболела Катя тяжелой болезнью — оспой. Заболела и не поправилась.

Осиротела «птичья горница».

Сразу же по весне Суворов выпустил птиц на волю. А сосенки, березки и елки наказал высадить рядом с Катиной могилкой. Деревца разрослись. Появилась рощица. Часто приходил сюда Суворов, молча стоял и о чем-то думал. Может, о Кате. Может, и о Наташе.

А Наташа по-прежнему ездила по разным вечерам и балам и совсем перестала писать в Кончанское.

Николев

В селе Кончанском Суворов находился под надзором обедневшего помещика Николева.

Доставалось Суворову от Николева. Строго соблюдал Николев режимные правила: письма фельдмаршала вскрывал, доносил о тех, кто посещал опального полководца, следил, чтобы Суворов не отлучался в соседние села.

Едва Суворов куда-нибудь собирается: «Не велено, ваше сиятельство, не велено!» — кричит Николев и задерживает лошадей.

Направится Суворов с кончанскими мальчишками в лес по грибы или ягоды, и Николев тут как тут, возьмет лукошко, идет следом: «Ну как фельдмаршал удрать собрался?»

Николев гордился своим положением.

— Служба у меня немалая, — говорил он крестьянам, — сам фельдмаршал у меня в подчинении.

— Правда. Правда твоя, — соглашались крестьяне. — Может, тебе еще и награду дадут за усердие.

При таких словах Николев широко улыбался.

— А что? — отвечал. — Может, дадут. Оно по заслугам.

И дали.

Когда Суворов был снова призван в армию, император Павел Первый стал спрашивать, есть ли какие просьбы у полководца.

— Есть, есть, ваше величество, — ответил Суворов. — Великая просьба имеется.

— Говори.

— Был у меня в Кончанском надзиратель, — произнес Суворов, — исправно, ваше величество, свое дело вел: письма читал, в Питер докладывал, никуда из Кончанского не выпускал. За подобное усердие достоин высочайшей награды.

Император не понял насмешки фельдмаршала и наградил Николева.

Глава третья

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

Альпийские горы

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые, леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вел в последний поход своих чудо-богатырей Суворов.

Трудно солдатам в походе. Вьюга. Снегопад. Непогода. Путь дальний, неведанный. Горы. Холодно, голодно солдатам в пути. Идут, скользят, срываются в пропасти. Тащат тяжелые пушки, несут пообмороженных и хворых своих товарищей.

А кругом неприятель. Пройдут солдаты версту — бой. Пройдут еще несколько — бой. Пробивается русская армия сквозь горы и неприятеля. Совершает Альпийский поход.

Трудно солдатам в походе. В середине пути один из полков не выдержал.

— Куда нас завели? — зароптали солдаты. — Не пойдем дальше!

— Суворов из ума выжил!

— Назад! Поворачивай! Назад!

К полку подъехал Суворов.

— Хорошо, — произнес фельдмаршал. — Ступайте. Не нужны мне такие солдаты. Не русские вы. Ступайте.

— Как так — не русские! — возмутились солдаты.

— Русский все одолеет. Русскому все нипочем! — ответил Суворов. — Прощайте. — Повернул коня и молча поехал в горы.

Солдаты опешили. Не ожидали такого.

— Братцы! — выкрикнул кто-то. — Да что же это, а? Братцы! Мы ли не русские?!

— Русские! Русские! — понеслись голоса.

За шумели солдаты, задвигались, подхватили ружья, подняли носилки с ранеными и нестройно, торопясь и толкаясь, бросились вслед за фельдмаршалом.

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые, леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вел своих чудо-богатырей фельдмаршал Суворов.

Идут солдаты, ведут разговор

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Горы не страшны. Французы страшны. Если и будет наша гибель, так только от неприятеля.

И вдруг...

— К бою! К бою! — пронеслась команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге: кто за утес, кто за скалу. Залегли. Ждут неприятеля. Вот и французы. «Тра-та-та-та! Тра-та-та-та!» — несется со всех сторон.

— Братцы, не робей! Ура! Держись, братцы!

Удержались солдаты. Отступили французы.

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Французы не страшны. Горы страшны. Если и будет наша гибель, так только от гор, непогоды.

И вдруг...

Заиграла, засвистела, забушевала метель. Гванул леденящий ветер. Обрушилась с гор лавина.

— Берегись! Сторонись! — несется команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге: кто за утес, кто за скалу. Залегли. Ждут. Пронеслись камни. Отгремела лавина. Прояснилось небо. Притихла метель.

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Французы не страшны. Горы не страшны. Если и будет наша гибель, так только от мора, от голода.

И вот кончилась еда. Нет провианта.

Помрачнели солдаты. Насупились. Идут, опустили солдатские головы.

И вдруг...

Наше времечко военно, —
затянул чей-то голос,

От покоя удаленно.
Ой лю-ли, ой лю-ли,
От покоя удаленно.

Приободрились солдаты. Затянули ремни потуже. Повеселели. Идут. Подняли солдатские головы.

Сидит Суворов верхом на коне, смотрит, любитесь.

— Братцы! — кричит Суворов. — Не страшны нам горы Альпийские. Не страшны нам французшки близкие. Что нам голод, мор, непогода — раз в российских войсках дух солдатский не переводится.

— Ура! — гремит в ответ на слова фельдмаршала.

И снова разносится песня:

С предводителем таким
Все на свете победим.
Ой лю-ли, ой лю-ли,
Все на свете победим!

Двигается. Двигается. Двигается. По горным вершинам, по темным ущельям, в облаках, в туман, в непогоду, от обрыва к обрыву, со скалы на скалу. Двигается. Двигается. Двигается. Не остановишь российскую армию. Пробиваются солдаты сквозь горы и неприятеля. Совершают Альпийский поход.

Туча

Сен-Готард. Узкая извилистая тропа ведет к перевалу. А там, по ту сторону гор, новые горы, новые тропы, новые пропасти и стремнины.

Неприступной вершиной стал Сен-Готард на пути у русских. Укрепились на перевале французские войска, перекрыли дорогу.

Дважды ходили солдаты на штурм и дважды были отбиты.

Суворов приказал штурмовать в третий раз.

Выделил фельдмаршал группу солдат для обходного маневра. Назначил старшим молодого генерала, любимца своего, князя Петра Багратиона.

— Ну, с богом, — перекрестил их Суворов.

Проползли солдаты по уступам и скалам в обход Сен-Готарда, так, чтобы ударить противнику в спину. Под-

нялись уже до самых вершин, да только были замечены вдруг французами. Открыли французские стрелки ураганный огонь. Остановили русских. Сорвалась атака. Отдал Багратион приказ спускаться назад. Сползают солдаты вниз по отвесным скалам. Не торопятся, знают — не похвалит Суворов.

И правда. Скинул фельдмаршал шляпу, машет, кричит что-то Багратиону. Вздрагивает на голове суворовский холок, словно и он, как фельдмаршал, гневается.

— Шибче, шибче спускайся! — кричит Суворов и тычет шляпой в хмурое небо.

Смотрят солдаты — наплывает из-за гор на Сен-Готард черная туча. Смотрит на тучу и Багратион, однако не торопит солдат спускаться. Обволокла туча уступы и скалы, скрыла русских солдат.

— Побьются в тумане, — бранится Суворов. — Эх, медленно, не по-моему водит войска Багратион!

Волнуется фельдмаршал. Прождал несколько минут.

— Ну как, не вернулся князь Петр?

— Нет, не вернулся еще, — докладывают Суворову.

Прошло еще несколько минут.

— Ну как, не вернулся?

— Нет, ваше сиятельство.

Прошло минут тридцать, и вдруг там, на самом верху, у самого перевала, поднялась страшная стрельба, всколыхнуло перевальную тишь знакомое солдатскому уху «ура». Насторожился Суворов.

— Ура! Ура! — несется на перевале.

«Неужто Багратион?!» — недоумевает Суворов. И хочется верить, и трудно поверить!

Туча тем временем переползла через горы, свернула в долину и открыла перед Суворовым Сен-Готард. Глянул фельдмаршал — так и есть: на вершине Багратион со своими солдатами.

— Вперед! — закричал Суворов.

Ринулись солдаты в лобовую атаку. Оказались фран-

цузы зажатými с двух сторон: сверху и снизу. Не удержались. Бежали французы.

Поднялся Суворов на Сен-Готард, доволен.

— Так их! Правильно! — приговаривает. — Противник не ждет. А ты из-за гор высоких, из-за лесов дремучих, через топи, через болота, прямо из туч пади на него как снег на голову. Ура! Бей! Коли! Руби! Так его! Молодец князь Петр! — повернулся Суворов к Багратиону. — Эх нет, гляжу, по-нашему поступаешь! — И расцеловал генерала.

Чертов мост

Преодолев Сен-Готард, русские спустились в ущелье Рейсы. Бежит непокорная Рейса, пенится, клокочет, ударяет волной в высокие берега, наполняет гулом и ревом округу. Отдает десятикратным эхом в горах.

Жутко здесь путнику, жутко тут зверю, редкая птица слетит в ущелье.

Через Рейсу на высоте тридцати метров перекинута узкая каменная арка. Сотрясается арка от рева реки. Зловеще повисла над пропастью.

Недобрые это места. Чертов мост — перед русскими.

Взорвали французы центральную часть моста, засели по ту сторону Рейсы.

Бросились первые смельчаки на мост, но тут же свалились, сраженные пулями, в пропасть. Бросилась новая группа героев. Достигли пролома — не перепрыгнешь пролом. Остановились. Скосили меткие французские стрелки русских героев. Ринулся новый отряд. Снова гибель.

Остановилась атака.

Сидит Суворов верхом на казачком коне, смотрит на мост, на солдат, на вражеский берег. Понимает: сколько ни бегай солдаты — не быть им на том берегу, не заделав в мосту пролома. Замечает фельдмаршал: метрах в ста от дороги стоит невесть для чего построенный здесь сарай. «Разобрать бы сарай, связать бревна и перебросить через

пролом», — соображает Суворов. Только подумал, смотрит — от других отделяется тощий солдат, машет товарищам и несется к сараю. Бросились вслед гренадеры, взобрались на крышу, стали растаскивать бревна.

Наблюдает Суворов, видит: снимает тощий солдат поясной ремень. За ним и другие снимают. Связали, стянули ремнями солдаты бревна, подняли, поволокли к пролому.

«Мудрая голова», — подумал фельдмаршал о тощем солдате. Доволен Суворов солдатской смекалкой.

Поравнялись солдаты с мостом. «Вьить, вьить!» — зашвистели французские пули.

Залегли смельчаки за бревна. Переждали. Опять поднялись. Только не все. Половина убитых. Тощий, однако, поднялся.

Ступили солдаты шаг-другой, и снова французские пули. И снова солдат наполовину уменьшилось.

Опять залегли. Опять переждали. Поднялись. Снова огонь. И вот в живых только три человека. Снова залп — два человека. Снова — один. Смотрит Суворов: только тощий солдат и остался.

Не поднять солдату тяжелые бревна. Лег он, толкает бревна перед собой, пытается сдвинуть. Поднатужился, сдвинулись бревна чуть-чуть — на вершок. Опять поднатужился — еще на вершок.

— Герой! Молодец! — не удержался Суворов. — К герою на помощь! — кричит солдатам.

Бросились солдаты на помощь. Подбежали, схватили бревна — к пролому. Внеслись солдаты волной на мост. Брякнула, легла связка над пропастью. Откатились солдаты.

Смотрит Суворов, а тощий солдат на мосту. Стоит на бревнах, повернулся к своим, машет рукой. Развевает ветер солдатский кафтан, треплет рыжеватые кудри. Обдает непокорная Рейса солдата пеной и брызгами.

Больше героя фельдмаршал не видел. Зарябили перед

глазами Суворова солдатские спины. Хлынули гренадеры грозным потоком на мост. Заходило, заколыхалось солдатское море. Вот уже первые на той стороне. Вот уже и победное «ура» несется в ущелье.

Разбегаются, отходят французы.

Отстремел бой. Чертов мост позади. Остановились войска на отдых.

— Как звать героя? — стал интересоваться Суворов тощим солдатом.

— Мохов, Кирилл Мохов, ваше сиятельство. Гренадер Апшеронского пехотного полка, роты капитана Лукова.

— Удалец! Удалец! — восхищается Суворов. — Переправу навел, мост соорудил. Богатырь! Витязь! Позвать удалца!

— Мохов! Мохов! — зовут солдаты.

Не откликается Мохов.

Лежит солдат на дне пропасти. Не слышит. Не видит. Свалили солдата французские пули. Разбился о камни. Не бьется больше смелое сердце солдатское.

Погиб гренадер, а слава осталась.

Соберутся солдаты, начнут вспоминать бои и походы, вспомнят и Чертов мост. Вспомнят Чертов мост — вспомнят и Мохова:

— Если б не Мохов, если б не он — не видать нам победы. Доброе слово и память ему великая.

Генеральский погон

Идут войска, пробиваются через новые горы, через новые перевалы.

Прорвались к Муттенской долине — тут роковая весть: полки, к которым торопился Суворов, разбиты.

Французский полководец Массенá бросил теперь основные силы против Суворова. Силы неравны. У Массена в четыре раза больше солдат, чем у Суворова. И все же Суворов решил первым пачать атаку.

Словно горная лавина, обрушились русские на французов. Полки Апшеронский и Азовский, казаки генерала Грекова врезались в противника с такой силой, что французы не выдержали и побежали.

Мечется Массена среди своих войск, кричит, пытается остановить. Не помогает. Бегут французы, давят друг друга, зажали в своей толпе самого Массена.

— Стойте! Стойте! — кричит генерал.

Вместе со всеми врезался во французские ряды и капитан Махотин. Видит, генерал на коне. Стал Махотин пробиваться к Массена. Пробился и сдернул Массена с коня. «Ну, братец, теперь не уйдешь. Теперь я тебя под мышку!» РадуетсЯ Махотин и вдруг видит у самого своего носа неприятельский штык. Кто-то из французских солдат бросился на помощь своему генералу. Отбил Махотин штык, повалил, пришиб прикладом француза. Повернулся опять к Массена. А тот уже на коне. Рванулся капитан к генералу. Ухватился рукой за плечо. Соскользнула рука. Пришпорил коня Массена. Вынес рысак генерала из битвы.

— Держи! Держи его! — кричит Махотин.

Да где уж! Быстрее ветра уходит Массена. Стоит капитан, смотрит сожалеючи вслед. Стоит и не замечает, что у самого в зажатой руке генеральский погон. Посмотрел на руку — правда погон.

Стыдно стало капитану, что упустил Массена. Решил про погон никому не рассказывать. А потом, после битвы, все же проговорился.

— Так ты же герой! — закричали солдаты.

Дивятся, рассматривают солдаты генеральский погон. Потом поднялись, пошли рассказали ротному командиру, командир — генералу, генерал — Суворову.

На следующий день перед войсками был объявлен приказ фельдмаршала о производстве Махотина в офицеры.

— Ура Махотину! — кричат солдаты. Довольны, что свой брат в офицеры выбился.

А офицеры насупились — ни радости, ни улыбки. Обидно их благородиям.

После прочтения приказа выделили офицеры из своей среды поручика, капитана и полковника, послали к Суворову.

— Как же так, ваше сиятельство? За какие заслуги? — говорят офицеры. — Подумаешь, генеральский погон! Вот если б он живого Массена привел.

Посмотрел Суворов на офицеров, поманил к себе пальцем поручика:

— Хочешь быть капитаном?

Подивился поручик такому вопросу, подумал: а вдруг и вправду соблаговолит Суворов?

— Так если ваша воля на то, — произнес и пригнулся.

Поманил Суворов капитана:

— Хочешь быть полковником?

— Как же не хотеть, ваше сиятельство! — ответил капитан и тоже пригнулся.

Позвал Суворов полковника:

— Желаешь быть генералом?

— Не смею просить. Все от бога и вашего сиятельства! — гаркнул полковник.

— Ступайте принесите мне второй погон от Массена — быть и вам в повышении, — повелел Суворов.

Сконфузились офицеры. Повернулись. Ушли.

А Суворов еще долго не мог успокоиться.

— «За какие заслуги!» — выкрикивал он. — Ишь ты! За доблесть солдатскую — вот за какие заслуги.

Рота капитана Смелого

После каждого боя Суворов интересовался, какие войска были первыми, какие отличились больше других. Так было и после штурма Сен-Готарда.

— Ступай разузнай, — послал Суворов своего адъютанта.

Адъютант долго ходил, расспрашивал, выяснял, однако без толку. Одни говорят — апшеронцы, другие — азовцы. «Гренадеры Багратиона», — утверждают третьи. «Нет, казаки Грекова», — доказывают четвертые. Обходит суворовский посланец войска, никак не добьется истины. Все были на перевале.

И вдруг адъютанта окликнул какой-то солдат:

— Хочешь знать без ошибки?

— Говори же скорей!

— Рота капитана Смелого — вот кто был первым, — ответил солдат.

— Рота капитана Смелого, — доложил адъютант Суворову.

— Так, молодцы! — похвалил фельдмаршал.

После перехода через Чертов мост Суворов снова поинтересовался, кто был первым.

Адъютант опять долго ходил по войскам, наконец пришел, доложил:

— Рота капитана Смелого, ваше сиятельство.

— Молодцы, герои! — похвалил Суворов.

После битвы с Массена фельдмаршал снова стал выискивать героев.

— Рота капитана Смелого, — услышал Суворов опять в ответ.

— Вот так рота! — подивился Суворов.

Приказал он позвать к себе капитана Смелого.

Стали искать. Выяснилось, что никакого капитана Смелого и роты такой во всей суворовской армии нет.

— Ах ты шельмец! — рассердился Суворов.

Вызвал адъютанта:

— Ты что же неправду доносишь?!

— Как — неправду! — обиделся адъютант. — Я, ваше сиятельство, к солдатам ходил. Они врать не станут. И при Сен-Готарде, и на Чертовом мосту, и в деле с Массена — всюду была первой рота капитана Смелого.

— Ах, вон оно что! — усмехнулся Суворов. — Ну ступай, еще раз поговори с солдатами.

Прибегает адъютант к солдатам:

— Где же ваша рота? Где капитан?

— Капитана, пожалуй, и нет, — отвечают солдаты, — а рота есть. Как же, есть! Она и в Апшеронском пехотном полку, и в Азовском гренадерском полку, и в бригаде князя Багратиона, и среди казаков генерала Грекова, — перечисляют солдаты.

Вытянулось от удивления адъютантово лицо — что за чушь говорят солдаты?!

А дело в простом. Трудно при Сен-Готарде отличить, какие войска в первых, какие в последних. Перемешались тогда полки и роты на перевале — все в первых.

Вот кто-то из солдат и придумал про роту капитана Смелого. Выдумка солдатам понравилась. Стали они с той поры самых отважных называть этим именем.

Так и пошло.

Отличатся апшеронцы.

— Так это же рота капитана Смелого! — кричат солдаты.

Отличатся азовцы.

— Рота Смелого!.. Смелого!.. Смелого!.. — несетя в войсках.

Отличатся гренaдеры Багратиона или казаки Грекова, а солдаты опять свое:

— Рота Смелого. Ей почет, ей и слава.

Понравилась Суворову солдатская выдумка. Стал и он изъясняться по-солдатски. Зайдет разговор, кого посылать на опасное дело, а фельдмаршал говорит:

— Посылайте достойных, богатырей. Лучше всего тех, кто из роты солдатского капитана.

Новые башмаки

Оборвались в пути солдаты. Изодрали мундиры, избили башмаки на горных дорогах. Стынут солдаты от холода.

Жмутся на ночевках к кострам, греют озябшие руки и спины.

Не лучше других и Прохору Груше. Мундир — решето. Башмаки — без подошвы. Ступает солдат голыми пятками по камням, впиваются камни в ступни.

Обвяжет Прохор тряпками ноги, пройдет версту — от тряпок мочала. Залатает мундир — к вечеру снова ребра наружу.

Измучился солдат: жизнь не мила, небо с овчинку.

И вот Груша куда-то исчез, недосчитались его на привале.

— Эхма! Видать, остуился, сорвался в пропасть, — перекрестились солдаты.

А утром Прохор явился. Глянули приятели — не узнать Груши. Красавец солдат перед ними. Новый мундир, башмаки новые.

Мундир и башмаки были французские.

Щупают солдаты мундир. Ай да мундир! Сукно в полпальца. Ватой подбито.

— Ногу задери, ногу! — просят солдаты.

Подымет Прохор ногу. Ну и башмаки! Из ременной кожи, подошва что сталь, шипами покрыта.

— Вот так обнова! — восхищаются солдаты. — Век бы ходить по камням и болотам.

— Где достал? — понёслись голоса.

— Никак, дружков нашел, французов!

— Тещу завел, — смеются солдаты.

Рассказал Прохор, что ходил он к французскому лагерю, подкрался, снял часового — вот и разжился.

Завидно стало солдатам. В следующую ночь уже несколько человек отправились за добычей. Однако назад никто не вернулся. Французы усилили караул и перебили пришельцев.

Так и остался Прохор Груша один во французской обнове.

Походил день, другой, а потом неловко стало солдату.

Среди своих и словно не свой. Словно среди простых петухов — пава.

Не рад уже Груша теплу и удобству. Не мил ему ни французский кафтан, ни башмаки из ременной кожи. Стал он предлагать трофеи товарищам: одному — башмаки, другому — мундир. Отказываются, не берут, не хотят солдаты.

— Ты раздобыл, ты и носи, — отвечают Прохору.

Говорят солдаты без зла, без зависти, просто неудобно им брать дорогой трофеей у товарища. А Груше кажется, что солдаты его сторонятся, что из-за этих, будь они прокляты, башмаков и мундира теряет Прохор верных друзей и приятелей.

Прошел еще день. Проклял Груша французский наряд. Снял мундир, снял башмаки, связал бечевой. Раскрутил и запустил в бездонную пропасть.

Солдаты шумно обсуждали поступок Прохора Груши.

— Дурак... — проговорил кто-то.

— Эх ты, мышиный помет, — оборвали его солдаты. — Правильно он сделал. Молодец Груша! Желает как все.

— Молодец! — подтвердил седоусый капрал. — Может, и погорячился Прохор, да, видать, душа у него солдатская.

Сало

Голодно солдатам в походе. Сухари от ненастной погоды размокли и сгнили. Швейцарские селения редки и бедны. Ели лошадей, копали коренья в долинах. А когда кончились коренья и лошади, взялись за конские шкуры.

Исхудали, изголодались вконец солдаты. Затянули ремни на последние дырки. Идут, вздыхают, вспоминают, как пахнут щи, как тает на зубах каша.

— Хоть бы каравай хлеба! — вздыхают солдаты. — Хоть бы сала кусок!

И вдруг в какой-то горной избу солдаты и впрямь раздобыли кусок настоящего сала. Кусок маленький, разме-

ром с ладошку. Обступили его солдаты. Глаза блестят, ноздри раздуваются.

Решили солдаты сало делить и вдруг призадумались: как же его делить — тут в пору одному наесться.

Зашумели солдаты.

— Давай по жребию, — предлагает один.

— Пусть съест тот, кто нашел первым, — возражает другой.

— Нет, так, чтоб каждому, каждому! — кричит третий.

Спорят солдаты. И вдруг кто-то предложил:

— Братцы, а я думаю так: отдадим-ка сало Суворову.

— Правильно! Суворову! Суворову! — понеслись голоса.

Позвали солдаты суворовского денщика Прошку, отдали ему сало, наказали вручить фельдмаршалу. Довольны солдаты. И Прошка доволен. Стал прикидывать, надолго ли сала хватит. Решил: если отрезать в день кусок толщиной с палец, как раз на неделю получится.

Явился Прошка к Суворову.

— Сало?! — подивился тот. — Откуда такое?

Прошка и рассказал про солдат. Мол, солдатский гостинец.

— Дети, богатыри! — прослезился Суворов. Потом повернулся к Прошке и вдруг закричал: — Да как ты взял! Да как ты посмел! Солдатам конские шкуры, а мне сало...

— Так на то они и солдаты, — стал оправдываться Прошка.

— Что — солдаты?.. — не утихает Суворов. — Солдат мне дорожее себя. Немедля ступай, верни сало. Да спасибо скажи. В ноги поклонись солдатам.

— Так они же сами прислали, — упирается Прошка. — Да что для них кусок сала с ладонь! Тут лизнуть каждому мало. Вои их сколько, а сала как раз на одну персону.

Глянул Суворов на сало. Правда, кусок невелик.

— Хорошо, — согласился Суворов. — Ступай тогда в санитарную палатку, отнеси раненым.

Однако Прошка снова уперся:

— Раненым?! Да куда им сало? Да им помирать пора!

— Бесстыжая душа твоя! — заревел Суворов и потянулся за плеткой.

Понял Прошка, что дело может дурным кончиться. Подхватил сало и помчался к санитарной палатке.

На следующий день солдаты повстречали Прошку.

— Ну, как сало? — спрашивают. — Ел ли фельдмаршал? Что говорил?

Только Прошка собрался открыть рот, а тут рядом появился Суворов.

— Детушки! — произнес. — Богатыри! Отменное сало. С детства не едал такого. Стариковское вам спасибо! — И низко поклонился солдатам.

У Прошки от удивления глаза на лоб. А солдаты заулыбались, отдали фельдмаршалу честь, повернулись и направились к себе в роту.

— Понравилось, — перешептывались они по пути. — Вон как благодарил! Сало — оно такая вещь, что и фельдмаршалу не помешает.

«Вижу!»

Закончив арьергардный бой с противником и подобрав раненых, рота капитана Лукова догоняла своих.

Идут солдаты по узкой тропе над самой пропастью, растянулись почти на версту.

— Не отставай, не отставай! — кричит Луков. — Раненых вперед!

Перетаскивали раненых.

Прошла рота версты две. Стемнело. Задул ветер. Начался снег. Взыграла, закружила метель.

Идут солдаты час, идут два, идут три. Всматривается капитан Луков вперед — не видать ли походных костров?

Кругом крошечная темнота. Слепит вьюга глаза. Треплет упругий ветер солдатские сюртуки и пакидки, задувает снежные иглы под воротники и рубахи, морозит руки и лица. Идут, спотыкаются, скользят в темноте солдаты. С трудом передвигают одеревеневшие ноги. Все тише и тише солдатский шаг.

— Не отставай! Не отставай! — кричит Луков.

Прошел еще час. И вот уже кончились силы солдатские. Остановились. Хоть убей — не пойдем дальше! Повалились солдаты на камни.

— Вперед! Вперед! — надрывает голос Луков.

Да только нет такой силы, чтобы снова подняла солдатские ноги в поход. Изнемог Луков, посмотрел еще раз в темноту — не видно костров, опустился и сам на камни. И вдруг:

— Вижу! Вижу!

Встрепнулся капрал. Встрепнулись солдаты. Смотрят — с носилок привстал раненый солдат Иван Кожин и тычет рукой вперед.

— Видит! Видит! — понеслось по цепи.

И откуда только сила взялась! Повскакали солдаты с камней. Подхватили ружья — и снова в дорогу. Повеселели солдаты. Ай да Кожин! Ай да глазастый!

Прошли солдаты с версту. Только что-то огней не видно. Те, что поближе к Кожину, стали шуметь:

— Где твои костры? Соврал!

— Вижу! Вижу! — по-прежнему кричит Кожин и тычет пальцем вперед.

Всматриваются солдаты — ничего не видят. Не видят, а все же идут. Кто его знает, может, и вправду Кожин такой глазастый.

Прошли еще около версты. А все же костров не видно. И снова стали роптать солдаты:

— Не пойдем дальше!

— Не верьте ему!

— Братцы! — кричит Кожин. — Вижу. Ей-богу, вижу!

Теперь уже совсем недалеко. Теперь рядом. Вон как полыхают! — И снова тычет пальцем вперед.

— Видит! Видит! — понеслось по цепи.

И откуда только сила взялась! Повскакали солдаты с камней. Подхватили ружья — и снова в дорогу. Повеселели солдаты. Ай да Кожин! Ай да глазастый!

Прошли солдаты с версту. Только что-то огней не видно. Те, что поближе к Кожину, стали шуметь:

— Где твои костры? Соврал!

— Вижу! Вижу! — по-прежнему кричит Кожин и тычет пальцем вперед.

Всматриваются солдаты — ничего не видят. Не видят, а все же идут. Кто его знает, может, и вправду Кожин такой глазастый.

Прошли еще около версты. А все же костров не видно. И снова стали роптать солдаты:

— Не пойдем дальше!

— Не верьте ему!

— Братцы! — кричит Кожин. — Вижу. Ей-богу, вижу! Теперь уже совсем недалеко. Теперь рядом. Вон как полыхают! — И снова тычет пальцем вперед.

Бранятся, ропщут солдаты, а все же идут.

Тропа огибала какой-то выступ. Завернули солдаты за скалу, и вдруг внизу, совсем рядом, сквозь метель и непогоду и впрямь заблестели огни.

Остановились солдаты, не верят своим глазам.

— Видишь? — переспрашивают друг у друга.

— Вижу!

— Ай да Кожин! Ай да молодец! Ай да глазастый! — кричат солдаты. — Ура Кожину!

Сорвались солдаты с мест и рысцой вниз к кострам, к теплу. Притащили и носилки с Иваном.

— К огню его, к огню! — кричат. — Пусть отогревается. Заслужил! Всех вырубил!

Осветило пламя Иваново лицо. Глянули солдаты и —

замерли. Лицо обожжено. Брови спалены. А на месте глаз...

— Братцы, да он же слепой! — прошептал кто-то.

Смотрят солдаты. Там, где глаза, у Кожина пусто. Выбило вчера в арьберггардном бою французской гранатой глаза солдатские.

«Разрешите пострадать...»

Преодолели герои горы. Впереди открылась долина. Сгрудились солдаты на скалах, смотрят вниз. Там, внизу, долгожданный конец похода.

— Ура! — закричали солдаты.

Однако рано радовались герои. Оборвалась у самых солдатских ног козья тропа. Подойдешь к краю обрыва — голова кружится. Выделил Суворов отряды. Облазили те округу — нет спуска в долину.

Задумался Суворов, собрал генералов и офицеров на военный совет. А солдаты остались над пропастью и тоже решают.

— Надо назад, — говорит один.

— Куда же тебе назад? — возражает другой. — Надо вперед.

— Ну а куда вперед?

Солдат задумался.

— Туда, — показал пальцем в долину.

— «Туда!» — передразнили его товарищи. — Это и без тебя ясно. Только как же туда?

— Надо подумать.

— Братцы, — вдруг произнес плечистый парень из апшеронцев, — а что, ежели...

Солдаты повернулись к нему.

— У нас в деревне, — стал вспоминать парень, — огого какая круча была, так мы, бывало, ребятами с той кручи на чем сидишь съезжали.

— Тьфу! — сплюнул с досады какой-то усач. — «На чем сидишь!» Да тут от тебя и мокрого места не останется...

— Тут как богу будет угодно, — перебил его сосед. — Поди, все же правду говорит парень. Ну, ежели не сидя, так лежа, может, и получится.

— Можно и лежа, — соглашается парень.

И снова заспорили солдаты. Одни за то, что получится, другие — что в этом деле верная гибель.

— Эхма! — вздохнул парень. — Была не была! — Скинул шапку, бросил о камни. — Разрешите, — говорит, — пострадать за православный народ.

Перекрестился парень, ружье под мышку — и к пропасти. Лег на спину.

— Ты куда? — подбежали солдаты.

— Разрешите пострадать... — повторил парень и отпустил руки.

Летит парень, переворачивается то с боку на бок, то через голову. Ударяется о камни. Сюртук растрепало, ружье выпало.

Смотрят солдаты, а у самих мурашки по телу. Пролетел парень еще метров сто и вдруг перестал катиться. Поднялся, замахал товарищам.

— Жив! Жив! — закричали солдаты.

— Бра-атцы! — раздается снизу далекий голос. — Смелей, бра-атцы!

Зашумели солдаты. Задвигались. Бросились к пропасти. Один, другой, третий...

Вскоре вся русская армия кончила спуск. К вечеру того же дня солдаты достигли города Иланц.

Альпийский поход был закончен.

— Ну и ну! — поражались австрийские генералы. — Оленьими тропами — и провести целую армию!

— А что? — улыбался Суворов. — Там, где олень пройдет, там и солдат пройдет. Где олень не пройдет, так и там российскому солдату пути не заказаны.

Генералам генерал

За Альпийский поход Суворову был присвоен чин генералиссимуса русских войск.

Возвращаясь с группой солдат на родину, фельдмаршал остановился передохнуть в пограничном трактире. Зашел в избу, заказал себе холодной телятины, миску гречневой каши и стопку вина.

— Ну и каша, дельная каша! — нахваливает Суворов. — Давно такой не едал. И винцо дельное. Не грех за российского солдата такое винцо выпить.

Около избы расселись солдаты. Тоже едят кашу и пьют вино.

— Дельное вино, — хвалят солдаты. — Крепкое. Не грех такое за фельдмаршала выпить.

И лишь один Прошка крутился около лошадей. Его и обступили местные мужики.

— Что же это за такой непонятный чин теперь у твоего барина? — стали спрашивать они у суворовского денщика.

— А чего тут непонятное? — отвечал Прошка. — Тут все ясное. Генералиссимус надо разуметь так: генералам всем генерал. Самой главной персоной теперь получается.

— Ты смотри! — произнес парень в онучах.

— А что, верно! — вставил хилый мужичонка в дражных портках.

— Заслужил, — согласился мужик с бородой.

А Суворов стоял на крыльце и все слышал.

— Не я! Не я! — закричал он с порога. — Не я, — повторил, подойдя к мужикам. — Вон Прошка мой самый главный. Вон тот, — ткнул в сторону рябого высоченного солдата. — Вот этот, — показал на приземистого седоусого капрала. — Вон они, — обвел рукой остальных солдат.

При этих словах Суворов сел в таратайку и приказал погонять лошадей.

Поднялись, двинулись в путь солдаты. Заклубилась дорожная пыль. Грянула солдатская песня.

Остались мужики на дороге. Стоят, недоумевающе смотрят вслед.

— Пошутил барин, — наконец обронил парень в онучах.

— Чуднѣе что-то сказал, — произнес мужичонка.

— Эх, вы! — заявил мужик с бородой. — Правду сказал фельдмаршал. Без солдата они никуда. В народе — русская сила. Он и есть генералам генерал настоящий.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПТИЦА—СЛАВА

1812 год... Огромная полумиллионная армия французского императора Наполеона I напала на нашу родину. Началась отечественная война русского народа против иностранных захватчиков.

Конфликт между Россией и Францией назревал давно. Еще Суворов в Северной Италии сражался против французских войск. В 1805, а затем в 1807 году теперь уже на территории Центральной Европы произошли новые битвы, в которых принимали участие русские соединения.

Наполеон мечтал о мировом господстве. Главным противником Франции в те годы была Англия. Наполеон захватил Голландию, значительную часть Италии, вторгся в Испанию. В зависимость от Франции попала Австрия и ряд других государств Европы.

Россия оказалась единственной великой державой на континенте Европы, ставшей на пути Наполеона к осуществлению его планов о мировом владычестве.

И вот Франция обрушилась на Россию. Наполеон был очень опытным полководцем. Его армия была самой сильной в мире. Ее возглавляли талантливые маршалы; в полках находились закаленные в сражениях бойцы. Жители поработанных стран пополнили ее ряды. Армия была хорошо вооружена, одета, оснащена, высоко дисциплинирована. Наполеон придавал большое значение артиллерии. Французская армия отличалась большой маневренностью, большой ударной силой.

Начиная войну с Россией, Наполеон рассчитывал в первом же крупном сражении еще вблизи русской границы разбить основные силы русских войск, затем быстрым маршем дойти до Москвы и здесь, в Москве, продиктовать свои условия мира.

Однако Наполеона ожидали большие разочарования. Поход в Россию обернулся трагедией.

Много мужества, стойкости и великую сыновнюю преданность родине проявили народы России, защищая свою отчизну от нашествия наполеоновских полчищ.

О наших прославленных прадедах — героях войны 1812 года и написана эта повесть.

Глава первая

ЛЬВИНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Идут по мосту солдаты

Лето. 1812 год. Мост через реку Неман. Граница России.

Колонна за колонной, полк за полком идут по мосту солдаты. Слышна непонятная речь. Французы, австрийцы,

пруссаки, саксонцы, итальянцы, швейцарцы. Жители Гамбурга, жители Бремена, голландцы, бельгийцы, испанцы. Идут по мосту солдаты. Сотрясает деревянные фермы солдатский шаг.

— Императору вива!

— Франции вива!

— Слава, слава, слава! — несется со всех сторон.

Наполеон сидит верхом на рослом арабском скакуне, наблюдает за переправой. Задумчив император французов. Треугольная шляпа надвинута низко на лоб. Мундир застегнут до самого верха. У глаз собрались морщинки.

Сзади, образовав полукруг, в почтительном молчании замерла свита. Слышно, как в утреннем небе прожужжал деловито шмель.

Неожиданно Наполеон поворачивается к одному из своих приближенных. Это генерал Коленкур.

— Вы не француз! — кричит император.

Коленкур не отвечает.

— Вы не француз! — с еще большим озлоблением выкрикивает Наполеон.

Дерзкие слова произнес Коленкур вчера на военном совете. Единственный из всех маршалов и генералов, он был против похода в Россию:

— Это дорога в ад.

— В моем лагере русские, русские! — кричал Наполеон, показывая на Коленкура.

Вот и сегодня он не может спокойно смотреть на генерала.

— Отрастите русскую бороду, — издевается Наполеон. — Наденьте армяк и лапти.

Из-за недалекого леса подымается солнце. Глянул маленький пламенеющий бугорок, ожег синеву, ватем, словно кто-то в русской печке открыл заслонку, брызнул огненный полукруг, и вот уже ослепительный, пылающий шар пожаром вкатился в небо.

Наполеон привстал на стременах:

- Вот оно, солнце Аустерлица! ¹
- Императору слава!
- Франции слава!
- Вива, вива, вива! — несется со всех сторон.

Красные, желтые, синие мелькают кругом мундиры. Цвета неба, цвета пепла, цвета лесной травы. Очумело бьют барабаны. Надрываются армейские трубы и дудки. Слышится топот солдатских ног.

Идут по мосту солдаты. Час, второй, третий. День, второй, третий. Идут по мосту солдаты. На погибель свою идут.

Какая куда дорога

Под городом Вильно три гренадера попали в плен.

О пленении русских узнал император Наполеон. Пожелал император французский посмотреть на русских солдат.

Привели гренадеров.

Наполеон с генеральской свитой стоял на холме у походной палатки. Слева дорога, справа обрыв, сзади еловый лес.

Смотрят солдаты: так себе человек. Невысокого роста. Лицо круглое. Щеки мясистые. Усов нет. Безбородый. В плечах широк, в поясе тоже — видать, отрастает брюхо. На ногах сапоги. Штаны в обтяжку. Треуголка верблюжьим горбом торчит. Правая рука на груди, сунута за обрез мундира. Соображают солдаты: никак, государь французский? Стали они во фронт.

Глянул император на солдатские лица:

- Русские?
- Так точно, ваше величество.
- Гренадеры?

---

¹ В Австрии, под городом Аустерлицем, Наполеон одержал одну из наиболее значительных своих побед.

— Так точно. Павловского гренадерского полка рядовые из первой роты.

Присмотрелся Наполеон к солдатам внимательней. Два молодых, чернобровых, третий совсем седой, медаль на груди красуется.

— За что награжден, герой?

— За Альпийский поход, за дело с Массеной.

— О!

— За взятие французского знамени в плен.

— Х-хм! — Неприятно Наполеону подобное слышать. Говорит он с издевкой: — Как же ты такой боевой и вдруг моим егерям попался?

— Бывает, ваше величество, — ответил солдат, — и сокол в силочку влетает.

Усмехнулся Наполеон: не промах солдат, находчив. Интересно, как на другие вопросы ответит.

— Ну а много ли войск у вашего императора?

— В нашей роте, ваше величество, двести душ.

— Да не в роте, в армии вашей?

— Да разве снежинки в метель считают? — загадкой ответил солдат.

Слово за словом идет разговор.

— Скажи, далеко до Смоленска?

— Как мерить. Гостю дорога близкая...

— Какими путями лучше идти к Москве?

— Царь шведский избрал Полтаву...¹

Наполеон недовольно поморщил нос, на лице появилась суровость.

Чеканит гренадер Наполеону свои ответы, а сам молодым солдатам в сторону леса глазами косит.

— Ну, а дороги ты местные знаешь? Так куда какая дорога?..

---

¹ В 1709 году русские войска под командованием Петра I у города Полтавы разбили прославленную армию шведского короля Карла XII.

— Сейчас объясню. Налево пойдешь, направо пойдешь, прямо пойдешь, куда ни пойдешь — назад не воротишься, — скороговоркой ответил солдат.

Насупись Наполеон. Задвигалась свита. Кто-то схватился за шпагу. Однако гренадер не дает им опомниться.

— Вон он, вон он, глядите! — закричал и вытянул руку к небу.

Подняли Наполеон и генералы глаза: что там такое?!

Небо как небо: синь да лазурь, белоснежным барашком одинокое облачко бродит, солнце, как печь, палит.

Опустили они глаза. Смотрят — а русских солдат у палатки нет. Пусто вокруг. Лишь чуть заметный след по траве волочится. Лишь трепыхнулись еловые лапы у края леса.

Рассмеялся Наполеон. Потом вдруг нахмурился. Сел на коня и молча поехал к Вильно.

Сказка старого капрала

Верста за верстой, верста за верстой отступают, отходят русские. Идут они полем, идут они лесом, через реки, болота, по холмам, по низинам, по оврагам идут. Отступает русское войско. Нет у русских достаточных сил.

Ропщут солдаты:

— Что мы — зайцы трусливые?!

— Что в нас — кровь лягушья?!

— Где это видано: россиянин — спиной к неприятелю!

Рвутся солдаты в бой.

Русских армий две. Одна отступает на Вильно, на Дриссу, на Полоцк. Командует ею генерал Барклай-де-Толли. Вторая отходит южнее. От города Гродно на Слупск, на Бобруйск. Старшим здесь генерал Багратион.

У Наполеона войск почти в три раза больше, чем у Барклая и Багратиона, вместе взятых. Не дают французы русским возможности соединиться, хотят разбить по частям.

Понимают русские генералы, что нет пока сил у русских справиться с грозным врагом. Сберегают войска и людей. Отводят свои полки.

— Э-эх, да что же оно творится?! — вздыхают солдаты.

— Пропала солдатская честь!

Шагает вместе со всеми старый капрал, смотрит он на своих товарищей:

— Хотите, сказку скажу?

— Сказывай.

Собрались на привале солдаты в кружок, расселись, притихли.

— Давно ли то было, недавно, — начал капрал, — дело не в том. Только встретил как-то в лесу серый волк лосенка. Защелкал злодей зубами: «Лосенок, лосенок, я тебя съем».

«Подожди, серый волк, — говорит лосенок. — Я же только на свет народился. Дай подрасту».

Согласился лесной разбойник. Пусть погуляет телок, пусть наберет мяса.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Рожки пробились. Копытца окрепли. Не телок перед волком — подросток лось. Защелкал злодей зубами: «Лось, лось, я тебя съем».

«Хорошо, серый волк, — отвечает лось. — Только дай попрощаться с родимым краем».

«Прощайся», — ответил волк.

Пошел молодой лось по родному краю, по полям, по лесам, по дубравам. Ступает он по родной земле, силу в себя вбирает. И волк по следу бежит. Притомился в пути разбойник: шерсть отлетает, ребра ввалились, язык как чужой, из пасти наружу лезет.

«Стой, стой!» — голосит злодей.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только остановился однажды лось. Повернулся навстречу волку. Глянул тот, а это не просто лось: стоит перед ним соха-

тый. Защелкал серый зубами: «Сохатый, сохатый, я тебя съем».

Усмехнулся лесной красавец: «Давай подходи».

Бросился волк вперед. Да только силы теперь не те. Лосенок теперь не тот. Поднялся богатырь на задние ноги, ударил волка пудовым копытом, поднял на рога и об землю — хлоп! Кончился серый. — Капрал замолчал.

Задумались над сказкой солдаты.

— Видать, неглупый толлок попался.

— В сохатого вырос!

— Э, постой, да в сказке твоей намек.

— К отходу, к отходу! — прошла команда.

Вскочили солдаты. Построились в ряд. Подняли солдатские головы. По полям, по лесам, по дубравам, по пшенинам идут солдаты. Не по чужой, по родимой земле идут.

Тройная сила

Лежат у костра на привале солдаты: солдат Петров и солдат Егоров, солдат молодой и еще моложе.

— Сильны, сильны, басурманы... — вздыхает солдат молодой.

— Ружья у них хорошие, — вздыхает тот, что еще моложе.

— Когда бы французов числом поменьше... — опять начинает первый.

— Когда бы войска у нас побольше... — вторит другой.

Размечтались солдаты:

— Вот если бы каждому из нас вдруг да тройную силу!

Наутро солдаты вступили в бой.

Бьется солдат Петров в рукопашном бою. Сбил одного француза. Перевел дыхание. Вытер вспотевший лоб. Осилл второго. Смотрит — третий бежит навстречу. Блеснул

перед грудью Петрова штык. Размахнулся солдат прикладом. Прикончил француза третьего.

Рядом бьется солдат Егоров. Сбил одного француза. Поправил ремни от ранца. Провел рукой по вспотевшей шее. Осилил второго. Смотрит — третий бежит навстречу. Блестит на солнце острый французский штык. Сторонись, не зевай, Егоров! Размахнулся солдат прикладом. Не стало француза третьего.

Кончился бой.

Опять лежат у костра на привале солдаты: солдат Петров и солдат Егоров, солдат молодой и еще моложе.

— Сильны, сильны, басурманы.

— Не говори.

— Когда бы французов числом поменьше...

— Когда бы войска у нас побольше...

— Кабы пушка была у каждого...

— Не говори.

Размечтались солдаты:

— Эх, кто бы нам силу тройную дал!

«Знай свое дело»

Генерал Багратион у Бобруйска направлял солдатский отряд в разведку.

— Только живо, — напутствовал Багратион, — суворовским маршем: туда и обратно.

Тронулись солдаты в путь. А чтоб не плутать, не сбиться с дороги, прихватили с собой местного мужика Агафона Охапку.

Оседлал Охапка свою лошаденку:

— Ну, служивые, не отставайте.

Идут солдаты, тащат ружья, походные ранцы. Впереди Агафон верхом на коне, по-барски.

Едет он, повернется назад, глянет на солдатские лица:

— То-то, служивые, нелегка солдатская служба. Как же вам пеше за конным?

— Давай, давай, борода, — отшучиваются солдаты. — Знай свое дело.

Идут солдаты версту, десять, пятнадцать верст.

«Эка сколько отмерили! — прикидывает Агафон. — Коню бы отдых, да и солдаты, поди, устали».

— Оно бы, служивые, отдых нужен.

— Давай, давай, борода, — посмеиваются солдаты. — Знай свое дело.

Прошли еще без малого десять верст. У Агафона на чем сидит уставать стало. Конь пошел вяло. Крутится мужик на седле, на солдат то и дело косится.

— Оно бы, служивые... — опять начинает Охалка.

Перебивают солдаты:

— Терпи, бородатый.

Прошли еще версты три. И вдруг заупрявился, остановился крестьянский конь. Слез Агафон на землю, от долгой езды шатается.

Рассмеялись солдаты:

— Тебе что же, верхом наскучило?

— Променажу душа желает.

— Шило небось в седле?

— Ну вас к дьяволу! — огрызнулся Охалка.

Постояли солдаты минутку, тронулись дальше в путь. Тащится Агафон сзади, за узду коня волочит.

— Но-о, ленивый! Ноги твои еловые...

Выбивается мужик из последних сил.

Дошли солдаты до нужного места. Разузнали, что надо. Повернули назад:

— Ну, борода, собирайся.

— Помилуйте, братцы! — взмолился Охалка. — Коня пожалейте.

Улыбнулись солдаты:

— Ладно, сами назад дойдем.

Тронулись не мешкая солдаты в обратный путь. Остался Охалка один. Лежит на траве у дороги. Тело ломит, в ногах гудит.

— Эко дело! — качает головой крестьянин. — Коня загнали. Сам в мыле. Ну и солдаты!

Крик в тумане

В белорусских сырых местах, у реки Коноплянки, сошлись на рассвете в низинке две гренадерские роты. Рота русских и рота французских солдат. Рукопашный разыгрался бой.

От реки потянулся туман. Придвинулся к месту боя. Осел, окутал, прикрыл солдат.

Бьется солдат Нерытов. Где свой, где чужой — разобрать трудно. То справа французская речь, то слева, то сзади, то спереди. И русские голоса то тут, то там, то пропадут, то рядом совсем объявятся. Перемешались в бою солдаты.

И вот показалось Нерытову, что русские дрогнули. Побежали рядом солдаты. Соображает Нерытов: «Э, если такое дело, тут и сам не плошай».

Увязался он за бегущими.

— Подождите, — кричит, — ребята!

Да где уж тут ждать! У страха ноги — что крылья. Мчат гренадеры с оленьей прытью.

— Братцы! Родимые! — надывает глотку солдат.
• Страшно ему отставать.

Однако чем громче кричит Нерытов, тем солдаты бегут быстрее.

— Лешие... — ругнулся солдат. Прибавил он шагу.

Пробежали с версту. Хоть и взмок Нерытов, а все же догнал бегущих. Всмотрелся в солдатские спины: у русской пехоты мундиры темно-зеленого цвета, а у этих — о господи! — синие. «Так это ж французы!» — понял солдат.

Совестно стало Нерытову. Ясно ему, кто из солдат дрогнул на месте боя. Понятно и то, почему не подождали его солдаты: он же русским криком врагов пугает.

Развеселился от мысли такой солдат. Страх пропал, словно и вовсе его не было.

Смышленным оказался Нерытов. Забежал он правее французов.

— Братцы! — кричит. — Тут они. Тут. Заходи, окружай, родимые!

Услышали французы крики правее, свернули с прямого пути. Опять забежал Нерытов, снова кричит. Опять повернули французы. Кончилось тем, что побежали французы в обратную сторону.

Гонит их гренадер, не дает никуда отклониться. То с одной стороны забежит: «Справа, братцы, справа!..», то с другой: «Слева, братцы, слева!..»

Бегут французы послушным стадом. Пробежали они версту. Вернулись к старому месту. Туман между тем стал расходиться. Бой уже кончился. Строилась русская рота, собиралась в дальнейший путь. Вдруг видят солдаты: бегут французы. Схватили гренадеры ружья, забрали французов в плен.

Доволен Нерытов, что снова к своим вернулся. Смешался в солдатских рядах. Неловко ему в недавней трусости признаваться. Делает вид: мол, нигде я и не был. Поправляет свой ранец. Молчит.

Погнали русские пленных. Идут, удивляются:

— И чего прибежали? И как такое случилось? Непонятное что-то.

Солдат гренадерской роты

Русские бились у Витебска.

Гренадер Федор Беда сражался вместе со всеми. Рядом с ним офицер Ардатов, рядом боевые товарищи.

И вдруг споткнулся, упал солдат. Ударила гренадера французская пуля в бок. Обожгла, вырвала клочок тела, ушла от ребра рикошетом в поле.

Подобрали санитары солдата. Отнесли к лекарям в палатку. Наложили Беде повязку на грудь, послали в команду для раненых. Только в команду солдат не прибыл. Свернул он с пути и опять в свою гренадерскую роту.

Бьются гренадеры. Бьется Ардагов. Видят — рядом опять Беда.

Заприметил Ардагов героя.

Продолжается страшный бой. Не щадят живота своего гренадеры. Прошел час, и снова французская пуля достала солдата.

Вскрикнул, повалился на землю солдат. Кровь с головы на землю закапала.

Очнулся Беда снова в санитарной палатке. Промыли ему рану, перевязали бинтом голову, послали в команду для раненых. Только не прибыл в команду солдат. Свернул он с пути и опять в свою гренадерскую роту.

Бьются гренадеры с противником. Промокли солдатские рубахи от пота. Во рту пересохло. Синяки на плечах от ружейной отдачи. В ушах колокольный гул.

Смотрят солдаты — снова Беда тут же рядом в бою.

Заулыбались солдаты. Еще дружнее ударили по врагу.

К исходу дня гренадера ранило в третий раз. Пуля попала в ногу.

В третий раз попал солдат к докторам в палатку. В третий раз получил он приказ немедленно идти в команду для раненых. Только не выполнил приказа солдат. Свернул он с пути и опять в свою гренадерскую роту. Хрошает, еле идет солдат.

Явился и снова вместе со своими палит по французам.

Разинули рты солдаты. Подивился геройству Ардагов.

— Откуда ты родом такой?

— Где таких делают?

— Не из железа, случайно, куют?

Засмутился солдат:

— С Украины я, из-под Полтавы, с Ворсклы-реки. — Потом подумал и гордо добавил: — Солдат государства Российского.

Рай и ад

Утомился солдат в походе. Прилег под кустом на привале. Лег и крепко уснул. Не услышал солдат, как рота двинулась дальше. Крепок солдатский сон.

Ночью тем местом бродила Смерть. Идет, шагает, костлявая, косу свою несет. Пристальным взглядом внимательно смотрит, считает погибших за день солдат.

Поравнялась Смерть с уснувшим солдатом, ткнула козой — не шевелится. Думает, помер, улыбнулась — и в общий счет.

Стали решать, куда направить солдата — в рай или в ад. А так как грехов за солдатом особенных не было, выпала честь отправляться ему на небо.

Спустились ангелы и херувимы, забрали с собой солдата.

Прибыл солдат на небо, очнулся. Смотрит: места незнакомые. «Видать, от части своей отбился», — соображает солдат.

Ходит он, плутает по облакам. Что такое? Ни поля, ни леса, ни речки, чтобы воды напиться.

— Эй вы, люди добрые! — начинает кричать солдат.

Явились ангелы и херувимы.

— Где я, любезные?

— В царстве небесном.

Вылупил солдат глаза от испуга. «Боже, вот это попал! Эх и будет мне от ротного командира. Унтер-офицер за отлучку шкуру с живого снимет».

— Помилуйте, отпустите! — взмолился солдат.

Переглянулись ангелы и херувимы. Впервые такое на небе.

— Отпустите! — кричит солдат. — Меня в роте товарищи ждут. Ротный меня заругает.

Расшумелся солдат на небе.

Услышал господь:

— Что там такое? Кто там порядки райские нарушает?!

Доложили:

— Солдат.

Приказал господь бог привести солдата.

— Ты чем недоволен, служивый?

Струсил солдат при виде господа бога, а потом осмелел:

— В роту назад отпустите.

— В роту?! — усмехнулся господь.

— Ну да. Меня товарищи в роте ждут. Ротный меня заругает. Нельзя мне на небе. Отчизна моя в беде.

Присмотрелся господь, видит: не мертвый, живой перед ним солдат.

— Тыфу ты! — сплюнул господь с досады. — Снова напутали. Гнать его с неба!

Подбежали ангелы и херувимы, столкнули солдата вниз.

Летит, кувыркается с неба солдат. Заметили черти. Подхватили, потащили солдата в ад.

— Стойте, стойте! — кричит солдат. — В роту назад отпустите!..

Не слушают черти. Приволокли солдата к кипящим котлам:

— Раздевайся!

Привычен солдат к команде. Разделся.

— Залезай!

Забрался солдат в котел. Спустился в кипящую воду:

— Хоть кости свои попарю. — Заулыбался, замлел солдат.

Дивятся черти: «Ну и ну! Вот так грешник в котел попался». Тащат новые связки дров. Дуют сильнее на пламя. Вспотели рогатые. Видят, солдата огонь не берет.

— Эй, чего там расселся!

Вылез солдат:

— В роту назад отпустите.

— Ан нет,— отвечают черти. — Полежай-ка в студеную воду.

Окунулся солдат.

Видят черти — ледяная вода не берет солдата. Погна-ли на раскаленные камни. Камни ему нипочем. Голодом морят. И к такому солдат привычен. Подтянет ремень потуже, знай себе ходит по аду, пугает ружьем чертей:

— В роту назад отпустите!

Мучились, мучились черти с солдатом, другие дела забросили. Не хватает дьявольских сил. Обозлились рога-тые:

— Черт с тобой! Ступай в свою роту.

Прибыл в роту солдат. «Рассказать или нет? — дума-ет. Решает: — Лучше смолчу. Ротный еще заругает. Унтер за отлучку шкуру с живого снимет...»

Испанская кровь

Быстро идут французы. Пройдены Вильно, Свенцяны, Полоцк, Гродно, Новогрудок, Сморгонь.

Растянулась французская армия. Верст триста по фрон-ту. Верст триста вглубь.

Нелегко дается врагам Россия. Кони не выносят сви-репых маршей — конский идет падеж.

Люди слабеют в походах — в армии тысячи хворых.

Отстали в пути обозы: все меньше и меньше, плоше дневной рацион.

Вступают французы в русские села. Вот тут-то будет пожива. Хмуро встречают французов села. Ни людей, ни еды, ни тепла. Врывается враг в города. Вот тут-то будет пожива. Голые стены встречают французов, сиротливо сто-ят дома. Уходят от неприятеля жители. Увозят хлеб, под-жигают сено, скот угоняют в леса.

Начинается ропот среди французов:

— Где же русское масло?!

— Где русское сало?!

Первыми взбунтовались испанцы.

Дело было в лесу. Три дня шумели холодные ливни, хлыстом бичевали солдат. Продрогли, промокли, простыли солдаты. Съели запас сухарей.

Окружают их мрачные ели. Тучи свинцовые давят. Сырость со всех сторон.

Стали шептаться о чем-то испанцы. Вспоминают родимый дом: солнце Севильи, небо Гренады, Гвадалквивира журчащий плеск.

— Куда мы идем?!

— Зачем мы идем?!

— Нет тут земли испанской!

В испанском отряде сто тридцать три человека. Сговорились солдаты. Решили вернуться домой. Взяли ружья, походные ранцы, по-солдатски построились в ряд.

— Стойте, куда?! — кричат французские лейтенанты. Козырнули солдаты:

— Домой!

Запахали испанцы.

— Стойте! Именем императора: стойте! — кричат лейтенанты.

Повернулись испанцы, дали прощальный залп.

Целый день пробирались на запад солдаты. Идут, Испанию вспоминают: солнце Севильи, небо Гренады, Гвадалквивира ласкающий плеск.

Шагают испанцы. Не знают солдаты того, что грозный приказ уже отдан по армии.

Заслонили солдатам войска дорогу, перекрыли на запад пути.

Схватили испанцев, разоружили. Построили, бедных, в ряд:

— Каждый второй выходит из строя.

Вышел каждый второй. Подняли французы ружья.

— Именем императора: пли!

Грянули залпы.

Обагрила русскую землю испанская кровь.

Хлеб-соль

Решили французские офицеры сделать Наполеону приятное.

Знали они, что у русских такой обычай: встречать дорогих гостей хлебом и солью. Вот был бы сюрприз императору!

Приступили французы к делу. Явились в село Прокоповичи, собрали крестьян, объяснили, в чем дело.

Жмутся крестьяне:

— Да село у нас бедное.

— Село невеликое.

— Барин к тому же сбежал.

— Но-но! — прикрикнули офицеры. — Обойдемся без барина.

Пошутукались крестьяне между собой:

— Ладно. Будет исполнено.

Прибыли офицеры на следующий день проверить, все ли в порядке. Смотрят — ни хлеба, ни соли нет.

Набросились французы на мужиков.

Разводят крестьяне руками:

— Да муки у нас для хорошего хлеба нет.

Ругнулись офицеры. Приказали из армейских запасов привезти муки в Прокоповичи.

Явились на следующий день. Смотрят — снова ни хлеба, ни соли.

Разводят крестьяне руками:

— Соли, ваши благородия, не оказалось.

Ругнулись опять французы. Приказали доставить с военных складов соль.

Прибывают на третий день:

— Ну как, все ли готово?

Разводят крестьяне руками:

— С дровами, ваши благородия, худо. Нечем огня разложить.

Начинают французы терять терпение.

— Как — нет?! Лес же у вас под боком!

— Так ведь то барский, ваши благородия, лес.

— Барин же ваш сбежал.

— А вдруг как воротится? Барин у нас того, строгий.

Что офицерам делать? Позвали солдат, отправили в лес, приказали рубить дрова.

Явились французы снова:

— Ну, каков получился хлеб?

Разводят крестьяне руками.

— Да что вы! — вскипели французы. — Плетей захотели? Жизни не жалко? За послушание — смерть!

— Воля ваша, — отвечают крестьяне. — Только ведь бабы наши все, как единая, хворые, некому хлеб испечь.

Замаялись офицеры. Уж и не рады, что придумали хлеб и соль. Пришлось им срочно вызывать армейского пекаря.

Наконец-то все в полнейшем порядке.

— Ну, — говорят они мужикам, — чтобы завтра быть чисто умытыми, чисто одетыми, девчатам ленты в косы вплести.

— Будет исполнено.

Прибывают французы на пятый день. Встречает их каравай испеченного хлеба. Запах душистый. Корка хрустящая. Рядом солонка стоит.

Довольны офицеры. Побегали они по селу собирать крестьян. Только что же такое?! Пустое село. Осмотрели избы, сараи, овины — ни единого жителя. Ушли крестьяне целыми семьями в лес.

Разразились французы страшной бранью. Уж и так и этак поносят крестьян. Однако что же тут делать: не нести же самим хлеб и соль императору?

Сели они на коней. Едут лесной дорогой. Вдруг метнулись в испуге лошади. Грянули выстрелы. Полоснула из леса дробь: крестьянская хлеб-соль.

Бургундское

Против Наполеона сражалось тридцать казачьих полков. Приметны лихие казаки. Синие куртки, штаны с огневými лампасами, черная шапка с белым султаном. Пика, ружье, конь боевой. Характер бедовый. Казацкая челка бугром торчит.

Боялись донских казаков французы. Увидят казацкие пики, услышат казацкие гики — сторонятся. Боялись французы. А вот лейтенант граф де ла Бийянкур не боялся.

— Хотите, я вам казака пригоню живого? — заявил он товарищам.

Усмехнулись французы.

Знают кавалерийские офицеры, что лейтенант вояка неробкий. Однако такое, чтоб в плен, да живого...

— Не верите? — обижается лейтенант. — Вот честь вам моя дворянская. Вот слово вам графское. Хотите пари?

Заклучили они пари. На ящик вина бургундского.

И вот лейтенанту представился случай. Смотрят французы: едет казак по полю. Едет себе, не торопится. Трубку табаком набивает.

Душа, добрый конь,
Эх и душа, до-обрый конь! —

плывет казачий напев над полем.

Пришпорил де ла Бийянкур коня, бросился казаку наперерез. Скачет, саблей до срока машет: руку свою проверяет.

Увидел казак француза, развернулся ему навстречу. Трубку за пояс, песню в карман, пику немедля к бою.

Подскакал лейтенант и прямо с ходу, привстав в стре-

менах, саблей стук по казацкой пике. Разлетелась на части пика. Лишь древко в хозяйских руках осталось.

Не готов был казак к такому. Не о пике думал, голову оберегал. Удачен маневр лейтенантский: обезоружен казак.

— Сдавайся, сдавайся! — кричит де ла Бийянкур. И снова саблю свою заносит.

Понял казак, что справиться с лейтенантом не так-то просто. Отпрянул поспешно он в сторону. Смотрит: чем же с врагом сразиться? Ружье за плечом — сейчас не дотянешься, пагайка висит у пояса. Схватил нагайку казак.

Съехались снова они. Острая сабля в руках француза. Простая нагайка в казацких руках.

— Сдавайся! — кричит лейтенант.

— Сейчас, ваше благородие, — процедил сквозь зубы казак. Вскинул нагайку, в седле подался, по руке офицера — хватъ.

Вскрикнул француз. Разжалась рука. Выпал острый клинок на землю.

Присвистнул казак, привстал в стремях и начал хлестать француза. Бьет, приговаривает:

— Вот так-то, твое благородие... Вот так-то. А ну-ка, бочком повернись. Вот так-то. А ну-ка еще... Эх, главное место жаль под седлом укрыто!..

Видят французские офицеры, что их товарищ попал в беду. Помчались на помощь. Не растерялся казак. Схватил де ла Бийянкура за ворот мундира, перекинул к себе на седло, пришпорил коня и помчался к ближайшему лесу.

Опоздали французы. Скрылся казак в лесу. А лес для русского — дом родной. Как огня боятся французы русского леса.

Остановились они, сожалеючи смотрят вслед:

— Э-эх, пи за что пропал лейтенант! Уехало наше бургундское.

Бесстыдство

Лейб-гвардии его величества казачий полк шел в ~~чарь~~-ергарде барклаевских войск. Каждый день у казаков с неприятелем то большие, то малые стычки. Привыкли гвардейцы к опасной жизни. Каждый лезет вперед, поровит проявить геройство.

Под городом Витебском казаки созоровали.

Казачий полк стоял на одном берегу Двины. На другом, высоком, расположились лагерем французские кирасиры. Заметили гвардейцы у берега сторожевой пост неприятеля. Руки чешутся. Кровь играет. Вот бы кого побить! Только как же к врагам подкрасться? За версту все видит французский пост. И вот собралось человек десять. Расседлали они копей, разделись, взяли пики, ступили в воду, оттолкнулись от берега.

Казаки не без хитрости. Плынут так, что еле-еле чубы из воды виднеются. За гривы лошадиные держатся. За шею лошадиные прячутся.

Глянешь с противоположного берега: плывет табун расседланных лошадей — видать, от своих отбился.

Смотрят французы, довольны. Спустились они к реке. Поджидают живой гостинец.

Подплыли гвардейцы к чужому берегу. Почуяли землю. Вскочили. Схватили пики, перебили французский пост.

Расхрабрились совсем казаки. Мало им, что побили пост, решили ворваться к французам в лагерь.

Прыгнули на лошадей. Гикнули. Свистнули. Пики вперед: уступай молодцам дорогу.

Обомлели французы: что за чудо — голые всадники! Пронеслись казаки по лагерю, поработали пиками, развернули коней — и назад.

Скачут, смеются:

— Я память двоим оставил.

— Мы с Гаврей троих прикончили.

— Я офицера, кажись, пырнул.

Весело озорникам. Только рано они смеялись. Поднялся по тревоге кирасирский полк. Помчались французы вдогонку. Зашли слева, справа. Погнали казаков на камни к крутому, словно стена, обрыву Двины.

Подскакали лейб-казаки к обрыву, придержали коней:

— Братцы, стена!

А кирасиры все ближе и ближе.

— Н-да, плохи наши дела.

А кирасиры все ближе и ближе. Вот уже взлетели в небо тяжелые кирасирские палаши.

— Эх, погибать, так со славой! — выкрикнул кто-то.

Похлопал казак скакуна по гриве:

— Спасай, выручай, родимый!

Взвился конь на дыбы. Метнулся, заржал — и в воду с обрыва.

Следом бросились остальные.

Дружна с удалцами удача. Никто не побился. Переплыли гвардейцы Двину. Ступили на берег. Прокричали:

— Привет французам!..

Бывший при полковом лагере штабной офицер возмущался:

— Голыми! Да по какому уставу! Его величества полк, и вдруг... Тут же конфуз для российского войска!

Доложил он Барклаю-де-Толли.

— Да, да, — соглашался Барклай. — А ну, садись-ка, пиши приказ: плетей казакам за бесстыдство, за героизм вручить медали.

Два курьера

Мчится курьер из первой русской армии от генерала Барклая-де-Толли во вторую русскую армию к генералу Багратиону.

Мчится курьер из второй русской армии от генерала Багратиона в первую русскую армию к генералу Барклаю-де-Толли.

Пробираются курьеры окружными дорогами. Объезжают французские сторожевые посты, обходят французские части. Стараются ехать то лесом, то балкой. Больше ночью и меньше днем.

Мчатся офицеры навстречу друг другу, съехались на половине пути.

— Ну как у вас в армии первой?

— Ну как у вас во второй?

Разговорились курьеры. Каждому хочется геройством похвастать.

— А мы под Полоцком девятьсот французов пленили, — заявляет первый курьер.

— А у нас под местечком Миром атаман Платов с казаками устроил засаду и порубал без малого целый французский полк, — отвечает курьер второй.

— А у нас генерал Коновницын под Островной сразился с самим Мюратом.

— А наш генерал Раевский под Дашковской побил Даву¹.

Спорят офицеры. Один другому не уступает.

— У нас солдаты самые смелые.

— Нет, у нас самые смелые.

— У нас генералы самые умные.

— Вот и неправда: умнейшие в нашем войске.

Чуть не подрались курьеры. Хорошо, что шел в это время лесом старик крестьянин. Остановили его курьеры:

— Рассуди нас, старый.

Торопятся, перебивают один другого.

Выслушал молча крестьянин.

— Да-а, — произнес.

Полез в карман. Достал яблоко, вынул нож, разрезал на две половины:

— Ешьте.

Съели курьеры.

---

¹ Мюрат и Даву — французские маршалы.

— Ну, какая доля вкуснее?

Смотрят офицеры удивленно на старого. Что за нелепый вопрос! Они же от единого целого. Как же так, чтобы вкус у одного яблока и вдруг оказался разный! Не ясен курьерам намек крестьянский.

— Да-а,— произнес старик. Смотрит — над лесом сокол кружит. Соколиными крыльями машет. Указал крестьянин рукой на небо: — Какое крыло сильнее?

Смотрят офицеры удивленно то на сокола, то на крестьянина. Что за нелепый вопрос! Как же так, чтобы крылья у сокола по силе вдруг оказались разные! Опять не понимают офицеры намек крестьянский.

— Ты нам головы не мути!

— Зубы не заговаривай!

— Э-эх! — обозлился старик, выломил две хворостины. — А ну-ка, снимай мундиры! — И вновь за свое: — Посмотрим, какая больнее хлещет.

Переглянулись офицеры. Хотели обидеться. И вдруг рассмеялись. Дошло наконец до спорщиков.

«Где же они, герои?»

Соединились русские армии под Смоленском, приняли бой.

Два дня французы штурмуют город.

Атака. Снова атака.

Атака. Снова атака.

Топот солдатских ног. Пушек звериный рев. Груды людей побитых.

Рвутся солдаты навстречу французам. Не ожидая команд, ударяют в штыки. Безрассудны герои. Картечь так картечь. Гранаты — пусть будут гранаты. Нет страха в солдатских душах. Один на роту французов лезет. Двое — на целый полк.

Бьются рядом полки: Симбирский, Волынский, Уфимский. Бьются другие полки и роты. Не уступает в героизме сосед соседу.

Солдат из симбирцев, Егор Пинаев, ранен штыком в ключицу. Брызжет по телу кровь. Не слышит Пинаев боли:

— В атаку! В атаку!

Оторвало волынцу Петру Занозе гранатой ухо. Вытер солдатской рубахой Заноза кровь, шуткой других забавляет:

— Муха не птица, овца не волчица, ухо не голова.

Уфимцу Рассаде перебило картечью ноги. Рухнул на землю солдат. Лежа целит, в врага стреляет:

— Братцы, вперед!

Бьются герои. Льется потоками кровь.

К исходу второго дня от страшной вражеской канонады загорелся город Смоленск.

Пламя рванулось к небу. Рассыпались в разные стороны тысячи искр. Дым повалил по улицам, повис над Днепром туманами. С треском рушатся здания. Нечем дышать от гарева. Негде укрыться от палева. Бушует, мечется огненный водоворот, идет по холмам смоленским.

Бьются симбирцы, волынцы, уфимцы. Бьются другие полки и роты. Неведом героям страх.

Подходят на помощь французам все новые и новые части. Понимает Барклай-де-Толли: не осилить французам русским, ночью отдал приказ отойти войскам.

Снялись полки с позиций, бесшумно ушли за Днепр. Меряют новые версты.

Шагает в строю Пинаев. Шагает в строю Заноза. Везут на возу Рассадку.

Проходят симбирцы, волынцы, уфимцы. Проходят другие полки и роты.

Проезжает вдоль войск генерал Барклай-де-Толли:

— Слава героям!

Переглядываются солдаты: «Кому это Барклай-де-Толли кричит привет?»

— Видать, волынцам, — решают симбирцы.

— Видать, уфимцам, — решают волынцы.

— Видать, симбирцам, — решают уфимцы.

Озираются солдаты по сторонам:

— Где же они, герои?

Африка

Французы шли из Смоленска к Дорогобужу. Группа солдат во главе с молодым лейтенантом продвигалась вдоль днепровского берега. И вдруг из-за береговой кручи, из-за кустов и развесистых ив слышались выстрелы.

Один, другой, третий...

Без промаха бьют свинцовые пули. Что ни выстрел — французом меньше.

Приказал лейтенант остановить продвижение. Прижались солдаты к земле, открыли ответный огонь.

«Видать, значительный отряд, — соображает лейтенант. — Рста, а может быть, и больше». Стал он просить подмогу. Доложил по команде.

Явилась подмога. Прислали и пушку.

— Пушка, пали!

Гранула пушка. Пронеслось ядро по кустам, прошипело, волчком закружилось по круче. Второе ядро врезалось в старую иву. Расщепило, искалечило ствол. Качнулась, рухнула ива.

— Ура! — закричали французы.

Стреляют солдаты. Бьет не смолкая пушка. Идет настоящий бой.

— Целься сюда! — подает команду лейтенант. — Целься сюда! Левее, правее, еще правее...

Стреляют французы, а не знают того, что у Днепра в ивишке всего-навсего один русский солдат находится. Перебегает солдат от куста к кусту, от ивы к иве, стре-

ляет из разных мест — вот и кажется со стороны, что целый отряд сражается.

До самого вечера шла перестрелка. Наконец русский солдат умолк.

— Франции вива! Императору слава! — закричали французы.

Доложил лейтенант начальству, что одержал он большую победу, уложил целую роту русских солдат.

Утром к этому месту прибыл сам генерал. Интересно ему взглянуть на побитых русских. Двинулись французы к берегу Днепра, под старые ивы. Идет лейтенант, сердце стучит. Думает: «Человек пятьдесят русских побил. — Потом поправляется: — Нет, сто». Ждет он наград за усердие.

— Там рота, целая рота легла, — докладывает генералу.

Вышли они к Днепру, идут по крутому берегу. Идут, да только русских не видно. Обошли берег и в одну и в другую сторону — всего один русский солдат лежит. Приник он к земле, словно в атаку бежать собрался.

— Ну где же ваша рота? — обратился генерал к лейтенанту.

Не может понять лейтенант, в чем дело. Где же действительно русские?!

— Тут они, тут они были. Видать, разбежались...

Усмехнулся генерал:

— М-да... Вот она, ваша рота, — ткнул рукой в русского егеря.

В тот же день о подвиге русского солдата доложили Наполеону.

— Один? — переспросил император. — С ружьем против роты солдат и пушки?

— Так точно, ваше величество.

— Лев, лев... — восхитился Наполеон. Потом повысил голос и почти закричал: — Все они львы. Львы, а не люди. Не Россия, а Африка.

НОВЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

Военный маневр

Нелегкая жизнь досталась Кутузову. Нелегкая, зато славная.

В 1812 году Михаилу Илларионовичу Кутузову исполнилось 67 лет.

Много всего позади. Не счесть боев и походов. Крым и Дунай, поля Австрии, измаильские грозные стены. Бой под Алуштой, осада Очакова, у Кагула упорный бой.

Трижды Кутузов был тяжело ранен. Дважды в голову, раз в щеку. В одном из сражений Кутузову выбило правый глаз.

Пора бы уже в отставку, на стариковский покой, так ведь нет — помнит народ Кутузова. Вот и сейчас. Собирайся, мол, старый конь. Кутузов едет к войскам. Новый главнокомандующий едет.

Рады солдаты. «Едет Кутузов бить французов», — идет по солдатским рядам.

Бегут рысаки по дороге. Солнце стоит в зените. Мирно гудят стрекозы. Ветер ласкает травы.

Едет Кутузов, сам с собой рассуждает: «Плохи, плохи наши дела. Нехорошо, когда армия отступает. Непривычно для русских солдат этакое. Орлы! Да ведь силы наши пока слабы. Армию сберегать надо. Смерть без армии государству Российскому. Но и солдат понимать нужно. Душу русскую понимать».

Прибыл Кутузов к войскам.

— Ура! — кричат главнокомандующему солдаты. — Веди нас, батюшка, в бой. Утомились, заждались.

— Правда ваша, правда, — отвечает Кутузов. — Пора унять супостата.

Довольны солдаты, перемигиваются: вот он, настоящий боевой генерал.

— Что мы — не русские? — продолжает Кутузов. — Что нам, в силе господь отказал? Что нам, храбрости не хватает? Сколько же нам отступить!

— Вот это слова!

— Ура генералу Кутузову!

Довольны солдаты. «Ну, братцы, ни шагу назад. Не сегодня-завтра решительный бой».

Спокойно заснули солдаты. Пробудились на следующий день — им объявляют первый приказ Кутузова. В приказе черным по белому значится: продолжать отступление.

Зароптали солдаты:

— А бой?!

— Что-то непонятное, — разводят они руками.

— Может, приказ от старых времен остался?

Увидели солдаты Кутузова:

— Ваша светлость, так что же, опять отступление?

Посмотрел на солдат Кутузов, хитро прищурил свой единственный глаз:

— Кто сказал отступление? Сие есть военный маневр!

Новые порядки

Решил Кутузов объехать войска, посмотреть на боевые полки и роты. Взял он штабных генералов, тронулся в путь.

Едет, встречает пехотный полк. Лежат на привале солдаты.

Увидели пехотные командиры главнокомандующего и генералов:

— Встать!

Повскакали солдаты, застыли как вкопанные.

Подъехал Кутузов:

— Не надо, не надо. Пусть лежат, отдыхают солдаты. На то и привал.

Подивились пехотные командиры: впервые так, чтобы

перед главнокомандующим и генералами не надо вставать во фронт, — распустили они солдат.

Едет Кутузов дальше, встречает уланский полк. Расположился полк у какой-то реки. Сняли уланы мундиры, засучили рукава и штаны, коней боевых купают.

Увидели уланские командиры Кутузова:

— Стройся!

Бросили уланы своих коней, построились в ряд.

Подъехал Кутузов:

— Отставить! — И строго на офицеров: — Тут не мне — коню боевому внимание.

Едет Кутузов дальше, встречает артиллерийскую батарею. Пушки солдаты чистят.

Увидели главнокомандующего артиллерийские командиры:

— Становись!

— Разойдись! — еще издали крикнул Кутузов. Подъехал ближе, стал отчитывать командиров: — Не смеет отрывать пушкарей от дела. Пусть солдаты пушки к боям готовят.

Объехал Кутузов немало полков и рот. И всюду одно и то же. Увидят офицеры Кутузова:

— Стройся!

— Отставить! — кричит Кутузов. — Тут война, не военный парад.

Поражаются армейские офицеры:

— Порядки какие-то новые!

Прошло несколько дней.

Войска стояли у города Гжатска. В какой-то избе собрались офицеры. Пьют вино, веселятся, играют в карты. Шум и крики, как дым при пожаре, из окон столбом валют.

Проезжал Кутузов мимо избы, услышал разгульные крики. Решил посмотреть, что там в избе творится. Слез он с коня, заходит в избу.

Увидели офицеры главнокомандующего, соображают:

встать им, не встать, бросить игру или нет? Вспоминают наказ Кутузова, решают остаться на месте. Продолжают в карты себе сражаться.

Постоял, постоял Кутузов, покачал головой:

— Так-то почтение к старшим. Так-то мы чтим уставы!

— А ну-ка, голубчики, — вдруг осердился Кутузов, — коли время у вас свободное, там у ворот Серко мой с дороги стоит нечищенный. Ступайте к нему. Ступайте, голубчики. Да поживее! — прикрикнул Кутузов.

Опешили офицеры. Приказ есть приказ. Вскочили, помчались вон из избы. Дорогой разводят руками:

— Чтобы офицеру да чистить коня! Порядки какие-то новые...

Кто как думает

Вечер. Штабная изба. Тускло горят две свечи. Кутузов сидит за простым крестьянским столом, подписывает приказы и распоряжения.

Рядом вытянулся дежурный генерал, подает одну за другой бумаги.

При каждой новой бумаге Кутузов обращается к дежурному с одним и тем же вопросом:

— Про что тут, голубчик?

Генерал докладывает.

— Так, так... — кивает Кутузов. Затем начинает читать. Читает долго, не торопясь. Если глянуть со стороны, можно подумать: не заснул ли главнокомандующий? Но вот Кутузов берет перо — гусиным в то время еще писали, — макает его в чернильницу и осторожно выводит подпись.

Над одной из бумаг Кутузов задержался особенно долго. Прочитал раз-другой, повел своим единственным глазом на генерала, наконец произнес:

— Не пойму что-то. Перескажи-ка, голубчик.

— Прощение, ваша светлость.

— Так.

— От помещицы Смоленской губернии Нащекиной Глафиры Захаровны.

— Так.

— Драгунские фуражиры скосили, ваша светлость, зеленый овес на поле помещицы. Владелица просит о возмещении убытков в размере сорока четырех рублей.

— Так, — произнес Кутузов, посмотрел на генерала. — Как же нам быть, голубчик?

— Мародерство, ваша светлость, — отвечает генерал. — Тут по всей строгости надобно. Под арест бы виновных.

Кутузов закивал, повернулся к своему адъютанту:

— А ты как, голубчик?

— Надобно извиниться перед графиней. Солдатам — шпицрутеннов, ваша светлость.

— Так.

Кутузов поднялся из-за стола, прошел в сенцы, открыл выходную дверь.

— Эй, братец! — окликнул стоящего у избы караульного. — Ступай-ка сюда.

Солдат нерешительно переступил порог, вытянулся:

— Слушаю, ваша светлость.

Объяснил Кутузов, в чем дело. Ждет, что же ответит солдат. Караульный замаялся, переступил с ноги на погу.

— Так что же, голубчик?

— Лес рубят — щепки летят, — гаркнул солдат. — Россию отдаем, неужто, ваша светлость, овсом скупиться!

Кутузов поднял глаз на солдата:

— Родом откуда?

— Деревенька Глушково. В семи верстах от Смоленска.

— Так деревня твоя под французом?

— Сожгли мужики деревеньку.

— Та-ак, — произнес Кутузов. — Ладно, ступай. — Повернулся к своим офицерам: — Слыхали?! Как же нам быть?

Задел офицеров ответ солдата.

— Солдат — мужик, — заявил генерал. — Солдату чужого добра не жалко. Наш долг — защищать дворянство.

— Дворянство — оплот царю и отечеству, — произнес адъютант. — Права графиня Нащекина: тут надобны строгости, в пример для других.

— Да-а, — протянул Кутузов. — «Лес рубят — щепки летят...» — повторил он слова солдата, подошел к столу, взял в руки письмо, вновь прочитал, поморщился и вдруг разорвал на мелкие части. — Позорнейший документ для россиянина. Не смею в армейских делах хранить.

Затем Кутузов склонился к столу, открыл стоящий на нем деревянный ларец, отсчитал сорок четыре рубля из собственных денег, протянул адъютанту:

— На, отправь графине Нащекиной. Да отпиши, что главнокомандующим отдан специальный приказ и произведен с виновных строжайший взыск.

Любопытный гусь

Далеко прошли от русской границы французы. Без малого тысячу верст. Сколько их по пути побито! Тысячи в русской земле зарыты. Сколько вернется домой калек!

Начинают роптать солдаты:

— Куда нас ведут?..

— Нам бы отдых в Смоленске нужен...

— Нам бы дальше Днепра не ходить...

С каждым шагом врагу труднее. Обтрепаться успели солдаты. Голодно им в пути.

Попадется солдатам краюха хлеба — чуть ли не драка. Отобьют у крестьян скотину — прямо со шкурой ее едят.

Где-то за Вязьмой, в Сычевском уезде, ночевали солдаты у речки. Проснулись утром, видят: по лугу гусь здоровенный ходит.

Как он сюда попал? Деревни кругом пустые. Крестьяне со скарбом давно в лесах. То ли птица отбилась от

общей стаи, то ли просто был любопытным гусь: пришел посмотреть на французов.

Вскочили солдаты:

— Лови!

— Окружай!

— За лапу хватай!

Хоть гусь и не очень прыткая птица, а все же поди схвати! Заметался гусак по лугу. Шею тянет, шипит. Как парусами, крыльями хлопает. Тяпнул клювом одного солдата. Тяпнул за палец другого. Отбивается длинношей, ускользает из самых рук.

Проснулись от шума солдаты. Бегут на подмогу новые.

— Заходи к нему сзади!

— От речки гони!

— С фронта!

— С тыла!

— Давай во фланг!.. — как в настоящем бою, раздаются над лугом команды.

Как ни бился, все же попался гусь. Схватили его солдаты. Глаза разгорелись, рты приоткрылись, слюна течет.

На лугу оказались солдаты разных частей. Были французы, были пруссаки, итальянцы и даже из дальних кустов примчался житель вольного города Гамбурга.

Возник у добытчиков спор.

— Гусь наш, — говорят французы.

— Гусь наш! — кричат пруссаки.

— Гусь наш! — шумят итальянцы.

— Гусь мой! — вопит житель Гамбурга. — Я первым его схватил.

Сцепились солдаты. Ругань стоит над лугом:

— Прусское рыло!

— Итальянская швабра!

— Эй француз, лягушку живую съешь!

Приехал на шум генерал. Прикрикнул, навел порядок.

— В чем дело?

Мнутя солдаты.

— В чем дело? — повторил генерал.

— Гусь... — отвечают солдаты.

Смотрят: а где же гусь?.. Нет, не видно, не слышно нигде пернатого. Лишь перо, как память о нем, в руках у одного из солдат осталось.

Пока шумели, ругались солдаты, гусь юрк между ног и к речке быстрее ходу. С лапы на лапу, с лапы на лапу, с берега в воду поспешно прыг. Отплыл, залез в камыши. Лишь глазом оттуда удивленно посматривает. Видать, и впрямь любопытный гусь.

Мешок с деньгами

Богатый мужик Дормидонт Проскуров стал торговать с французами.

У других крестьян французы ни за какие деньги ничего не достанут. Лучше сожгут крестьяне, лучше в реке утопят, лучше в лес волкам отнесут — лишь бы не французам.

А Дормидонт Проскуров — пожалуйста!

Видит он, что французы на деньги нескупы. Чего упустить момент, не трижды живем на свете.

Продал Проскуров зерно, сено, корову, козу, распродал гусей и кур.

Мешок специальный завел. Деньги в мешок собирает.

Рассуждает: чего бы еще продать?

Вспомнил он о соленьях. Продает огурцы и капусту, грибов небольшой остаток.

Небывалый у Дормидонта Проскурова торг.

— А репу возьмете?

— Возьмем.

— А морковь?

— Возьмем и морковь, — отвечают французы,

Разбухает мешок с деньгами. Даже жмых Дормидонт перегнивший продал.

Наконец Проскуров продал последнее. В общем, ни с чем остался. «Бог с ним, — решает. — Денег мешок. Я теперь на всю округу самый богатый. Раз в десять больше всего накоплю».

Был Дормидонт продавцом, стал теперь покупателем. Отправился верст за двадцать в не занятое французами село на базар. Ходит что гоголь.

Тут посмотрит, там приценится, и это и то пощупает. Облюбовал телку, корову, коня, второго коня, козу. Ну и пригонит домой богатства!..

Вот и сошелся в цене. Начинает считать кредитки:

— Раз, два, три...

— Э, да ты подожди, постой... Они же фальшивые!

— Что! — заревел Проскуров. — Какие фальшивые? Они же французами плачены!..

Стал собираться народ. Стали смотреть кредитки. Так и есть, все, как одна, фальшивые.

А дело в том, что, отправляясь в Россию, Наполеон приказал напечатать фальшивых денег. Оттого-то французы и щедры.

Взвыл Дормидонт Проскуров. И туда, и сюда, к одному и к другому... Да только никто на фальшивые деньги продавать ему ничего не согласен.

Вернулся домой он черней чернозема. Недолго Проскуров прожил. От расстройства бедняга помер.

Деликатность

Многие дворяне при подходе французов бросали свои имения и уезжали.

Однако были и такие, которые оставались. Не уехала и княгиня Затонская.

— Французы меня не тронут, — заявила княгиня. —

Я во французском духе воспитана. Я романы на их языке читаю. Французы — сама деликатность.

Махнул старый князь рукой:

— Ну, как знаешь.

Взял и уехал.

Осталась одна княгиня, да девка при ней Парашка.

Пришли французы под Вязьму. Какой-то отряд вступил и в имение князей Затонских.

Явились солдаты в дом выбирать ночлег для своего командира.

Прошли они длинным рядом различных комнат, облюбовали одну с окном к восходу. Комната небольшая, зато уютная. Кровать белым как снег застелена. Запахи ароматные. Столик, духи на столике.

— Как раз нашему офицеру.

Подошли княгиня и девка Парашка.

— Это комната моя, — объясняет княгиня.

— Это комната ее сиятельства, — уточняет Парашка.

«Какое еще сиятельство!» — смотрят на женщин солдаты.

— Это комната для нашего офицера, — говорят они грозно.

А в это время офицер вошел в дом. Услышал он разговор о комнате, подошел, поклонился княгине.

— Пардон, — произнес, — мадам. Виконт де Ланжерон, — представился. Поцеловал княгинину ручку. — Убийайтесь! — крикнул солдатам. Шаркнул ногой перед девкой Парашкой. — Пардон, мамзель...

Просияла княгиня. Предлагает она офицеру остаться, выбрать любую из комнат.

— Хотите ту, что с балконом, или нет, лучше ту, что в китайском стиле.

— Господину офицеру лучше бы княжеский кабинет, — предлагает девка Парашка. — Там ружья висят и сабли.

— Не смею, — отвечает виконт, — нарушать ваш покой. Время военное, пересплю по-солдатски.

Сказал, опять поклонился и тут же вышел наружу.

Стоят княгиня с Парашкой.

— Вот это француз! Сама деликатность.

Решил офицер переночевать рядом с княжеским домом в селе. Выбрал избу получше.

— Вот здесь, — указал солдатам.

Вошли солдаты в избу, минут через пять вернулись.

— Ваше благородие, там горница занята. Там восемь детей крестьянских. Мал мала меньше. Хозяйка больна — лежит в беспамятстве.

Глянул грозно офицер на солдат:

— Очистить избу немедленно!

Побежали солдаты.

Поздно вечером заглянула в село и девка Парашка. Встречает крестьян, хвалится французским офицером, никак не нахвалится:

— Он ручку барыне поцеловал!.. Солдат из господского дома выгнал. По-кавалерски мне поклонился. И все говорил «пardon». Сие есть деликатность, — объясняла Парашка.

Чешут мужики свои бороды:

— Н-да, ворон ворону глаз не выклюет.

Царские лошади

В Екатеринославский драгунский полк поступило конное пополнение — 126 лошадей.

Кони не простые, из царских конюшен. Сам Константин Павлович Романов, родной брат царя Александра, их для полка пожаловал. Правда, за плату.

— Повезло, — рассуждают драгуны.

— Кони небось в сажень. С трудом на таких зале-зешь.

- Кабы не война, видал бы ты этих коней!
- Ныне и царский род для войны не скупится.
- А как же, и им не чужа Россия!

Потом пошел разговор, почему за коней уплачено:

- По двести двадцать пять рублей серебром за штуку.
- Деньги немалые. Тройная, выходит, цена.
- Так ведь и лошади царские.

Прибыли кони.

Стопились драгуны, стоят глазают.

Кони какие-то странные. Ростом по грудь. Кожа к костям прилипла. Многие вовсе беззубые.

- Может, ошибка? — перешептываются драгуны.
- Царские, может, только еще в пути.

Ошибки не было. Пришел коновал. Стал проверять, здоровы ли кони. Порядок такой из веков в кавалерийских войсках. И вот 45 оказались больны сапом. Чтобы не разносили заразу, тут же их пришлось пристрелить. 55 не подходили по старости. Продали их немедленно. С трудом по 40 рублей — где уж серебром, в бумажных рублях — ассигнациями.

Лишь 26 лошадей были причислены в полк. И то, честно сказать, с натяжкой.

— Да-а, — рассуждают драгуны. — Выходит, царский братец того... устроил обман-коммерцию.

- Как купец, гнилое подсунул.
- На войне поднабил карман.
- Не кони, выходит, хворые, — тихо промолвил какой-то солдат, — в царевом роду, видать, червоточина.

Господи, помоги!..

Где-то в глуши, в смоленских лесах и чащобах, затерялся мужской монастырь.

Быют монахи земные поклоны:

— Господи, помоги, уйми супостата, силу нашим войскам пошли!..

Бьют монахи земные поклоны. Молятся, молятся, молятся. Только не слышит их слов господь. Наступают кругом французы.

— Господи, не оставь! Помоги!.. — взывают монахи. Предают Наполеона они анафеме, беды всякие кличут, лютые кары ему сулят.

Однако господь, словно и нет-то его на небе, молчит и молчит. То ли спит, лежебока, на облаке, то ли просто, разбойник, ленится.

Нашлись среди монахов такие, которые сняли свои сутаны, надели мирское, ружья в руки вместо креста и влились в русское войско. А другие остались в монастыре. Продолжают у бога защиту вымаливать.

Просили, просили — не отозвался господь. Пришли в монастырь французы, какая-то конная часть.

Загадили кони подворье. Солдаты в погребках монастырских рыщут, в кельях песни свои кричат.

В испуге живут монахи. Днем с совками и метлами ходят — убирают конячий навоз. И лишь ночью, забившись в кельи, тихонько продолжают господу богу поклоны бить.

Приехал как-то французский полковник. Собрал он монахов.

— А ну молебен во славу императора Наполеона!

Замаялись монахи, да что же тут делать. Убьют их французы. Кто же тогда господа бога будет просить о спасении, кто же будет поклоны бить?!

Отслужили монахи молебен в честь императора Наполеона.

— И впредь служить ежедневно! — отдал строгий приказ полковник.

— Слушаем, — пискнули черносутанники.

Так и служат теперь монахи. Утром — за здоровье императора, ночью — за упокой.

— Уйми ты его, супостата!.. — гнут монахи свои спины до десятого пота, — Лютые кары ему попли!..

Да только не отзывается что-то господь.

То ли в просьбах господь запутался, то ли просто всевышний ленится.

«Войско второго сорта»

По всей России в срочном порядке собирали для армии новых солдат. Из губерний Санкт-Петербургской, Московской, Нижегородской, из других губерний и мест России походным маршем шли они на войну. Крестьяне бросали свои поля, мелкие торговцы до лучших времен закрывали лавки. Обозники, каретники, плотники, горожане любых ремесел оставляли свой дом и труд.

Называли новых солдат ополченцами.

Враг наступал. Для учений времени не было. Умел держать ружье, не умел — все равно, ты отныне есть боевой солдат.

— Братцы, в боях научимся!

Под городом Гжатском к регулярной русской армии присоединились сразу двадцать пять тысяч таких новобранцев.

— Эка сила какая прибыла! — подзадоривают новых солдат бывалые. — Что грибов в урожайный год. Значит, вас прямо в бой. Карасями на сковородку.

Ходят ополченцы, настоящим солдатам завидуют.

У солдат в разный цвет мундиры, панталоны в обтяжку, на ногах башмаки.

У ополченцев простые кафтаны, портки-шаровары, сапоги невоенного кроя.

У солдат шапки с султанами, кивера и кокарды.

У ополченцев просто фуражки.

У солдат ружья, штыки на ружьях.

У ополченцев ружье на троих.

— Вы рангом нас чуть пониже, — смеются солдаты. — Войско второго сорта.

Всюду вновь прибывшему меньший почет. Так и тут, на войне.

Под тем же городом Гжатском ополченцы имели первое «дело». Отличились они в бою. Отбили и в плен пригнали отряд французов.

Сгрудились вокруг пленных солдаты.

— Ты смотри!

— Ну и бороды!

— Ну и кафтаны!

Рады ополченцы, что их солдаты бывалые хвалят. Осмелели. Стали просить, чтобы каждому дали ружья.

— Не давать им, не давать ружья! — смеются солдаты. — Да они с ружьями всех французов в плен заберут, нам ничего не оставят.

Конечно, дали бы новым солдатам ружья. Да ведь ружей в армии не хватало, многотысячной стала армия. Ружья — они не грибы. Их в лесу под кустами не сыщешь. Ружья делать и делать надо.

Да разве главное в ружьях? Ружье без солдата не стреляет. Солдат и без ружья победит.

Гришенька

Кутузов читал письмо:

«Милостивый государь, батюшка Михаил Илларионович!..»

Письмо было от старого друга-генерала, ныне уже вышедшего в отставку. Генерал вспоминал многолетнюю службу с Кутузовым, бывшие походы. Поздравлял с назначением на пост главнокомандующего. Желал новых успехов. Но главное, ради чего писалось письмо, было в самом конце. Речь шла о генеральском сыне, молодом офицере Гришеньке. Генерал просил Кутузова в память о старой дружбе пригреть Гришеньку, взять в штаб, а лучше всего — в адъютанты.

— Да-а, — вздохнул Кутузов. — Не с этого мы начинали. Видать, молодежь не та уже нынче. Все ищут, где бы теплее, где жизнь поспокойнее. Все в штаб да в штаб, нет бы на поле боя.

Однако дружба есть дружба. Генерал был боевым, заслуженным. Кутузов его уважал и решил исполнить отцовскую просьбу.

Через несколько дней Гришенька прибыл.

Смотрит Кутузов — стоит перед ним птенец. Не офицер, а мальчишка. Ростом Кутузову едва до плеча. Худ как тростинка. На губах пух, ни разу не тронутый бритвой.

Даже смешно стало Кутузову: «Да, не та пошла молодежь, офицерство теперь не то. Хлипкость в душе и теле».

Расспросил Кутузов Гришеньку об отце, вспомнил о матушке.

— Ну ладно, ступай. Исполнил я просьбу Петра Никодимовича — шей адъютантский наряд.

Однако офицер не уходит.

— Ваша светлость!

Кутузов нахмурился. Понял, что молодой офицер начнет благодарить.

— Ступай, ступай!

— Ваша светлость!.. — опять начинает Гришенька.

Кутузов поморщился: «Эка какой прилипчивый!»

— Ну что тебе?

— Михаил Илларионович, мне бы в полк... Мне бы в армию к князю Петру Багратиону, — пролепетал Гришенька.

Развеселился от этого вдруг Кутузов. Смотрит на малый рост офицера, на пух, что вместо усов пад верхней губой: «Дите, как есть дите». Жалко стало юнца Кутузову. Куда же посылать такого птенца под пули?..

— Не могу, не могу, — говорит. — Батюшке твоему другое обещано.

Дрогнули у офицера губы. Ну, право, вот-вот расплачется.

— Не могу, — повторил Кутузов. — Да куда тебе в полк! Тебя и солдаты-то в бою не приметят.

Обиделся офицер:

— Так и Суворов ведь был не саженого роста.

Кутузов удивленно поднял брови. Понял он, что Гришенька не из тех, кто за отцовскую спину прячется. Подошел фельдмаршал к офицеру, расцеловал:

— Ладно, ладно. Вот и батюшка твой, бывало... — Кутузов недоговорил: слеза подступила к глазу.

Постояли они минуту.

— Ступай, — махнул рукой наконец Кутузов. — Быть по сему: лети, крылатый, своей дорогой.

Гришенька вытянулся, ловко повернулся на каблуках, вышел. А Кутузов долго и задумчиво смотрел ему вслед. Затем он потребовал лист бумаги и принялся писать письмо старому генералу.

«Милостивый государь, батюшка Петр Никодимович!

Радость господь послал мне великую. Прибыл твой Гришенька. И сдавалось мне, что сие не новый побег, а юность наша с тобой явилась. Спасибо тебе за такой сюрприз. Уповаю видеть его в героях...» Потом подумал и приписал: «Просьбу твою исполнил. Отпыне Гришенька у меня на самом приметном месте: при душе моей в адъютантах...»

Получив письмо, старый генерал долго ломал голову. «При душе» — как же это понять? Эх, приотстал я в военном деле: видать, при главнокомандующем новую должность ввели».

Татарин

У города Гжатска солдаты хоронили погибших товарищей. Вырыли большую могилу. Место выбрали на вышине, на холме у трех сосен.

Глянешь отсюда налево — речки-певуны крутой изгиб. Глянешь направо — бежит дорога. Посмотришь вперед — поля и поля, необъятная даль России.

Спите спокойно, герои.

Перенесли солдаты погибших на холм, положили у края могилы. Ждут армейского батюшку для отпевания. Лежат, как в строю, убитые. Только глаза закрыты. Руки у всех на груди. Разные лица: молодые и старые, тощие, полные, усатые, с пухом на месте усов, с густыми бровями, с редкими, а вот и совсем безбровый, широкой лопатой скулы.

— Так это ж татарин!

Смотрят солдаты: как же им быть? Татарин другой, не христианской веры. Какое ж ему отпевание? Как бы того, не покарал бы господь за такое дело.

Сгрудились, перешептываются между собой солдаты:

— Конечно, оно не по праву. Да ведь вместе со всеми сражался. Погиб за Россию. Хоть и не христианская, а тоже солдатская кровь. Нет, нельзя, не по-христиански его в сторонку. Пусть остается со всеми.

Явился батюшка, выпул кадило, пригладил свою поповскую бороду, приготовился. Только хотел начинать отпевание, видит, лежит татарин.

Нахмурился батюшка:

— Убрать!

Не шевелятся солдаты.

— Убрать, — повторил священник.

— Ваше преподобие, — полезли солдаты, — пусть остается. Он же солдат. Господь не осудит.

Перекосилось от слов подобных лицо священника. Скула с бородой отвалилась, открылся и замер, словно в распорках, рот.

— Богохульники! — заревел на солдат батюшка. — Христопродавцы! Кайтесь, кайтесь святым угодникам!..

Переглянулись солдаты: не речи, а гром. Хотели опи

идти на попятную. Да что-то их удержало. Братство, видеть, солдатское.

В это время холмом мимо трех сосен ехал Кутузов. Видит, священник, могила, лежат убитые. Снял Кутузов фуражку, слез с лошади, перекрестился:

— В чем дело, ваше преподобие?

Объяснил священник, в чем дело. Посмотрел Кутузов на убитых солдат, на татарина, посмотрел на живых солдат, обратился к священнику:

— А нельзя ли солдат уважить?

— Ваша светлость, побойтесь бога!..

— Ладно, ладно, — поморщился главнокомандующий. Глянул опять на солдат, опять на священника, показал на кадило: — Дай-ка сию вещицу.

Поп растерялся и отдал.

Кутузов взял и сам замахал кадилом.

Ингерманландский драгунский полк

Много в русской армии разных полков: Московский пехотный, Московский драгунский, Полтавский, Смоленский, Елецкий, Иркутский, Литовский уланский, Ахтырский гусарский... Ингерманландский ¹ драгунский полк.

Отходят войска от Гжатска, дорогой идут к Можайску.

Остановились ингерманландские драгуны на ночевку в селе Заболотном, расседлали коней.

Окружили драгун крестьяне:

— Откуда родом, служивые, будете?

— Новгородские.

— Вологодские.

— Из-под славного города Санкт-Петербурга.

— С Волхова.

— Из Ижорской земли.

---

¹ Санкт-Петербургская губерния до 1710 года называлась Ингерманландской. Полк и сто лет спустя, в 1812 году, сохранил свое старое наименование.

— Понятно, — отвечают крестьяне. — А мы-то думали, вы нерусские.

— Как так? — поразились драгуны.

— Да название больно у вас диковинное.

— Так не мы же его придумали. По губернии нашей значимся.

— Ясно, — протянули крестьяне.

Переночевали драгуны в селе Заболотном, на следующий день ночевка в новом каком-то селе.

Обступили драгун крестьяне:

— Откуда, служивые, будете?

— Новгородские.

— Вологодские.

— Из-под славного города Санкт-Петербурга.

— С Волхова.

— Из Ижорской земли.

— Понятно, — отвечают крестьяне. — А мы-то думали, вы нерусские.

— Что, название больно диковинное? — усмехнулись драгуны.

— Нет, — говорят крестьяне. — Уж больно притко русскую землю врагу отдаете.

Смутились драгуны. Ну и крестьянский язык — режет острее бритвы.

— Так ведь это военный маневр, — повторяют слова Кутузова.

— Может, оно и маневр, — рассуждают крестьяне. — Только что же это за армия, если солдаты по-рачьи пятятся?

Обидно слушать такое драгунам. Едут они к Кутузову. Ни шагу назад, решают драгуны. Хватит сейх маневров.

А Кутузов и сам уже выбрал место для битвы. К этому месту теперь и подходили войска.

Разыскали солдаты Кутузова:

— Ваша светлость, сил больше нет. Отмени военный маневр. Дай команду побить французов.

Улыбнулся Кутузов:

— Час пробил. Быть по сему. С богом, служивые!

Доволен главнокомандующий, что пыл боевой в войсках.

— Значит, бой! — зашумели солдаты.

— Бой! — ответил Кутузов.

— Ура! — закричали драгуны.

Едут драгуны к себе в деревню, везут долгожданную весть. Встречают крестьян у околицы. Кричат для задора:

— Чем же ваше село известно?

Село как село. Чем же оно известно? Ничем.

— Поп у нас рыжий! — выкрикнул кто-то.

— То-то! — смеются солдаты. — Быть ему черным от гари и дыма.

Обомлели крестьяне. К чему бы такие речи?

А драгуны опять с вопросом:

— Как величать деревеньку?

— Бородино, — отвечают крестьяне.

Глава третья

БОРОДИНО

Провалилась, как в топь, тишина

Подымись на колокольню церкви, что стоит в самом центре села Бородина. Осмотрись внимательно по сторонам.

Здесь, на огромном, изрытом оврагами поле, 7 сентября 1812 года вскипела бессмертная битва. Великая слава России крепла на этих полях. Далекие прадеды наши завещали ее потомкам. Поклонись великому полю. Поклонись великому мужеству.

Помни!

Знай!

Не забудь!

Перед зарею, еще в темноте, никому не сказав ни слова, Кутузов сел на коня и, не доезжая версты полторы до Бородина, остановился на холме у небольшой деревеньки Горки. Он еще с вечера облюбовал это место. Тут во время боя будет ставка Кутузова.

Куда-то вправо уходила река Колоча, образуя развилку с Москвой-рекою. Здесь начинался правый фланг русских позиций. Затем линия русских полков пересекала новую Смоленскую дорогу и уходила без малого на целых семь верст далеко налево, где за Семеповским ручьем и селом Семеновским, у старой Смоленской дороги, лежала деревня Утицы.

В нескольких местах на возвышениях стояли русские батареи. Одной из них, той, что называлась Кургановой, суждено было стать главным местом Бородинской битвы.

Это знаменитая батарея Раевского. Левее ее, за селом Семеновским, были вырыты флешы — окопы углом к противнику. Это знаменитые Багратионовы флешы.

Правый фланг русских войск занимала армия Барклая-де-Толли. Левый — армия, которой командовал Багратион.

В нескольких верстах от основных сил в низинах и перелесках были укрыты резервные полки, казаки и кавалеристы.

Темно. Молча сидит на коне Кутузов. Не столько видит, сколько по свету догорающих бивачных костров угадывает расположение войск противника. Не столько слышит, сколько острым чутьем бывалого воина улавливает передвижения в неприятельском лагере.

Не торнясь Кутузов слезает с коня. Трудно ему без помощи. Стар, телом грузен Кутузов. Не вернешь молодые годы.

Кряхтя, главнокомандующий становится на колени, нагибается, прикладывает ухо к земле. Проверяет свои догадки. Гулко отдает земля в почвой тишине. Без ошибок, как музыкант, определяет Кутузов малейшие звуки.

Затем он подымается. Снова садится верхом на коня. И снова смотрит и смотрит в ночную даль.

На востоке проглянула первая полоска зари. Грачи завопили на ветлах. Конь под Кутузовым дернул траву копытом, тихо заржал.

Подскакали обеспокоенные адъютанты, генералы из кутузовской свиты, офицеры из штаба. Окружили они Кутузова.

Все светлее, светлее восток. Округа с холма словно в твоей ладони. Притихло, замерло все. Недвижны войска. Немота над полями. Лишь тучки над лесом крадутся кошачьим шагом.

И вдруг рванули раскаты пушки. Провалилась, как в топь, тишина. Ударил час Бородинской битвы.

«Это удвоит силы»

Размещая войска перед битвой, на левый фланг Кутузов поставил армию Багратиона.

Место здесь самое опасное. Подходы открытые.

Понимает Кутузов, что тут французы начнут атаку.

— Не мало ли войска у князя Петра? — заволновался кто-то из штабных генералов.

— Там же Багратион, — ответил Кутузов. — Это удвоит силы.

Как и думал Кутузов, Наполеон действительно ударил на левый фланг. Взять Багратионовы флешы, а потом уже бросить войска на центр — таков план императора.

130 французских пушек открыли огонь.

Три кавалерийских корпуса ринулись к русским флешам. Десятки пехотных полков смешались на малом месте.

Лучшие маршалы Франции Ней, Даву и Мюрат лично ведут атаку.

— Это на одного генерала и столько-то маршалов! — шутят в русских войсках.

— Князю Багратиону хоть пять давай!

— Держись, не робей, ребята!

За атакой идет атака. Упорны французы. Страх не знают французы. Лезет на флешах вместо убитых новый солдатский ряд.

— Браво, браво! — кричит Наполеон. Не может сдерживать похвалы героям.

Но и русские сшиты не ржавой иглой. Не меньше у русских отваги.

Сошлись две стены. Бьются герой с героем.

Не уступает смельчак смельчаку. Словно коса и камень. Русские ни шагу назад, французы ни шагу вперед. Лишь курганы растут и растут из солдат побитых.

Не стихает у флешей бой. Солнце все выше и выше. Вот уже и совсем высоко. Вот и в зените.

Не сдаются упрямые флеша. Как утесы, как скалы держатся.

Негодует Наполеон: срывается план императорский. Посылает он двести, триста, четыреста пушек.

Грозен приказ императора:

— Все силы на левый фланг!

Бросаются в битву новые силы.

— Ну как, отступил Багратион?

— Нет, ваше величество.

Где искать Багратиона?

Скачут от Кутузова к Багратиону посыльные. Везут приказы, наказания, распоряжения. Трудно в бою разыскать генерала. Багратион не сидит на месте.

— Не генерал я, а первый солдат, — любит он шуткой ответить.

Ищут курьеры князя Петра.

— Тут он, — решают.

— Генерал вон там, — посылают курьеров в другое место.

Прискачут туда посыльные.

— Был, да отбыл, — слышат в ответ.

Скачут дальше курьеры. И опять без удачи. Теряют посыльные драгоценное время.

И лишь один Воейков, как только получит приказ от Кутузова, сразу же Багратиона находит.

Завидно другим посыльным: «Эка удачливый какой Воейков!» Стали они у него допытывать, как это он без ошибки знает, куда скакать.

— Очень просто, — отвечает Воейков. — Князь Багратион самолично мне в том помогает.

— Ты головы нам не мути. Глупыми нас не считай. Признавайся, какой у тебя секрет.

Рассмеялся Воейков:

— Секрет? Вот он, секрет. — И показал рукой в сторону Багратионовой армии.

Смотрят курьеры. Ничего необычного там не видят. Армия как армия. Бой как бой. Стрельба. Дым. Штыковые атаки. В столах земля содрогается.

— Зорче, зорче глядите! — кричит Воейков. — Где самое жаркое место?

— Вон там, — тычут поспешно пальцами офицеры.

— Туда и скачите, — ответил Воейков. — Там мой секрет. В самом пекле Багратиона ищите. Будет всегда удача.

Непобедимая шпага

Кирасир Адрианов во время Бородинской битвы был приставлен к Багратиону. Зрительную трубу подавал генералу, поддерживал под уздцы коня, во фляге таскал ключевую воду.

Неотступен как тень кирасир Адрианов. Посматривает он на князя Петра, на горбатый орлиный нос («Грузинец», — рассуждает солдат), на длинные цепкие руки («Такие шпагу не выпустят»), на ладную фигуру Багратиона («Девкам на загляденье»).

Нравится Адрианову генерал. И за боевую удачу, и за то, как говорит с солдатами: все «братцы» или «ребята». И как воду из фляги пьет. Глотками большими, словно силу в себя вбирает.

Но больше всего Адрианову нравится тот момент, когда, приподнявшись на стремянах и вытянув кверху руку, голосом зычным, аж дрожь по спине, Багратион прокричит:

— В атаку!

Вот и сейчас. Вот уже генерал подался в седле. Вот-вот призывное крикнет. И вдруг... о пригорок вналет ядро. И в ту же секунду Адрианов решил, что привиделось. Из правой ноги генерала на землю хлынула кровь.

Осел генерал. Вцепился в поводья: «Усидеть, усидеть. Виду войскам не подать».

Минута казалась годом. Качнулся Багратион. Без сто-на повалился на землю.

Подбежала генеральская свита. Стащили сапог. Мундир расстегнули. Отложили стальную шпагу.

Явился армейский доктор. Осмотрел, покачал головой:

— Осколок... Смертельно...

Кое-кто потянулся к шляпам. Вырвался стон у пожилого полковника.

Адрианов пытался пробиться к Багратиону. Его оттеснили.

— Я же при генерале!..

— Ступай, ступай! — прикрикнули офицеры. — Больше не надобен.

«Убит, убит», — пошло по войскам.

И вдруг непонятное стряслось с кирасиром. Увидел он Багратионову шпагу. Секунду смотрел. Потом схватил — и навстречу французам. Добежал, пырнул одного, другого. Замерли офицеры. Затаили солдаты дыхание. Разит кирасир Адрианов врагов, лишь шпага на солнце сверкает. Багратионова непобедимая шпага.

Настой валерьяновый

В центре русских войск, между левым и правым крылом, возвышался курган — самая высокая точка на всем Бородинском поле.

На кургане была поставлена русская батарея. Теперь, после гибели Багратиона, когда французам наконец удалось потеснить левый фланг, все их силы были брошены к центру. Курганная батарея оказалась главным местом сражения.

К полудню батарея дважды переходила из рук в руки. Упорство и с той и с другой стороны достигло предела. Под генералом Барклаем-де-Толли убита пятая лошадь. Не стихает страшная канонада. Ядра, словно плуги, вздымают землю. Градом по полю стучит картечь. Хрипят недобитые кони. Одиноким воплем раздалось чье-то рыдание. Умирая, кто-то молится богу. Неистово бьют барабаны. Черное облако дыма закрыло солнце.

Французы опять потеснили русских.

Стоит Кутузов на возвышенном месте у Горок, зорко следит за битвой. Подзорная труба в руках у Кутузова. Окружают его адъютанты, курьеры, посыльные. То одного, то другого манит к себе Кутузов:

— А ну-ка, голубчик, скачи на Курганную.

— Ступай-ка, батенька, узнай, как дела у Раевского.

Мягко, без крика отдает приказы Кутузов. Все у него на счету: куда подвести резервы, какому генералу сменить позицию, к какому месту подвинуть пушки.

Знает Кутузов, что в битве бывает всякое. Иногда и отступишь на шаг, зато после десять отмеришь вперед.

Хладнокровен в бою Кутузов. Видит он, что французы теснят у Курганной русских. Однако не это в бою главнейшее. Победу в конце считают.

В это время влетает на холм генерал Вольцоген. Конь генеральский взмылен. Лицо генерала бледное. Уздечка в руках мелкую дробь выбивает.

Осадил генерал коня.

— Отступаем, — кричит, — отступаем! Рушится, ваша светлость, центр!

Вольцоген был генерал не из храбрых, хотя на словах и бойкий. Недолюбливали его в армии. Недолюбливал и Кутузов.

Видит Кутузов, что центр действительно заколебался. Смотрит на это место, потом подымает взгляд на Вольцогена:

— Да что вы, голубчик! Я ничего не вижу.

— Вот же, вот же! — кричит Вольцоген. — Взгляните. — И протягивает подзорную трубу главнокомандующему.

Поднял Кутузов трубу, приложил к незрячем глазу, тому, что был выбит еще лет тридцать назад под Алуштой.

— Нет, — говорит, — ничего не вижу.

Понял Вольцоген хитрость Кутузова, промолчал. Повернулся он к месту боя. Смотрит, а там действительно отступление кончилось.

Ударили наши солдаты в штыки, сами гонят французов.

Усмехнулся Кутузов:

— Да вы, батенька, видать, стороны перепутали. Бывает, голубчик, бывает. Оно от усталости... — Подозвал адъютанта. — Генералу настой валерьяновый.

Завтрак генерала Милорадовича

Пока Кутузов разговаривал с генералом Вольцогеном, у Курганной батареи произошло вот что. Сюда на помощь Барклаю-де-Толли с правого фланга по приказанию Кутузова прискакал генерал Милорадович. Как раз русские начали отступление.

Горяч Милорадович. Лихой, боевой генерал, суворовский. Не зря он послан сюда Кутузовым.

Кричит Милорадович что-то солдатам, глохнут, как в вате, в артиллерийском гуле слова. Решил генерал личным примером увлечь войска. Взял он с собой адъютанта и с места в карьер, галопом по полю навстречу французам. Влетел на пригорок, осадил скакуна, спрыгнул на землю.

— Распорядитесь, — командует адъютанту, — подать сюда завтрак.

Многое видел адъютант на своем веку, знал генеральскую лихость, однако такое... Стоит, растерялся.

Рвутся кругом гранаты. Картечь как дождем поливает — верная смерть.

— Завтрак подать! — кричит Милорадович.

Бросился адъютант выполнять приказание. Тащат генералу еду. Ухватил он утиную ногу, из фляги водой запивает.

Не стихает зловеший бой. Ядра бугор осыпают. Видят солдаты под огнем генерала.

— Господи, пищей, никак, занялся!

— Да ну!

— Ей-ей! Утиную ногу ест.

— Выходит, наши дела неплохи.

— Братцы, вперед!

Собрались солдаты с силами, бросились на французов. Этот момент и увидел с холма Вольцоген.

Уцелел под огнем Милорадович. Понял, не зря прискакал под пули. Отшвырнул недоеденный кусок утятинны. Снова вскочил на коня. Вернулся к своим полкам:

— Дружно, вперед! Герои!

Бьются, бьются солдаты. Огромным факелом пылает Бородино. Третий час после полудня. Кто сказал, что попятились русские?!

Рука

Молодой офицер Бибиков, уходя на войну, мечтал о подвиге, о геройстве.

Прибыл Бибииков в армию, надеялся попасть в боевой полк. Однако судьба распорядилась иначе. Определили его офицером в штаб для переписки разных бумаг и приказов.

— Какое же в штабе геройство!.. — вздыхает Бибииков. — Где же я подвиг здесь совершу, чем же имя свое прославлю!..

Прошло два месяца. Наступил день Бородинской битвы. Сражение было в самом разгаре. Пушки палили и с той и с другой стороны с такой силой, что не только голов, но и ружейной стрельбы не было слышно. Бой шел за Курганную батарею. В это время Бибииков был послан к командиру одного из полков с приказом оставить свои позиции и срочно идти на помощь к генералу Раевскому.

Вскочил Бибииков на коня, помчался выполнять важное поручение. Рад, что наконец из штаба вырвался. Едет, все о подвиге думает.

Торопится Бибииков, знает: поручение срочное. Лихо мчит через гущу боя.

Разыскал он указанный полк, передает приказ командиру.

— Громче, громче! — кричит командир.

Заглушает канонада слова посыльного. Не может понять полковник, в каком направлении двигаться.

Привстал тогда Бибииков в стременах, протянул руку в нужную сторону. Только протянул, как просвистало, пролетело неприятельское ядро, ударило Бибиикова в самый локоть. Обломилась, отлетела, как хворостина, рука. Вскрикнул Бибииков от боли, стал валиться с коня. Падает, а сам понимает, что не передал он важный приказ полковнику. Собрал офицер последние силы — вторую руку в том же направлении тянет.

— К Курганной батарее, на помощь Раевскому... — прохрипел, упал и тут же лишился сознания.

Понял полковник. Снялись солдаты, пошли на помощь товарищам.

Весть о подвиге молодого офицера быстро прошла по русским полкам. Достигла она и Кутузова.

— Молодец! — прослезился Кутузов. — Отменный, видеть, офицер. К награде его. В списки героев. На вечные времена — внукам в пример, Отчизне во славу.

Пришел в себя Бибиков только вечером, уже в санитарной палатке.

Смотрит на то место, где еще утром была рука, сокрушается:

— Как же я подвиг теперь совершу, чем же имя свое прославлю!..

Богатырская сила

Батарея поручика Жабрина срочно меняла позиции. Впрягли солдаты коней, торопятся к новому месту. Полки генерала Милорадовича пошли в наступление.

Срочно нужна подмога.

— Живей, живей! — командует Жабрин. — Душу вам наизнанку... Кому говорят: живей!

Дорога лежала местом недавней схватки. Спустились кони в низинку. Все поле завалено трупами. Русские, французы лежат вповалку. Крест-накрест, один на другом. Словно бы вовсе не люди, а кто-то кули разбросал по полю.

Остановились солдаты.

— О господи!

— Живей, живей! — командует Жабрин.

Солдат Епифанов чуть отстал от других. Страх обуял солдата. Мурашки идут по солдатской спине. Прикрыл он глаза. Скорей бы проехать жестоким местом.

Вдруг тихий протяжный стон. Приоткрыл Епифанов глаза. Прямо под пушкой, у самого колеса, шевельнулся седоусый капрал. Солдата аж пот прошиб.

— Тпру! — закричал на коней Епифанов. Спрыгнул на землю.

Лежит, стонет в бреду капрал. Бок в кровяных подтеках. Кивер лежит в стороне. Однако ружье при себе, под мышкой.

Подбежал Епифанов к капралу. Пытается вытащить из-под колес. Грузен, тяжел капрал. Другими телами прижат.

Шевельнулся страдалец. Глянул на свет, на солдата, на пушку:

— Откуда?

— Капониры мы, — зачастил Епифанов. — С левого фланга на правый фланг. На подмогу идем рысями. Слышишь, дядя, пальба вокруг... Наступает генерал Милорадович.

— Наш, наш генерал! — закричал капрал. — А ну-ка выше, голову выше мне!

Смотрит капрал, а там, на бугре, лавиной идут солдаты. Слышит старый воин привычные звуки. Словно товарищей слышит зов.

Улыбка прошла по лицу капрала.

— А пу, подмогни!

Помог подняться капралу с земли Епифанов.

— А ну-ка, кивер надень.

Надел Епифанов на седую голову кивер.

Подтянулся, словно в строю, капрал. Изготовил ружье, как в атаке. Шаг левой, шаг правой. С шага на бег перешел капрал. Опешил солдат Епифанов: кровь из капрала хлещет.

— Ура-а! — победно несется с холма.

— Ура-а! — ответно кричит капрал.

Пробежал он метров десять — пятнадцать и вдруг, словно дуб-великан под взмахом последним удальца дровосека, рухнул плашмя на землю.

Подлетел Епифанов к герою. Не стонет, не дышит капрал. Кончил воин свой путь солдатский.

Догнал Епифанов своих. Набросился Жабрин:

— Где пропадал?! Душа твоя воробынная!..

Объясняет солдат задержку. Никак не придет в себя. О старом капрале сбиваясь рассказывает.

Утихнул поручик Жабрин. Молча стоят солдаты.

— Так звать как? Как величать героя?

Разводит Епифанов руками:

— Капрал. Старый такой. С усами. Силы в нем совсем уже не было.

Сняли солдаты шапки.

— Силы в нем не было?! Дурак, богатырская сила в нем!

Солдатское сердце

Сдружились они в походах: солдат молодой и солдат бывалый — Клим Дуга и Матвей Бородулин. Вместе отступали от самого Немана. Вместе бились у Витебска. Чуть не погибли у стен Смоленска. Вместе пришли к Бородинскому полю.

Матвей Бородулин при Климе Дуге словно бы дядька. Уму-разуму в военных делах наставляет: как порох держать сухим, как штык наточить, как лучше идти в походе, чтобы ноги не так уставали. На привале Бородулин уступит младшему место поближе к костру.

Упрется Дуга:

— Да что я, дите какое?

— Ложись, ложись! — прикрикнет солдат. — Я привычный. Мне на холодку даже и лучше.

Делят кашу, и тут Бородулин о друге думает. Из миски своей в миску к нему добрую часть отвалит.

— Дядя Матвей, — отбивается Клим, — да что я — к откорму хряк?

— Ешь, ешь! Тебе в рост. Тебе в пользу.

В Бородинской битве солдаты сражались рядом. Клим — богатырь, Бородулин — усох с годами. Прикрывает Дуга старшего друга. Недоглядел: ранило вдруг солдата. Повалился Матвей Бородулин на землю, талым сугробом осел.

— Дядя Матвей! — закричал Дуга. Рухнул он на колени, тормозит Бородулина. Ухо к груди приложил. — Дяденька Матвей! Родненький!..

Приоткрыл Бородулин глаза, глянул на друга.

— Воды, — простонал и снова забылся.

Схватились солдаты за фляги — пусты солдатские фляги. Скоро десять часов как бой. Не осталось во флягах глотка воды.

Нет воды. Ручья поблизости нет. Ближайший ручей в руках у французов.

— Воды! Воды! Воды! — идет по солдатским рядам.

Нет нигде, как в пустыне, воды.

Поднялся Дуга на ноги. Смотрит растерянным взглядом. И вдруг словно ток прошел по солдату. Схватил он пустую флягу, руку задрал в вышину и рванулся навстречу французам, туда, где штыки и ружья, где за ними ручей в овраге.

Перехватило у тех, кто был рядом, дух.

— Господи, верная смерть...

— Леший!

— Достался Дуга французам.

Смотрят солдаты с тревогой вслед. Смотрят на бегущего русского и сами французы.

— Камрады, — кричит Дуга, — дядька Матвей погибает! Дядька просит воды! — И флягой пустой, как паролем, машет.

— Во-о-ды! — несется над полем.

Французы хотя и враги, а тоже ведь люди. Непонятна им русская речь. Однако сердцами людскими поняли: неспроста побежал солдат.

Расступились французы, открыли дорогу к ручью. Стих на участке огонь. Не стреляет ни эта, ни та сторона. Замерло все. Лишь режут воздух слова солдата «Дядька Матвей погибает!»

Добежал Дуга до оврага. Зачерпнул флягу воды сту-

деной, разворот — и помчался назад коридором солдат французских.

Подбежал он к дядьке Матвею, снова стал на колени, голову поднял, флягу поднес ко рту. Смочил лоб, височную часть.

Приоткрыл Бородулин глаза, вернулось к солдату сознание, признал молодого друга:

— Где же ты водицу, родной, достал?

Где? Из сердца достал солдатского.

Рыжик

Родился он маленьким-маленьким, рыженьким-рыженьким, словно в беличью шубку одет. Поднялся на хилые ножки, удивленно глянул на белый свет и нежно заржал.

— Рыжик! — вырвалось у кого-то.

Так и остался лошадеенок при этом имени.

Прошло три года. Рыжик вырос, окреп. Не конь — загляденье. Шея тонкая, ноги стройные. Буйным ветром летит по полю.

Вскоре Рыжик попал на военную службу. Определили его в гусарский полк к самому командиру. Однако не понравился чем-то коню гусарский начальник. То ли годами полковник стар, то ли сердце имел недоброе. Не подпускает Рыжик к себе командира: бьет коньком, рвет удила.

Разозлился полковник, отдал коня своему адъютанту. Однако и тут неудача. То ли зелен-молод совсем адъютант, то ли душа у него нехрабрая. Не признает конь офицера, свечкой вздымается к небу.

Намучились в гусарском полку с конем. Наконец решились отчислить упряма. Да только тут влились в русскую армию казаки генерала Платова. Казак Савостин и выпросил Рыжика.

Почуял Рыжик славную руку хозяина: Савостин — лихой казак. Савостин всегда впереди. И Рыжик привык к

почетному месту. Смирились другие кони, почтительно уступают ему дорогу.

Гордится Рыжик своим хозяином. И Савостин к Рыжику, как к лучшему другу. Сам его кормит, сам его поит. Сам чистит и гладит коня.

В самый разгар Бородинской битвы Кутузов отдал приказ казакам генерала Платова и кавалерийским полкам генерала Уварова быстрым маршем пройти по французским тылам, ударить противнику в спину.

Помчались лихие кавалеристы, с криком и шумом обрушились на неприятеля. Не ожидали французы русских в своем тылу. Завязался горячий бой. Дрогнула французская конница. Врезались казаки в ряды французской пехоты, прошлись, как ножом по маслу.

В это время Савостина ранило. Вылетел казак из седла, рухнул на землю.

Проскочил Рыжик с разгона сквозь французский заслон, остановился. Повел головой. Вначале тихо, потом громко заржал. Много тогда коней без седоков оказалось. Стали лошади собираться около Рыжика. Привыкли ходить за ним. Создался целый табун. Заметался по полю Рыжик — ищет хозяина. И другие кони за ним то в одну, то в другую сторону. Хоть лошади и без седоков, да в общей массе и они боевой отряд — завидя их, разбегаются враз французы.

Разыскал Рыжик Савостина. Взобрался казак на коня. Полетел догонять товарищей. Мчится Рыжик по полю, голову держит высоко-высоко.

Лихим назвать бы его, а не Рыжиком. Да только клички даются с детства.

Птица-слава

Солдат Изюмов до Бородинской битвы ни разу не отличился. Хотя и мечтал о славе. Все думал, как бы ее поймать.

Еще в самом начале войны у Изюмова произошел такой разговор с каким-то солдатом.

— Что такое есть слава? — спросил Изюмов.

— Слава есть птица, — ответил солдат. — Она над боем всегда кружится. Кто схватит — тому и слава.

То ли в шутку сказал солдат, то ли и сам в подобное верил, только потерял с той поры Изюмов покой. Все о птице чудесной думает. Как же ее поймать?

Думал об этом под Витебском. Другие солдаты идут в атаку, смело колотят врагов. А Изюмов все время на небо смотрит. Эх, не прозевать бы волшебную птицу! И все-таки прозевал. Слава другим досталась.

Во время боев под Смоленском опять повторилось то же самое. И здесь остался без славы солдат.

В огорчении страшном Изюмов. Пожаловался он товарищам на свою неудачу.

Рассмеялись солдаты:

— Славу не ловят, слава сама за храбрим летит. Она и правда как птица. Только лучше о ней не думать. Отпугнуть ее можно враз.

И вот в Бородинском сражении солдат и вправду забыл о славе. Не то чтобы сразу, а как-то так, что и сам того не заметил.

Битва клонилась к концу. Французы стараются вырвать победу. На русскую пехоту были брошены кирасирские и уланские полки. Разогнали кавалеристы коней: сторонись — любого сметут с дороги.

Глянул Изюмов и — замер. Замер и тут же забыл о славе. Об одном лишь — как устоять против конных — думает.

А кони все ближе и ближе. Растопчут они солдат. Обрушатся палаши и острые сабли на русские головы. Изюмов даже поежился. Стоял он в самом первом ряду.

— Ружья к бою! Целься. Подпускай на убойный огонь! — раздалась команда.

Вскинул ружье Изюмов. Стрельнул. А что дальше произошло, то точно и не расскажет. Со стороны-то оно виднее.

Стоял Изюмов секунду как столб, а потом вдруг вскинул ружье на манер штыковой атаки и ринулся навстречу французской коннице.

Побежали за ним солдаты. И получилось, что пеший пошел в атаку на конного.

— Ура! — голосит Изюмов.

— Ура! — не смолкают другие солдаты.

Опешили французские кирасиры и уланы. На войне еще не бывало такого. И хотя атаку свою, конечно, они не оставили, однако поколебался как-то у конных дух. А это в сражении главное. Наполовину пропал замах.

Подлетели солдаты к французам, заработали штыками. Чудо творится на поле — пеший конного вдруг побивает. Разгорелся солдатский пыл.

— Братцы, колите коня под брюхо! Бейте француза прикладом, коль штык у кого слетел! — разошелся всю Изюмов.

Французы совсем растерялись. Все реже и реже взмахи французских сабель. Все тише руки удар. Минута — и дрогнут французы. Вот и действительно дрогнули. Дают вразворот коней.

Казалось бы, все. Победа уже одержана. Так нет.

— Братцы, вдогон! — закричал Изюмов.

Побежали солдаты вслед за французами. Пеший за конным бежит по полю. Глянешь — не поверишь своим глазам.

Конечно, лошадиные ноги быстрее солдатских. И все же многим французам русский штык успел продырявить спины.

Даже отстав, солдаты продолжали, как копья, бросать во французов ружья свои со штыками.

Ускакали французы. Подобрали солдаты ружья, стали возвращаться к своим.

Идут солдаты, а навстречу солдатам:

— Героям слава!

— Изюмову слава!

— Храброму честь и почёт!

Обалдели от боя солдаты. Идут, ничего не слышат. Идут, ничего не видят.

Не видят солдаты. Однако мы-то прекрасно видим: птица-слава над ними летит.

«Дайте мне гвардию!»

Возвышенное место у села Шевардино. Здесь, напротив центра русских позиций, ставка Наполеона. Император был одет в серую походную шинель. Сидел на складном стульчике, то и дело смотрел в подзорную трубу. За все долгие часы Бородинской битвы он ни разу не покинул этого места.

Иногда Наполеон поднимался и начинал молча расхаживать из стороны в сторону. В самые напряженные моменты битвы сюда долетали русские ядра. Несколько раз они подкатывались к самым ногам императора. Наполеон не сторонился. Он тихо отталкивал их ногой, будто то были простые камни, помешавшие во время прогулки.

За спиной у Наполеона толпилась свита. За свитой находился военный оркестр. Исполнялись военные марши. За холмом, в низине, стояла французская гвардия — главный резерв императора.

Генералы не узнавали своего императора. Куда-то пропала энергия Наполеона. Он был сумрачен, неразговорчив.

Император не узнавал своих генералов. Никогда он еще не видел столько тревоги на лицах своих подчиненных.

Генералы не узнавали своих солдат. Не то чтобы бились солдаты хуже, нет, геройства хоть отбавляй, да только никак не осилят русских.

Все было не так, как всегда. Много Наполеон одержал великих побед. Не знал себе равных.

Но здесь... Целый день не смолкает битва. А где же победа? Смешно и сказать: сто метров русской земли отбито.

Понимает Наполеон, что изменяет счастье ему военное. Сумрачен император французский.

— А что, если гвардию бросить в бой? — советуют генералы.

Бережет император гвардию. Не решается бросить в бой.

Подлетает к Наполеону маршал Даву:

— Ваше величество, дайте мне гвардию! Я принесу вам победу.

Поводит император отрицательно головой.

Несется к императорской ставке Ней:

— Ваше величество, дайте мне гвардию! Победа, ручаюсь, у ваших ног.

Не дает император гвардию.

Появляется маршал Мюрат, самый любимый французский маршал:

— Дайте мне гвардию!..

Отправляет назад император Мюрата.

Ясно Наполеону, что и гвардия здесь не осилит. А гибель гвардии — верная смерть.

Французы отбили Курганную батарею, но дальше не двинулись. Стоят перед ними России солдаты, не солдаты — стальная стена.

День потухал. Солнце катилось к закату. Отгремели орудия. Кончился бой. Завершился кровавый день. Каждая из сторон осталась на старом месте.

Фили

Маленькая деревня Фили у самой Москвы. Крестьянская изба. Дубовый стол. Дубовые лавки. Образа в углу. Свисает лампада.

В избе за столом собрались русские генералы. Идет военный совет. Нужно решить вопрос: оставить Москву без боя или дать новую битву у стен Москвы?

Легко сказать — оставить Москву! Слова такие по-
жом, топором по русскому сердцу. За битву стоят генералы.

Нелегкий час в жизни Кутузова. Он только что произведен в чин. За Бородинское сражение Кутузов удостоен фельдмаршала. Ему, как старшему, как главнокомандующему, как фельдмаршалу, главное слово: да или нет.

У Бородина не осилили русских французы. Но ведь и русские не осилили. Словом, ничейный бой. Бой хоть ничейный, да как смотреть. Наполеон впервые не разбил армию противника. Русские первыми в мире не уступили Наполеону. Вот почему для русских это победа. Для французов и Наполеона победы нет.

Рвутся в новый бой генералы. Солдаты за новый бой. Что же решить Кутузову?

Сед, умудрен в военных делах Кутузов. Знает он, что на подмогу к Наполеону торопятся войска из-под Витебска, из-под Смоленска. Хоть и изранен француз, да не убит. По-прежнему больше сил у противника.

Новый бой — окончательный бой. Ой как много военного риска! Тут мерь, перемерь, потом только режь. В армии главная ценность. Главное — войско сберечь. Будет армия цела — будет время разбить врага.

Все ждут, что же скажет Кутузов.

Поднялся фельдмаршал с дубового кресла, глянул на генералов.

Ждут генералы.

Посмотрел Кутузов на образа, на лампаду, глянул в оконце на клоч сероватого неба, глянул себе под ноги.

Ждут генералы, Россия ждет.

— С потерей Москвы, — тихо начал Кутузов, — еще не потеряна Россия... Но коль уничтожится армия, погибли Москва и Россия.

Кутузов остановился. В оконце стучалась муха. Под грузным телом фельдмаршала скрипнула половица. Послышался чей-то глубокий вздох. Кутузов поднял седую голову. Увидел лицо атамана Платова. Предательская сле- за ползла по щеке бывшего воина. Фельдмаршал понял: важны не слова, а приказ. Он закончил быстро и твердо:

— Властью, данной мне государем и отечеством, пове- леваю... Повелеваю,— вновь повторил Кутузов, — отступ- ление...

...И вот войска оставляют Москву. Яузский мост. Пону- ро идут солдаты. Подъехал Кутузов. Смотрит на войско. Видят его солдаты. Видят, но делають вид, что не видят. В первый раз ему не кричат «ура».

Глава четвертая

КАКАЯ СЕГОДНЯ ПОГОДА

Ключи

Наполеон подъехал к Поклонной горе. Поднялся конь на бугристое место — взору открылась Москва.

Шедшая за императором гвардия стала тесниться. Ле- зут солдаты вперед.

— Москва! Вот он, конец войне.

И опять, как тогда, при переходе через Неман:

— Слава! Слава! Слава!

— Императору вива!

— Франции вива! — несетя со всех сторон.

Яркое солнце стояло в зените. Город, как чудо, лежал на своих холмах. Золотом крытые маковки церквей и со- боров играли, светили, слепили глаза. Вот оно, русское диво!

Здесь, при въезде в Москву, Наполеон стал ожидать горожан с поклоном. Обычай такой — побежденным клю- чи приносить от города.

Наполеон не может скрыть торжества. Победа достигнута. Сейчас принесут ключи. Не сегодня-завтра русский царь Александр пришлет генералов, запросит мира. С первой славой вернется император в родной Париж.

И солдатам радость глаза закрыла. Смотрят на город: вот где квартиры, вот где отдых — покой, хлеба и мяса горы!

— Императору слава!

— Вива, вива, вива! — не умолкают солдатские крики.

Надел Наполеон любимый парадный наряд — мундир егерей гвардейских. Синий сюртук, белый жилет. В блеске, как хром, лосины.

Ожидает император послов. Важно, как победителю и подобает, взад-вперед по Поклонной ходит. Перчатки то снимет, то снова наденет. Платком проведет по лбу, сунет в карман, снова достанет. Шутка ли сказать — ключи от Москвы... Кому выпадало такое!

Проходит и час, и второй, и больше. Солнце уже не парит. В тучи ушло оно. В погах и спине усталость. Император нахмурил брови:

— Что я — мальчишка? Сколько же можно ждать?!

Вдруг скачут офицеры, что были в Москве в разведке.

— Ваше величество, жителей нет в Москве. За войском ушли горожане.

Сдвинул Наполеон треугольную шляпу:

— Что?!

— Город пуст.

— А ключи?!

Развели офицеры руками.

— Проклятие! — ругнулся Наполеон. Бросил в морду копы перчатки.

Думали французы: в Москве всему делу конец. Ошиблись. Настоящая война только теперь началась.

Костры

Отступив из Москвы, Кутузов повел русскую армию по Рязанской дороге.

Тут же, не дав войскам остановки, вслед за русскими бросился маршал Мюрат.

Понял Наполеон, что Кутузов оставил Москву неспроста. Отдал ее как приманку. В сохранности русская армия.

— Хитрая лиса... Русская бестия! — ругается Наполеон. — Догнать, разгромить, уничтожить!.. — дает он строжайший приказ Мюрату.

Идет Мюрат по пятам Кутузова. Идет день, идет два... Взбивает пыль на Рязанской дороге. Остановится на ночь. Под самым носом полыхают русских биваков костры. Тут она — армия.

Проснутся французы утром — нет русской армии. И снова поход, снова вдогон. Ночью опять костры. Дымятся и слева и справа. Кажется, протяни только руку — и схватишь за горло русских солдат.

А утром опять никакого войска. Лишь головешки в кострах стреляют.

Несколько дней шел Мюрат по Рязанской дороге. Исчезла куда-то русская армия.

И правда исчезла. Отойдя от Москвы неполных два перехода, Кутузов неожиданно повернул всю свою армию резко на юг и проселочными дорогами, заматавая следы, повел ее на Тульскую; передохнул и тронулся дальше, к старой Калужской дороге.

Догоняет Мюрат Кутузова по Рязанской дороге, а в это время русские совсем в другой стороне, обошли полукругом Москву, стоят на Калужской.

Идет Мюрат за ночными огнями. Не может понять, что это военная хитрость. Не армия жжет костры, а всего-навсего два казачьих полка, специально для этого здесь оставленные.

Стараются казаки. Разложат костры. Много костров. И дальше спешат. К новой ночи дрова припасают.

Но скоро раскрылась хитрость Кутузова. Вернулся Мюрат к Наполеону ни с чем.

В страшном гневe император французский. Забыв свой высокий императорский сан, как последний солдат, ругается.

— Куль овсяный!.. Мозги лошадиные!.. — кричит на Мюрата. — Хитрая лиса... Русская бестия! — посылает проклятия Кутузову.

Морем огонь колыхается

Русская армия расположилась южнее Москвы, у села Тарутино.

Кутузов немедленно занялся хозяйственными делами. Армия обтрепалась — надо ее одеть. Наступила осень — о теплой одежде надо подумать. С продовольствием плохо — надо пополнить запасы хлеба.

Много у Кутузова разных дел.

И у Наполеона в Москве не меньше. Не оправдались надежды французов. Ушли, увезли все с собою жители. Нет в Москве ни хлеба, ни мяса. Нечем кормить коней. Лишь вина в погребах без отказа. Напьются солдаты — идет грабеж. А где грабеж, там сразу пожары. Осень сухая. Огню раздолье. Запылал Китай-город, Гостиный двор. В Каретном ряду пожарище. В Охотном ряду пожарище. За Москвой-рекой Балчуг горит. Ночами светло как днем. Наполеон в Московском Кремле. Куда ни глянешь отсюда — огонь и огонь. Морем огонь колыхается.

— Ваше величество, — обеспокоены французские маршалы и генералы, — опасно! Огонь подошел к Кремлю.

Не хочется Наполеону уходить из Кремля. Неловко и стыдно. Только занял Московский Кремль, и вдруг — будь мил, катись восвояси. Медлит Наполеон.

— Ваше величество, спасайтесь! Быстрее к реке... — умоляют императора генералы.

Медлит Наполеон.

— Ваше величество!..

И вот император нехотя надевает сюртук.

Бушует, мечется пламя.

Наполеон сбегает по широкой дворцовой лестнице. «Это дорога в ад», — вспоминает Наполеон слова Коленкура. В злобе кусает губы.

Четыре дня бушевали пожары. К пятому дню — от Москвы пепелище. Не город в руках французов — сплошные развалины.

Хороши дела у русских войск под Тарутином. Провианты сюда подвозят. Меняют солдатам одежду. Лошади пополяют конницу. Отдыхают спокойно солдаты.

Плохи дела в Москве у французов. Есть над чем задуматься Наполеону: «Победитель я или нет? Почему же мира не просят русские?!»

Прходит три томительно долгих недели. Негодует Наполеон:

— Мир, немедленный мир с Россией!

Не дождался император русских послов. Вызывает своего генерал-адъютанта маркиза Лористона:

— В Тарутино, к этой старой лисице — марш!

Какая сегодня погода

Едет маркиз Лористон к Кутузову. Сопровождает его в штаб-квартиру главнокомандующего поручик Орлов. Едет Орлов, говорит о погоде. Так наказал Кутузов. Ни о чем другом, только как о погоде. Это на всякий случай, чтобы офицер случайно секретов каких не выболтал.

Смотрит Лористон на округу:

— Удачные места под Тарутином.

— Погода сегодня хорошая, — отвечает Орлов.

— Говорят, у вас в войсках пополнение?

— Солнце словно бы летнее, а не осеннее, — опять о погоде Орлов.

Удивляется Лористон.

Приехал посол к Кутузову, передал привет от императора, завел разговор. Начал не сразу о мире. А с жалоб на то, что война эта какая-то странная. Нет бы, сражались армии, а то ведь крестьяне вступают в бой. Ведут же бои без правил.

— Простите, но это же лесные разбойники, — говорит Лористон.

«Эге, — думает Кутузов, — молодцы мужички! Видать, хорошо насолили французам». А вслух:

— Ваша правда, генерал. — И вздыхает. — Да, распустились совсем крестьяне. Эка беда... Только ведь я крестьянами не команду.

— Зато казаки — люди военные, — продолжает о своем Лористон. — Но и они правил признавать не хотят.

«Молодцы казаки! — думает Кутузов. — Сбивайте с француза спесь. Шкуру с него сдирайте». А вслух:

— Ох уж эти мне казаки, казаки!.. Я и сам не рад, что они при армии. В степях родились, деликатности не обучены.

Начинает Лористон бранить ополченцев. Мол, больно лютуют.

— Так это не войско, — отвечает Кутузов. — Сегодня они в строю, завтра опять разошлись по селам. Какой с ополченцев спрос!..

А сам про себя: «Молодцы ополченцы!»

Ясна Лористону бесплодность его речей, стал говорить о мире.

Посмотрел Кутузов на Лористона:

— Я хоть сию секунду.

Обрадовался Наполеонов посыльный:

— Вот и наш император желает.

Развел Кутузов руками:

— Только я ведь всего солдат. Хожу под царем и богом.

— Но ваше слово... Ваш сан главнокомандующего...

— Я хоть сегодня, — опять повторил Кутузов. (А сам соорстил в кармане фигу.)

Уехал ни с чем посыльный. Провожает его Орлов, опять говорит о погоде.

Трясется Лористон в седле. Вид унылый, насупился. Рассмеялся Орлов:

— Ба, да оно ведь и вправду, видать, погода сегодня для нас хорошая!

Тарутино

Понял Кутузов после посещения Лористона, что дела у французов плохи. Дал под Тарутином бой.

Опять загрели пушки. Скрестились штыки и сабли. Сила на силу опять пошла.

Проиграли французы бой. 36 пушек досталось русским.

Дня четыре спустя после битвы прапорщик Языков с казачьим отрядом находился в разведке. Обнагтели совсем казаки, к самой Москве подъехали.

Стоят смотрят на спаленный город:

— Вот она, наша страдалища...

Дождик крапает осенний. Хотя и тепло и безветренно. Где-то раздался собачий лай.

— Ты смотри, а говорят — французы псов всех посли!

— Этот хитрый, видать, убежал.

— Да-а, пропала Москва-красавица...

— Дура, о мертвых плачь! Не смертник Москва — отстроится.

Перешептываются казаки. Вдруг слышат — страшный грохот и взрыв долетают из города. Переглянулись допцы, покосились на командира. Любопытство в душе казачьей. Переглянулись, помчались к Москве.

— Эх, была не была! Бог не выдаст — свинья не съест. На то и разведка.

Влетели они в пустынные улицы города. Ни французов, ни жителей. В молчании лежат развалины. Лишь цокот от конских копыт в тишине, как в гробу, отдается. Понеслись всадники к центру. Доскакали до самой Ордынки, почти до Кремля. Нигде не видать французов.

Попался какой-то старик.

— Эй, борода, где басурманы?

— Ушли, ушли из Москвы французы. Ушли поутру, родимые.

Больше месяца пробыл Наполеон в Москве. Ждал император от русских посыльных с миром. Не явились к нему посыльные. Сам послал Лористона. Не привез согласия на мир Лористон. А тут еще бой под Тарутином. Да скоро зима. Да голод идет по армии. Что же, как в мышеловке, сидеть в Москве? Нет, пока есть силы, пока не поздно — скорее домой. Ушли французы бесславно, как тени, из Москвы.

Узнали казаки небывалую повесть, забыли про грохот и взрыв, завернули коней, стрелой понесли долгожданную весть Кутузову.

Потом и про взрыв, конечно, узнали. Злопамятен Наполеон. Мстит за свои неудачи. Приказал, уходя, взорвать, не жалея, Московский Кремль. К счастью, погибло немного. Начавшийся дождь загасил фитили.

— Свершилось. Вот оно, неизбежное... Спасена отныне Россия. — Потом повернулся к селу Тарутину: — Спасибо тебе, Тарутино!

Высший почет

Весть о том, что Наполеон ушел из Москвы, как мяч о стенку, ударяла и отлетала. Верят и не верят в нее солдаты. Нужно верить — не верится,

— Ушел?!

— По собственной воле!

— Не может быть!

— Побожись!

Однако что же тут с правдой спорить. Все тут яснее ясного. Все тут белее белого. Ступай посмотри Москву.

Собрались солдаты в круг, стали хвалить Кутузова:

— Ай да старик Кутузов!

— Кутузов — тертый калач!

— Кутузов — стреляный воробей!

— Провел, обхитрил... Как сурка, Бонапарта из первопрестольной выжил!

Слушает унтер-офицер солдатские разговоры.

— Эй, вы, какой же фельдмаршал вам стреляный воробей?

Смутились солдаты:

— Да это же к слову. Орел наш Кутузов!

Вспоминают солдаты, как уходили тогда из Москвы по Яузскому мосту и не кричали «ура» Кутузову, — сожестно.

Еще роднее, ближе стал им теперь Кутузов. Все норовят увидеть фельдмаршала, исправить свою ошибку.

Куда ни покажется главнокомандующий — всюду «ура» и «ура». Ну, право, хоть сиди под замком в избе, не высовывай нос из штаба.

Но и этого мало солдатам. Собрались, явились к Кутузову:

— Михайла Илларионович, ваша светлость, не гневись на нас, батюшка... Тогда у Москвы-реки...

Прослезился Кутузов:

— Ступайте. Нет в душе обиды. Я и сам бы тогда молчал.

Но опять беспокойны солдаты. Узнали они, что любит фельдмаршал уху с наваром. Куда-то ходили, где-то искали, наловили ему стерлядей. Пусть рыбкой себя побалуует.

— Ух ты, ушица!.. Откуда такая?! — поразился Кутузов.

Не спрашивай. Ешь, поправляйся, фельдмаршал Кутузов! Что ордена, что там награды!.. Высший выпал тебе почет.

Тишка и Минька

Оставив Москву, Наполеон пошел на Калугу. В Калуге — городе, войной не разоренном, французы надеялись пополнить свои припасы. А затем уже свернуть на Смоленск, на Вильно и — вон из России.

Кутузов понял расчет противника и со своей армией стал у него на пути. У города Малого Ярославца разгорелась новая битва. И снова, как при Бородине, сражение длилось с утра до вечера. Упорство и французов и русских было отчаянным.

Выбили французы русских из Малого Ярославца. Начинают атаку русские. Выбили русские французов из Малого Ярославца. Начинают атаку французы. И так восемь раз. Город то и дело из рук переходит в руки.

Малоярославские мальчишки братья-двойняшки Тишка и Минька при первом же штурме французов забились в подвал. Маленькое оконце торчит наружу. Прилипли мальчишки к окну. Хотя и боязно, но интересно.

При подходе французов почти все жители оставили город. Ушли и родители Тишки и Миньки. Они и ребят с собой увели. Только братья от них сбежали. Затерялись в общей толпе и — снова в город. Интересно им посмотреть на вразправдашний бой.

И вот ребята стоят у оконца. Ребята видят все вперые — им все интересно. И как солдаты идут в атаку, и как командиры в бою кричат, и как дым от ружей по улице стелется.

Вначале, когда атаковали французы, бой шел где-то в отдалении. До ребят доносились лишь страшные крики. Потом, когда в город ворвались русские, одна из схваток завязалась на той улице, где стоял дом Тишки и Миньки.

Отряд русских возглавлял молодой офицер. Нарядный, красивый. Брови черные, чуть с изгибом, словно не брови, а ворон раскинул крылья.

Следят ребята за офицером.

— Генерал, — шепчет Минька.

— Молод для генерала, небось поручик, — поправляет братишку Тишка.

Рядом с оконцем произошла жаркая схватка. Солдаты сошлись в штыки.

— Дети! — кричит офицер. — Штык ржавеет без дела. Солдат не солдат без победы. Вперед! — И первым идет в атаку.

Минута — и штыки обагрились кровью. Заалели от ран мундиры. Кровавая лужа натекает на месте боя. Смешалась воедино французская, русская кровь.

Отпрянули от оконца ребята.

— Страшно? — спрашивает Тишка у брата.

— Нет, — отвечает Минька.

Говорит «нет», а руки дрожат. И у Тишки дрожат. Ходун, непослушные, ходят.

Когда они вновь подошли к окну, то бой в этом месте уже окончился. Все стихло. Валялись убитые. А ближе всех лежал молодой офицер. Видят ребята, что офицер штыком при атаке ранен. Лежит и тихо, протяжно стонет.

Переглянулись мальчишки.

— Его бы в подвал, — произнес осторожно Тишка.

— Эге, — согласился Минька.

Однако выйти наружу ребята боятся. Постояли они, постояли, и все же набрались храбрости. Крадучись вышли на улицу. Подхватили офицера под руки, поволокли.

— Тяжелый, — шепчет тихонько Минька.

— Так ведь харч офицерский, — соглашается Тишка.

Втащили они офицера в подвал. И вовремя. На улице снова начался бой. Однако ребята к оконцу уже не ходили. Крутились все время около офицера. Воду ему на голову лили. Тишка от исподней рубашки оторвал, где

почище, клок и приложил к тому месту, где на офицерском боку виднелась рвальная рана.

Офицер метался в жару. Что-то кричал. Утихал, потом припимался снова.

Так было до самого вечера. Так было и ночью. Намучились с ним мальчишки. И вот по соседству загорелись дома. И страшный дым повалил в подвал. Хорошо, что дом, в котором сидели Тишка и Минька, был каменным. Уберегся он от пожара.

Потом началось самое страшное. Малый Ярославцев остался в руках французов. Какие-то солдаты заняли дом. И ребята боялись, что вот-вот доберутся они до подвала.

— Тише, ваше благородие, тише... — уговаривают они офицера.

Офицер словно понимал их, умолкал, а потом снова метался в жару и крике.

К счастью, все обошлось.

Среди ночи ребят свалил беспробудный сон. Очнулись они — солнце уже высоко. Кругом тихо. Подбежали к окошку — кругом безлюдье. Нет, нигде не видать французов.

А произошло вот что. Хоть и остался Малый Ярославцев в руках у французов, да понял Наполеон, что на Калугу ему не прорваться. Впервые в своей жизни император не решился на новый бой. Отдал войскам приказ отступить.

Вылезли ребята из подвала, вышли наружу. Смотрят — в город вступают русские. А вместе с солдатами валят и жители. Вот и Тишкин и Минькин отец идет.

Увидел он сыновей:

— Ах вы разбойники! Ах шелудивые!

Застыли Тишка и Минька. А отец недолго думая снял поясной ремень и тут же, прямо на улице, начал ребят стегать.

Терпят братья-двойняшки. Отец у них строгий. Друго-

го и нечего ждать. Наконец родитель устал, остановился, переводит дух.

— Тять, — полез Тишка, — а там раненый, — указал он рукой на торчащее из-под земли оконце.

— Офицер, — прогнусавил Минька.

Спустился отец в подвал. Верно, не врут ребята. Присмотрелся — лежит молодой полковник.

— Ого!

Побежал отец, доложил кому следует. Пришли санитары, забрали полковника.

А отец снова свернул ремень и продолжил свою расправу. Правда, теперь бил уже не так больно и не столько ругался, сколько ворчал:

— Мать бы хотя пожалели... Ироды вы окаянные!..

Прошло несколько дней. И вдруг отец был вызван в городскую управу, и там ему вручили медаль. К медали был приложен приказ, в котором значилось, что житель города Малого Ярославца Кудинов Иван Михайлович, то есть отец Тишки и Миньки, награждается медалью за спасение жизни русского офицера.

Опешил отец. Стал было объяснять, что тут-то он и ни при чем, что спас офицера не он, а Тишка и Минька. Однако в управе слушать его не стали.

— Кто там спас, разбирайтесь сами. Получил медаль — и ступай, не задерживай.

Вернулся отец домой. Не знает, что с медалью ему и делать. На две доли, что ли, ее рубить.

— Тут вам медаль. Одна на двоих, — заявил он ребятам.

Смотрят Тишка и Минька на медаль. Глазенки горят. Руки к ней сами собой тянутся. Вот бы такую на грудь надеть!

Однако отец у них строгий. Взял и спрятал медаль в ларец.

— Не для баловства подобные штуки, — заявил он сурово.

В ларце медаль и лежала.

Однако дважды в году, в рождество и на пасху, когда всей семьей Кудиновы отправлялись в церковь, отец доставал медаль.

В церковь шел при медали Тишка. Возвращался домой при медали Минька.

Случай, когда не надо было кричать «ура»

— И зачем кричали «ура»? И как оно вырвалось? — сокрушались донские казаки.

— Это Нечипор, Нечипор... Он за это в ответе.

Молодой казак Нечипор Худояк и вправду первым победное крикнул.

На следующий день после битвы у Малого Ярославца Наполеон с небольшой группой офицеров и генералов ехал из штаба к своим войскам.

Едет Наполеон, не торопится. Думы разные в голове. В это время на соседнем холме появился разъезд казацкий. Увидели офицеры и генералы конных, решили, что свой отряд.

А казаки сразу узнали французов. Вскинули пики, галяпом летят к генералам.

— Ура! — кричит Худояк.

— Ура-а! — голосят другие.

Наполеон вздрогнул. Свита пришла в замешательство. Кто-то открыл стрельбу.

Все ближе и ближе лихие донцы. Кони, почуяв удачу, словно не мчат, а летят над полем. Режет утренний воздух тяжелый храп.

У Наполеона мурашки прошли по телу.

— Вот он, конец бесславный...

Сгрудилась, окружила императора свита. Каждый последний момент считает.

Худо пришлось бы французам, да только тут, заслы-

шав пальбу и крики, вдруг на помощь своим явились кирасирские эскадроны. Отогнали они казаков.

Долго не мог Наполеон позабыть об опасной встрече. Бледность долго держалась в лице. Наконец успокоился, вызвал походного лекаря. Приказал он военному эскулапу немедленно же изготовить смертельный яд. Не хотел император живым попадаться в плен. Стал носить в пузырьке отраву.

Теперь более осторожно вели себя офицеры и генералы.

Но больше всех неудачу этого дня переживали русские казаки.

— Упустили... Эхма, упустили!.. И чего кричали «ура»?.. И как оно только вырвалось!

Злая водичка

Как-то во время Бородинской битвы какой-то полковник, бывший в кутузовской свите, потянулся к фляге и выпил глоток-другой.

Заметил Кутузов, и ему захотелось.

— Э-ей, голубчик, подай-ка сюда водицу.

Растерялся полковник. Во фляге была не водица, а чистый спирт. Не нашелся полковник, как же ему ответить, отдал покорно флягу.

Поднес Кутузов флягу к губам, сделал глоток и чуть-чуть не задохнулся.

— Ух ты! — с трудом переводит дух. — Водичка какая злая.

— Так точно! — гаркнул полковник. — Пьем и терпим, ваша светлость.

Хотел фельдмаршал разгневаться на офицера. Однако полковник так ловко ответил, что вдруг остыл, рассмеялся Кутузов. Вернул он владельцу флягу и только пальцем ему погрозил.

Узнали другие офицеры, что Кутузов простил полковника. А у многих во флягах вместо воды были вино или спирт. Осмелели.

Заметил это Кутузов.

И вот снова такой же случай. Теперь уже у Малого Ярославца. Смотрит Кутузов на поле боя. Рядом крутится свита. И снова полковник, не тот, а другой, потянулся к армейской фляге. И снова Кутузов:

— Э-ей, голубчик, подай-ка сюда водицу.

Подбежал полковник, смело протягивает фельдмаршалу флягу. Знает, что нужно ему ответить.

Поднес Кутузов флягу, однако не к губам на сей раз, а к носу. Понюхал:

— Спирт?

— Так точно! — гаркнул полковник. — Пьем и терпим, ваша светлость.

Отбросил Кутузов флягу. Подошел, взял офицера за ухо:

— Э, чужим умишком живешь! Слова чужие повторяешь. Кто разрешил? — Пальцем указал на флягу. — Что тут, питейный дом?!

Строг оказался Кутузов. Для острастки другим тут же приказал отправить полковника в тыл.

Струсили офицеры. Ты смотри, она и вправду водичка злая.

Глава пятая

НЕБО. ПОЛЕ. ПОЛОЗЬЕВ СКРИП

Большие последствия

Еще до того как разгорелась Бородинская битва, в дни, когда русская армия отступала, к князю Петру Багратиону неожиданно явился подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов.

Багратион Давыдова знал давно — когда-то Давыдов служил у него адъютантом, — принял сразу и очень приветливо.

— Ну рассказывай, ну выкладывай. Начальство обидело?

— Нет, — отвечает Давыдов.

— Наградой обойден? В отпуск, наверное, просишься?

— Нет, — отвечает Давыдов.

Поразился Багратион. Ждет, что же скажет ему подполковник.

— Вот какую имею мысль, — начал Давыдов.

И стал говорить о французской армии. Мол, растянулась армия на сотни и сотни верст. От самого Немана через всю Россию тащатся к ней обозы, идут подкрепления, порох, ядра везут.

— Верно, — бросает князь Петр.

— Все время туда и сюда мчатся курьеры с бумагами. Длинный французам путь.

— Так, так... — слушает Багратион. — Нового не открываешь.

— А новое в том, — вдруг заявил Давыдов, — что надо, ваше сиятельство, оставить у Бонапарта в тылу конные наши отряды. Пусть они обозы и мелкие части щупают. Будет немалый урон врагу. Попрошу казаков и гусар — докажу, как возможное.

Пока Давыдов все это говорил, лицо Багратиона светлело, светлело и даже вовсе расплылось в улыбке.

— Молодец! Дай поцелую. — Поцеловал. — Жди.

Багратион тут же пошел к Кутузову. Начал с того, с чего и Давыдов. Мол, французская армия растянулась на сотни и сотни верст... И передал все слово в слово о просьбе Дениса Давыдова.

Выслушал Кутузов Багратиона:

— Фантазии разные...

Кутузов только что принял армию, готовился к бою и берег каждый отряд солдат.

— Ваша светлость,— обиделся Багратион, а был он на редкость вспыльчивым,— фантазии в том, что часто мы собственной выгоды не разумею! — И потом уже тише: — В этом деле есть полный резон. Тут выйдут большие последствия.

— Ну ладно, голубчик, ладно. Я же ведь так. Человек-то надежный твой подполковник? Говоришь, из гусар? Им бы пыль по глазам начальству.

— Надежный, ваша светлость. Пять лет у меня в адъютантах был.

Подумал Кутузов:

— Ладно, может, и вправду дело будет сие значительным.

Распорядился Кутузов выделить Давыдову 50 гусаров и 80 казаков.

Так возник первый партизанский отряд. Русская армия отошла дальше, а Денис Давыдов ушел в леса.

Немало причинили партизаны вреда французам. Фельд-маршал вскоре оценил мудрое предложение Давыдова и теперь уже сам стал отправлять отряды солдат в тыл к неприятелю.

К солдатам все чаще и чаще присоединялись крестьяне. Они и сами создавали свои отряды. Сотни крестьянских отрядов разили теперь врага.

Как в половодье река сокрушает плотину, так и тут — на войне народной — прорвался крестьянский гнев. Спустя два месяца, когда русская армия уже перешла в наступление, Кутузов распорядился вызвать в ставку к себе Давыдова.

Он долго смотрел на гусара. Наконец произнес:

— Тут я как-то при жизни князя Петра называл твой маневр фантазией. Прости старика. Только не думай, что я от слов своих отрекаюсь. То, что свершилось, доподлинно есть фантазия.

И так же, как тогда князь Багратион, подошел и крепко расцеловал Дениса Давыдова.

Туда и обратно

Слухи о доблестных делах партизана Дениса Давыдова катили в русскую армию валом. Один за другим. То обозы с порохом перехватили, то разогнали идущую артиллерийскую часть. То схвачен курьер с бумагами очень ценными, то сам Давыдов в бою отличился — зарубил, как слизнул, четырех французов.

Стал молодой корнет Васильчиков мечтать о том, чтобы и ему попасть к партизанам. Эскадронного командира просил:

— Отпустите к Давыдову!

К полковому начальнику бегал:

— Отпустите к Давыдову!

Однако начальники не отпускают. Подумал корнет, подумал, взял и ушел без разрешения. Правда, оставил записку. Мол, не считайте, что я дезертир. Не могу я — ушел к партизанам.

Стал пробираться он в Гжатский уезд, туда, где были отряды Давыдова.

Едет, думает о Давыдове. Представляется ему партизанский начальник заправским гусаром, в гусарской куртке, в пшурках гусарских, в гусарской шапке с лихим султаном.

Добрался корнет до Гжатска удачно. Разыскал партизанский отряд. Вернее, партизаны у Гжатска его схватили и привели к Давыдову в лагерь.

Глянул корнет на Дениса Давыдова: а где же гусарская куртка, где султан и галун гусарский?! Стоит перед ним настоящий мужик. Борода крестьянская, кафтан крестьянский, даже кушак крестьянский.

Растерялся Васильчиков. Забыл и представиться. Смется Давыдов:

— Честь имею, подполковник Давыдов. Слушаю вас, корнет.

— Васильчиков, — пискнул Васильчиков.

Устал он с дороги, отправился спать.

Уложили его под сосной на шинели, укрыли каким-то рядом. В общем, началась жизнь партизанская.

Утром стал Давыдов его поучать:

— Что важнейшее для партизана?

Разводит корнет руками.

— Внезапность, — отвечает Давыдов. — Какая позиция самая лучшая? — И опять отвечает: — Непрерывность в движении. В чем партизана главная сила? Бить не числом, а умением.

И вот — походы, походы, переходы, ночевки в лесах. То мокнешь под ливнем, то зябнешь от стужи, то спишь на сырой земле. То рано утром с врагами встреча, то поздно вечером негаданный бой, то ночью — уснул — тревога.

Непривычен к такому корнет. Стал он жалеть, что ушел из части. Покрутился еще с неделю, взял и покинул партизанский отряд. Даже записки и той не оставил.

Вернулся Васильчиков в армию.

Еще в те дни, когда он исчез, в армии было целое дело. Самовольство для офицера — серьезная вещь. Доложили тогда Кутузову об уходе корнета.

Доложили теперь о его прибытии.

Выслушал Кутузов, распорядился:

— Наказать за самовольный отъезд. — Потом подумал и строго добавил: — А за то, что вернулся, за это — вдвое.

Награда

Много прославленных имен среди командиров партизанских отрядов: офицер Сеславин, простой крестьянин Герасим Курин, рядовой гусар Федор Потапов, по кличке Самусь, сельский староста Стулов, солдат Еременко, отставной майор Емельянов — в прошлом крепостной крестьянин, ветеран суворовских войн, произведенный за геройство Суворовым в офицеры.

Как-то в какую-то итальянскую часть приехал из шта-

ба Наполеона посыльный. Тут-то зашел разговор еще об одном русском герое, о молодом штабс-капитане артиллерии Александре Самойловиче Фигнере.

Лихость в Фигнере потрясающая. Он и в бою всегда впереди, и в походах не знает усталости, и на расправу с врагом жестокий, он и в разведку без страха ходит.

Фигнер даже в Москву к французам ходил, переодевшись, правда, крестьянином.

Много беспокойства причинил Фигнер со своим партизанским отрядом французам. Слух об отважном штабс-капитане дошел даже до Наполеона. За поимку Фигнера император назначил большую сумму.

Приехавший к итальянцам из наполеоновского штаба офицер привез особую весть: где-то здесь, в местных лесах, скрывается Фигнер.

Заволновались итальянцы. И страшно, и вот бы прославиться — взять и поймать злодея. Вот был бы сюрприз императору! К тому же... награда.

— Поймаем его! — кричат итальянцы. — В наших жилах римская кровь!

Собрались одни офицеры. Рядовых с собой не брали. Не хотели делить богатства.

Подумал посыльный и тоже решил поехать. Интересно, что из того получится. А вдруг...

Тронулись итальянцы. Рыщут они по соседнему лесу. Нет, не видно партизанских примет. Направляются в лес, что подальше. И там все спокойно и тихо. Едут верст за десять в крутые балки. И там неудача.

Не хочется им возвращаться с пустыми руками домой. Да день на исходе. К тому же устали. И есть хочется. И дорога домой неблизкая.

«Да, пора бы домой», — понимает и Наполеонов посыльный. Да только в эту минуту что-то, как назло, за язык его дернуло:

— А не там ли они, вопи за полем, в дубовой роще?
И офицеры о том подумали. Решили:

— Ну ладно, последний заход.

Дотащились они до дубовой рощи. И правда, вот он, свежий след от лошадиных копыт.

Поднялся дух в итальянцах.

— В наших жилах римская кровь! Вперед!

Втянулись они своей офицерской колонной в лес.

И вдруг слева и справа налетели на них партизаны. Крики, свист, стрельба...

Туда итальянцы, сюда, да где там — они в окружении.

Согнали партизаны плененных в кучу. Стоят они, по-итальянски носы повесив. А где же тот, Наполеонов посылный?

Смотрят — стоит он в первом ряду партизан, ручкой им нежненько машет:

— Приветствую вас, господа офицеры! Будем знакомы — штабс-капитан Александр Самойлович Фигнер.

Солдатское превосходительство

В бою под солдатом драгунского полка Ермолаем Четвертаковым была ранена лошадь. Четвертаков попал в плен. Привезли его в Гжатск. Из Гжатска солдат бежал.

Оказался он в тех местах, которые были заняты неприятелем.

Пришел драгун в деревню Басманы. Видит — крестьяне воинственны, французов чумой ругают. Злобой мужик кипит.

Тут-то и пришла Четвертакову мысль поднять крестьян на борьбу с французами, создать партизанский отряд. Заговорил.

И вдруг крестьяне замялись. Мол, неизвестно, откуда прибыл солдат. Как знать, что из того получится.

Лишь один молодой рябоватый парень пошел за драгуном.

Поехали они вместе в деревню Задково там поднимать

крестьян. По дороге встретили двух французов. Убили. Потом еще двоих встретили. И этих прикончили.

— Ух ты! Двое — и вдруг четверых! — подивились крестьяне в Басманах.

— А если четверо — то получится восемь!

— А если восемь — то будет шестнадцать!

Заволновались в Басманах: а вдруг как мужики из Задкова прежде их создадут отряд?

— Давай возвращай драгуна!

— Сами желаем иметь отряд!

Вернулся в Басманы драгун. Извинились сельские жители.

— Не обижайся. Хотели тебя проверить, — схитрили крестьяне, — стоящий ли солдат.

Сразу же более двухсот мужиков дали свое согласие быть у него в отряде. Это стало началом. Вскоре со всей округи свыше четырех тысяч крестьян собралось под командованием Ермолая Четвертакова.

Стал Четвертаков признанным командиром. Порядки в войске завел военные: караулы, дежурства и даже учения. Следил строго, чтобы головы крестьяне держали высоко, животы не распускали.

— Да ты что — полковник? — смеются крестьяне. А сами довольны, что крепкой руки начальник.

— Что там полковник — сам генерал! Ваше превосходительство!

Жили крестьяне по-прежнему в селах. Поднимались они по тревоге, когда возникала нужда...

Едет французский отряд по русской дороге. Обоз, но с большой охраной. Порох доставляет для армии. Коня пушку везут впереди. Это чтобы пугать крестьян, ну и себя, французов, конечно, подбадривать.

Звонят, гудят, переливаются на церковных звонницах колокола. То медью ударят, словно в набат, то трещетно, тонко зальются. Приятно французам слушать.

Вот здесь отгремели. Ушли за бугор — там тоже до-

ревня и церковь. Подхватились и слева и справа. Идет от села к селу перезвон. Эка приятные звуки!..

Продолжают французы свой путь. Слушают звонную прелесть. Идут и не знают того, что это не просто звон — это голос для них прощальный, погребальный, выходит, звон.

Четвертаков использовал церковные перезвоны как сигналы для своих отрядов. Это не только сигналы тревоги. В каждом переливе свои команды. Слушай внимательно — будешь знать, куда идти и где собираться.

Продолжают французы свой путь. А в это время из разных окрестных сел выходят уже отряды. Приказ — собираться сегодня им у ручья, у Егорьевской балки.

Подошли французы к ручью — крестьяне со всех сторон. Несметно. Черно от кафтанов. Конный виден в крестьянских рядах — наверно, начальник.

Скомандовал конный. Бросилось воинство на французский обоз. Растерялись солдаты, что были с пушкой: куда же палить? в какую же сторону? Всюду крестьяне. Стрельнули в конного, в старшего. Да, к счастью, того, перелет.

Быстрел был первый, он же и последний. Не успели французы сунуть новый заряд. Ноги крестьянские быстры, руки проворны и очень цепки. Пушка, обоз и солдаты — все через минуту в крестьянских руках.

Возвращаются партизаны с отважного дела домой. Едет на коне солдат Четвертаков Ермолай... Как там тебя по батюшке? Эх, можно, пожалуй, без батюшки. Ермолай Четвертаков — генерал крестьянский. Его солдатское превосходительство!

Василиса Кожина

Баба есть баба. Впрочем, не всякая.

Василиса Кожина была женой деревенского старосты. По-бабы она проворная. В избе чисто, дети накормлены, скотина в хлеву в довольствии.

Да не только этим Кожина славилась. Муж у нее хоть и староста, да то ли с ленцой, то ли просто не очень проворный мужик. Вот и сложилось так, что по всяким делам крестьяне ходили не к старосте, а к женке ленивого Кожина.

Оказалась старостиха первой в селе фигурой.

Баба она дородная, баба она степенная. И посмотреть на такую приятно, и услышать умный совет.

В общем, довольны крестьяне. Жаль, что женщин в старосты не избирают.

И вот накатила война с французами.

Бегут к Василисе крестьяне:

— Как же нам быть?

— Бить неожиданных, непрошенных, — отвечает им Кожина.

Смотрят мужики на нее недоверчиво: не шутит ли баба?

— Что же мы — войско?

— А где ружья?

— Где сабли?

Короче, впервые совет Василисы был для крестьян ничто. Посмеялись, и только.

Тогда собрала Василиса баб помоложе. Создался женский отряд. Без ружей, без сабель. Вилы, простые рога-тины — вот все, чем богаты бабы.

Уходят крестьянки в соседний лес. Смеются крестьяне:

— Аники-воины!

— Бонапарту схватите в плен!

Впустую, конечно, ходили вначале по лесу бабы. Но вот наступил день, когда поймали они француза. Тянут трофей в село.

Глянули мужики, так и ахнули. Ходят вокруг француза, смотрят, не верят своим глазам:

— Гляди, настоящий!

— С усами!

— И сабля, смотри, была. И ружье!

Висит оно теперь на плече у Кожиной. Сабля у рыжей молодки в руках.

Торжествуют сельские женщины:

— Ага!

— Не верили!

— Вот вам мужская работа!

— Ну, посмотрели? — спросила Кожина. — Теперь собирайтесь, очередь, значит, ваша.

— Подумаешь — раз повезло!

— Скопом штуку одну поймали.

— Ну меньше, ну больше одним — французская армия от этого, что ли, убавится?!

— Дурни! — ругнулась Кожина.

После первой удачи дело у женщин пошло успешнее. Второй, третий, четвертый француз попался.

Ружьишками женщины обзавелись. Василиса Кожина ходит теперь в шинели. Сабля гусарская сбоку висит.

Отводят женщины пленных в уездный город Сычевку. Слава о них гремит.

Задумались теперь мужики. Завидно им, глядя на женщин.

— Эх, зря мы тогда не поверили!

— И нам бы теперь почет.

Пересилили они мужское свое упрямство. Стали являться к Кожиной, проситься в отряд.

— Ну что же, надо подумать, — отвечает с улыбкой им Кожина. — Тут как присудит наш бабий сход.

Сход порешил мужиков принять. Давно ведь женщины этого ждали. Не бабье дело вести войну.

Хоть и не бабье, да все же мало кто из женщин оставил ружья. Огромный теперь отряд. Старшим по-прежнему Кожина. Мужики послушны во всем.

— Приказывай, матушка, слушаем.

— Бей до конца француза! — ныне это единый приказ.

Вот такая она, Василиса Кожина, русская жепщина, храбрая женщина. Ее не то что на место старосты, Кожину хоть в губернаторы назначай, хоть в военный совет сажай.

Опасное место

В белорусских непроходимых лесах под Оршей расположился партизанский отряд — крестьяне из ближних сел. Тут, под Оршей, они воевали, тут же, в лесах, и жили.

В отряде среди других мужичонка, по имени Петрусь, по фамилии Глебка. Он-то и выбрал это место.

— Хорошее место для вас я выбрал, — любит похвастать Глебка. — Можно по французам отсюда ударить, можно и снова сюда утечь!

Так крестьяне и поступали. Ударят по обозу, по небольшому отряду французских солдат или по фуражерам — и снова к себе в леса.

— Нет, все же хорошее место я выбрал, — не унимается Глебка.

А место-то, по правде говоря, было не очень хорошее. Болота кругом да топи. Мошка безжалостно ест. Нет бы выбрать где выше, где суше.

— Зато неприятель сюда не сунется, — рассуждает все тот же Глебка. — Сиди тут, как лыцарь в каменном замке.

— Твой замок — одни болота.

— Болота для нас тут потверже камня, — отбивается Глебка. — А главное, можно всегда утечь. Любому из любого места можно всегда утечь, — философствует Глебка.

И вот однажды крестьяне были напали на какой-то обоз. Да тут подоспела французская полурота, и партизанам пришлось бежать. Добежали они до леса — думали, дальше француз не тронется.

Однако полурота попалась отважная. Гнала она мужиков и дальше, шла по пятам и загнала в такие топи, что стой! Дальше, вперед, ни шагу. Тут, к счастью, спустился вечер. Французы тронуть крестьян не успели. Зато об-

ложили со всех сторон — конечно, кроме той, где болото. Расположились солдаты на ночь. Противник надежно схвачен. Завтра ему конец.

— Ну вот тебе и твой замок! — кричат крестьяне на Глебку. — Лыцарь ты этакий!.. Вот тебе и утечь!..

— Да кто же думал? Француз какой-то чудной попался, — разводит руками Глебка. Он и сам понимает, что делу, поди, конец. Однако для храбрости и себе и другим говорит: — Оно же, болото, не очень топкое.

Попробовали крестьяне — сплошная трясина. Шаг — и сразу по шею, два шага — катись с головой. Хотят они снова ополчиться на Глебку. Нет, не видно, пропал куда-то проклятый Глебка.

— Может, утоп?

А Глебка в это время пробирался все-таки по болоту. Сук у него длиннющий в руках. Щупает им трясину. С кочки на кочку, где бухнет по пояс, где еле удержится, и все же пролез.

С той стороны болота была деревня. Поднял Глебка на ноги мужиков, объяснил поспешно, в чем дело. Набрали крестьяне сена, кладок и досок, пришли к опасному месту, соорудили шаткий настил. По настилу весь партизанский отряд и убрался из-под самого носа французов.

— Ну, говорил я, что можно любому всегда утечь! — опять торжествует Глебка.

Вывались мужики из окружения. Осмелели. Думают, а что, если им самим теперь захватить французов? Мысль озорная, всем нравится.

Обошли крестьяне болото сухими местами, взяли с собой мужиков из местной деревни, послали в другие, чтобы и из тех приходили на помощь. В общем, к рассвету все были на нужном месте.

Проснулись утром французы. Где же крестьяне?! А те у них за спиной. Вот уже и крики слышны, и самодельные пики пущены в ход, рогадины, косы, вилы. Правда, и ружей у мужиков с десятков, и две настоящие сабли. Замета-

лись французы. Одни к трясине — тут их голубит верная смерть. Другие к крестьянам — навстречу им тянутся кося и вилы. Погибли французы.

Довольны крестьяне.

— Ну как?! — смеясь обращаются к Глебке. — А говорил, что любому можно утечь!

Мотя

Отступают французы. Есть хочется. Нечего есть. Бродят французы по русским селам. Рыщут, где бы и чем поживиться.

Не забыта и деревня Ивановка. Недавно побывало здесь двадцать французских солдат. Сегодня явились семеро.

Ходят французы по избам. Пусты закрома крестьянские. Скотина куда-то припрятана.

Явились они к деревенскому старосте, вцепились в белесую бороду:

— Отвечай, где зерно укрыто?

Разводит старик руками:

— Третье лето у нас недород.

— Недород?

— Недород.

Обозлились французы, хлещут старика нагайкой:

— Недород?!

— Недород!

— Ах ты мошенник старый! — кричат французы. — Не желаешь добром, силой сказать заставим.

Схватили солдаты деда. Швырнули, как сноп, на лавку. Теперь уже двое стоят с нагайками.

Крутилась здесь Мотя — внучка упрямого старосты. Жалко ей деда, знает она, где зерно зарыто.

Взлетели над спиной старика, как цепа в обмолот, нагайки. Зажмурилась Мотя:

— Стойте!

Остановились французы, смотрят на Мотю.

— Дедушка хворый. Не бейте. Я покажу.

— Ах ты душа окаянная! — сплюнул старик с досады, потянулся к печному ухвату.

Съежилась Мотя.

— Но, но, — вмешались французы. — А ну собирайся! — командуют Моте.

Собралась девочка. Идет, от обиды и страха всхлипывает. Вывела она французских солдат за околицу. Повела за бугор к оврагу.

Кусты над оврагом. Место укрытое. Поди разыщи здесь зерно без Моти.

Спустились французы в овраг. Отмерила Мотя четыре шага от какой-то коряги, указала:

— Вот здесь.

Отложили солдаты ружья. Сняли мундиры. Лопаты в руки. Довольны французы: близка удача.

— А ну не мешайся! — кричат на Мотю.

Роют французы. Потеют французы. Французы всю стараются.

А в это время там наверху, над краем оврага, из-за кустов высунулась чья-то бородатая голова. Следом за ней другая: улыбнулся Моте безусый парень, глазом хитро моргнул.

Смешно, хихикнуть хотела Мотя. Однако сдержалась.

Зашевелились кусты над оврагом. Поднялись крестьяне в свой полный рост. Один за другим прыгают вниз партизаны.

Минута, другая — вповалку лежат французы. Руки вожжами скручены.

Идут партизаны домой. Гонят солдат французских.

— Эка удачлива ты, Матрена! — хвалит девочку тот бородатый.

— Ахтеры вы с нашим старостой, — хихикает парень.

— Семь штук — дела нешутейные, — рассуждает какой-то мужик.

— Подумаешь, семь! — улыбается Мотя. — Намедни их было двадцать.

Вот и все. Вот и рассказ про деревню Ивановку, про отважную Мотю, Мотю-Матрену — русскую девочку.

Аркан

Наловчились крестьяне села Локотки арканом ловить французов. Спрячутся где-нибудь в кустах при лесной дороге, ждут, не пройдет ли какой отряд. Дождутся — конных ли, пеших. Подстерегут того, кто отстал, — аркан немедля ему на шею. И сразу к себе. Кляп ему в рот, пока тот не вскрикнул. И будь тут здоров, мусье. Как карась, на уду попался.

Как-то снова крестьяне засели на выгодном месте. Вначале была неудача — никто не движется. И вдруг конный отряд рысями. И, как всегда, кто-то сзади. На сей раз рослый, с чубом француз. Подъехал француз к кустам, где притаились крестьяне. Взвился аркан. Полетел наездник с коня. Кляп во рту у него немедленно.

Приволокли мужики француз к себе в Локотки. Дорогой еще пристукнули: уж больно ершистый француз попался, все ногами крестьян пинал.

Положили крестьяне пленного в каком-то хлеву. Притащили воды, плеснули на голову. Вынули кляп. Решили вести в уезд, в Сычевку. Там принимали пленных.

Поднялся француз, как закричит:

— Путаны бороды! Сивые мерины! Рог вам бугаев под самое дыhalo!

Крестьяне так и разинули рты. Икота на иных напала. Кто-то помчался в кусты.

Оказалось, то был не француз, а донской казак из отряда Дениса Давыдова. Казаки специально оделись во французскую форму. Ехали то ли в разведку, то ли еще по какому делу.

Опомнились, пришли, конечно, крестьяне в себя:

— Да откуда мы ведали?

— На лбу не написано.

— Скажи спасибо, что жив остался.

— Глаза поросячьи! Дубы неотесанные! — не утихает казак. — А это что?! — И тычет на чуб казацкий.

Конечно, чубов у французов не было. Да поди разгляди там в такую минуту.

— Ладно, — наконец приостыл казак. — Есть ли чарка у вас вина?

— Это найдется.

Выпил казак, тряхнул плечами:

— Ну, мужички, бывайте! Благодарствую за угощение.

Несколько дней крестьяне не решались выходить на дорогу.

— Ну их, слова не этого схватишь!

А потом опять принялись за дело. Однако теперь осторожнее. Схватят француза крестьяне, смотрят прежде всего на голову — не виден ли чуб казацкий?

В небольшом городке Боровске

Приемный пункт для плененных французов в небольшом городке Боровске. С самого утра начинают тянуться сюда крестьяне. Доставляют свою добычу. Кое-кто приходит и с почи — быстрее бы управиться. Дел у крестьян и помимо французов много.

Вот мужики привели офицера. Вот крестьяне целый отряд пригнали. Две молодухи, смеясь и лужгая семечки, приволокли усатого егеря. Снова какой-то отряд. Старуха с ружьем и два гренадера. А вот припугал мальчишка. Маленький-маленький — мужичок с поготовок. Тоже привел француза.

— Дитятко!

— Родненький!

— Да как ты его довел?!

Топырит мальчонка губы:

— Это уже второй.

— Ух ты!

— Ох ты!

— Да кто же его споймал?

— Я, — отвечает мальчишка.

Собрались крестьяне вокруг. Верят и не верят.

— А ну Расскажи про геройство.

— Дуй!

— Не стесняйся!

— Брешь!

Обиделся было мальчонка. А потом рассказал:

— Мы с дедом его словили. Я и коза.

— Какая еще коза?!

— Манька, бодатая.

Интересно крестьянам.

— Ну, ну, поподробнее!

Оказывается, коза, привязанная к дереву у края дороги, своим видом приманивала поотставших французов, а дед оглушал их дубинкой. Первого даже до смерти.

— Хитры, хитры... — говорят крестьяне.

— Значит, и Манька вроде в героях.

— А дед, ты смотри, мужик еще сильный.

— Сильный, — соглашается мальчик. — Только он при одной ноге. В армии фельдмаршала Суворова при крепости Измаил покалеченный.

— Выходит, солдат. Понятно.

— Ну а вести-то такого тебе не боязно?

— Он же связанный.

— А вдруг побежит.

— Убежит! — усмехнулся мальчонка. — А это вот что? — И показывает на самодельную пилку.

— И ты бы пырнул?!

— Пырнул!

— Ока жестокости сколько в малом! — процедила одна из молодых.

— Да, обозлились сердца, — задумчиво бросил какой-то крестьянин.

— Мне ее дед смастерил, — снова заговорил о пике мальчишка.

— Да что ты все дед да дед? А где же твой отец?

— Убит на войне родитель.

Французская шапка

Агапка мечтал о французской шапке. Той, что носят гвардейцы: из медвежьего меха, с высоким красным султаном и медной бляхой.

Отец у Агапки в партизанском отряде. Раздобыл он в каком-то бою долгожданный гостинец сыну.

— На, получай!

Напялил Агапка — загляденье, не шапка.

Помчался мальчик по сельским улицам. Видят его крестьяне, смеются крестьяне:

— Басурман бежит, глядите!

Повстречались Агапке парни. Улюлюкают парни:

— Лови, окружай француза!

Попался Агапке Шарик: «Тяв-тяв, тяв-тяв!»

— Однако, глупый какой ты, Шарик. Ты что, не узнал Агапку?!

Увидел Агапку гусь. «Га-га-га, га-га-га», — тянет к мальчишке шею.

ОтбилсЯ едва Агапка.

Примчался мальчик к друзьям и приятелям. Окружили его ребята:

— Дай поносить, Агапка.

Жалко Агапке. Шапка с султаном — такую ребятам!

Обозлились мальчишки:

— Француз! Бей, колоти француза!

Достается Агапке. Будь ты проклята, эта шапка!

Ванюшка, Марфутка, Филька и трое других ребят

Собрались ребята, бродили по лесу. Было их шестеро: Ванюшка Валуев, Марфутка, Филька и трое еще ребят. Осень. Ни ягод тебе, ни грибов, ни птичьих гнезд на деревьях. Чем бы сейчас заняться? Вот бы поймать француза.

Размечтались ребята.

Француз здоровенный, конечно, с усами. Лошадиные скулы. Глазищи большие, размером с кулак. Ружье при французе, походная сумка.

Представляют ребята, как ловят французов в плен.

— Заходи! — кричит Ванюшка Валуев. — Окружай! Вали его наземь! Бей дубиной... Руки и ноги ему вяжи...

Ванюшка в компании старший. Исполняют ребята его команды. Вместо француза у них бревно.

Наигрались ребята, идут домой. Смотрят — под елкой, под сивой лапой, лежит настоящий француз.

Бредит солдат, лопочет что-то на своем языке. Глаза у него закрыты. Ружья при французе не видно. Нет и походной сумки. И совсем он безусый. И вовсе не страшный. Мундир весь изодран — сквозь дыры голое тело светит.

— Налетай! — закричал Ванюшка. — Вяжи ему руки и ноги...

Однако ребята не двинулись с места. Да и сам-то Ванюшка крикнул не очень бойко. В общем, пропала вдруг у ребят охота брать француза лежачего в плен. Стоят, перешептываются:

— Помирает, видать, француз.

— Раненый?

— Голод небось измучил.

Стали ребята думать, как же им быть.

— Может, в село донести об этом?

— Правда, давай в село.

Только хотели бежать, да снова задумались.

— На вилы его мужики подымут.

— Топорами приколчат.

Жалко стало ребятам француза. Уж больно он стонет и мечется. Пусть помирает своей смертью.

Вернулись в село, разошлись по домам.

Вошел Ванюшка в избу, на душе как-то тягостно. Все видит, как бредит в лесу француз. Он же с голоду там помирает. Покрутился Ванюшка с час — то на улице, то в огородах, даже к речке специально бегал, — никак не может забыть солдата. Накопец вернулся домой, сунул под одежку краюху хлеба, снова помчался в лес.

Растолкал он француза. Приоткрыл тот глаза. Хотел рвануться с испуга, да слаб — остался на месте. Тычет Ванюшка ему краюху. Увидел солдат, потянулся. Слеза из глаза непростено капнула.

В это время Ванюшка услышал шорохи. Обернулся — мелькнула тряпица. Так это же бежит Марфутка!

Подбежала Марфутка, видит Ванюшку, страшно смутилась: хлеб у нее в руках.

Вслед за Марфуткой явился Филька. За ним и трое других ребят.

Словом, снова ребята вместе в лесу собрались, и каждый еду принес.

С этого дня и стали они приходить к французу. Соорудили ему шалаш, рядом притащили, Марфутка — ниток: зашить мундир.

Завелась у ребят настоящая тайна. В селе — ни гугу. Удивляются их родители. Где пропадают ребята?

— Да так мы... — уклончиво ответил Ванюшка.

— Я на хутор к подружке хожу, — заявит Марфутка.

— Да я тут, я все время у дома, — отвертится Филька.

— Мы в горелки в лесу играем, — скажут трое других ребят.

Стал француз поправляться. Явились как-то ребята. Смотрят — солдат кораблик из дерева выстругал. Весло кормовое и ему отдельно.

— Пате, для вас, — сует француз гостинец ребятам. На следующий день вырезал им человечка. Человечек забавный — руками, ногами дрыгает. Веселит, как живой, ребят.

Стал француз подниматься. Даже ходить.

Явились ребята на третий день — нет в шалаше француз.

Ушел из тех мест солдат. Лишь кораблик и веселого человечка, как память о себе, оставил.

Даже грустно стало ребятам. Вот так взял и ушел, ничего не сказал. Привыкли ребята к француз.

Вернулись домой опять невеселые.

— Да что с вами такое творится?! — пристали снова родители.

Пожались, пожались ребята, а потом рассказали. Вначале Марфутка, затем Филька, затем трое других ребят. Даже Ванюшка и тот признался.

Рассказали про все: и про первую встречу, и про то, как, не сговорившись, хлеб ему потащили, и про слезы, что были тогда у француз в глазах, и как мундир зашивала Марфутка, и как шалаш ему строили. Потом отдельно про кораблик и забавного человечка.

Думали ребята, что будут в селе их ругать.

Однако крестьяне такую весть встретили как-то спокойно. Не журили ребят. А кто-то даже сказал:

— Ну что ж, дай ему, господи, дорогу добрую! Может, и он такой же, как мы, крестьянин.

Поражались ребята. Особенно на следующий день, когда те же самые мужики и в том же самом лесу трех новых француз подняли на вилы.

Шапку об землю

Паслышавшись всяких донесений о действиях крестьянских отрядов, Кутузов решил взглянуть на живых героев.

Под городом Юхновом собрались к нему партизаны. Были всякие: и старые и молодые, подороднее и попроще, кое-кто с боевыми рубцами, и даже один без глаза, и тоже, как у Кутузова, — правого.

Набились крестьяне в избу. Расселись.

Стал угощать их Кутузов чаем. Пьют мужики осторожно, не торопясь, сахар вприкуску. За чаем зашел разговор. Конечно, прежде всего о войне, о французах.

— Французы — народ геройский, — заявляют крестьяне. — Да только духом они слабее. Дал Бонапарт промашку: разве испугом возьмешь Россию!

— Тут Невский еще сказал, — вспомнил безглазый, — прибудешь с мечом, от меча и погибнешь!

— Верно! — шумят крестьяне.

Заговорили затем о Москве.

— Конечно, жалко. Немаленький город. Веками в народе славится. Да разве Москва — Россия? Отстроится город. Была бы жива держава.

Хвалит Кутузов крестьян за смелые стычки с французами.

— Мы что... Нам достается плотвичка. Тут армии первое слово.

Видит Кутузов, неглупый народ собрался. Приятно вести беседу.

— О Денисе Давыдове слышали?

— А как же! И в нашем уезде его отряды. Лихой командир. Зачинатель великого дела.

— Говорят, на Смоленщине женщина видная есть?

— Так это же Кожина, — отвечают крестьяне. — Старостиха Василиса. Гвардейская баба! Мужской хватки.

Вспомнили солдата Четвертакова.

— Природный начальник. Ему б в офицерах положено быть.

Потом как-то — Кутузов и не заметил как — разговор перешел на другое. Заговорили крестьяне про озимые, про

яровые. Про недород на Смоленщине. Потом о барах, и вдруг:

— Михайла Илларионович, ваша светлость, а как насчет воли? Чай, после победы крестьянам ее дадут?

— И как там с землей? — сунулся кто-то.

Не ожидал Кутузов такого. Ну что он скажет крестьянам про волю? Дикость, конечно, в России. Да он ведь только над войском начальник. Сие не ему решать.

Не знает, что и ответить фельдмаршал. Впервые попал впросак.

Ясно крестьянам, что трудный задали вопрос. Не захотели смущать Кутузова, снова вернулись к войне. Да только разговор как-то уже не клеился. Отпустил их Кутузов.

Идут по селу крестьяне:

— Да, воли оно не предвидится.

— И земля, как была, у господ останется.

Замедлил ход вдруг какой-то парень. Скинул он шапку и с силой об землю:

— Только напрасно с французами бьемся! Жизнью своей рискуем.

— Цыц, молоко необсохшее! — выкрикнул тот, безглазый. — Тут вещи не равные — разные. Баре есть баре. Россия — Россия!

Что-то топорщится

Забелело. Выпал недавно снег. Идет по дороге отряд французский. Ремни у солдат подтянуты. Холод, конечно. Одежда летняя. Только холод еще терпим. Голод французов мучает.

Вдруг навстречу сани крестьянские по первопутку. Мужик на саних. Мальчонка лошадкой правит. Бежит лошадедка трусцой. Снег пока неглубокий. Хорош у полозьев накат.

Сани груженные. Что-то рядом укрыто. Что-то такое топорщится. Разметались солдаты:

- Может, хлеба мешки печеного...
- Может, мясо отвозят в город...
- Может, боров рядом укрыт...
- Вот была бы удача!

Смотрят на лошадедку. Лошадедка хоть роста среднего, не кавалерийский, конечно, конь, да неплохо, видать, откормлена. Так и просится прямо с саними в котел. Разгораются страсти солдатские. Криком кричит аппетит.

— Эх, не свернул бы мужик с дороги!

Да нет. Не чувствует беды лошадедка. Не чувствует беды мальчишка. Глухо сидит мужик. Скользят по ухабам сани. Все ближе и ближе. Солдатский спирается дых. Еще минута, и знай что хватай.

И вдруг... Развернулись, как в танце, сани. Хвостом повернулась и французам лошадь. Послушно застыла. Сыркнул мужик на землю. Тянет с саней рядом.

— Берегись! — закричали французы. Схватили поспешно ружья.

Пушка на них глядит.

И вот — запал в руках у крестьянина. Мальчишки восторженный вид. Пламя. Грохот. Картечи свист. Ответно раненых стон протяжный. Дорога в телах побитых.

Дело сделано. Что есть силы летит лошадедка. Небо. Поле. Помогзев скрип.

Басня Крылова

Капитан Ивлев из Петербурга привез газетку, в которой была напечатана басня «Волк на псарне» стихотворца Крылова.

Стали офицеры ее читать:

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.

Далее речь шла о том, как поднялась тревога. И вот уже:

Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огни — кричат; — огня!» Пришли с огнем.

Взмолился волк, увидя свою гибель. Стал хитрить и ловчить. Уверяет, что пришел он сюда вовсе не с целью разбоя. Клянется, что отныне он овцам друг. Что больше никогда трогать мирных отар не станет.

Посмотрел на разбойника ловчий:

...«Послушай-ка, сосед...
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делай мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

— Ба, да это же про французов! — кричат офицеры. — Про нашего главнокомандующего, Михайлу Илларионовича. Он — ловчий. Слышали: «сед». Так это же наш фельд-маршал!

Схватили офицеры газетку, помчались к Кутузову:

— Батюшка, Михайла Илларионович! Басенка тут, в газете, про вашу светлость.

Взял Кутузов газету, не торопясь прочитал.

— Дельная басенка, дельная. Ты смотри — мастак Крылов, стихотворец. Только в сей басне один изъян.

— Нет изъяна! — кричат офицеры. — Все тут доподлинно верно.

— Вот и не все, — ответил Кутузов. — Про главное тут забыто.

Смутились офицеры.

— Главное в том, — произнес фельдмаршал, — что не ловчий выпустил гончих стаю. Мститель сам по себе поднялся.

ПОСЛЕДНИЙ КРИК НАПОЛЕОНА

Рама

Солдат Жорж Мишле шел в Россию с большой охотой: «Россия страна богатая. Немало добра домой привезу». Да что там Мишле, все солдаты в такое верили. Самим императором это обещано.

Стал Мишле припасать богатства. В Смоленске — шубу из горностая. В Вязьме достал дорогие подсвечники. В Гжатске — ковер из памирской шерсти. В Москве в каком-то большом соборе похитил икону в серебряной раме.

Доволен Мишле. Взял бы еще, да тяжесть и так большая. «Ну, — рассуждает Мишле, — теперь пусть русские просят мира. Готов я домой и отбытию».

А русские мира не просят. Что ни день, то французам все хуже и хуже. Лютым местом стала для них Москва.

И вот покатались французы. Дай бог унести из России ноги!

Поспешно стал собираться Мишле. Вещи свои пакует. Ковер из памирской шерсти — в мешок, в ранец солдатский — подсвечники, шубу — поверх мундира. А раму куда? Раму надел на шею. Торчит из нее мародера лицо, словно лицо святого.

Гонят французов русские. Армия бьет. Партизаны в лесах встречают. У дорог стерегут крестьяне.

Быстрым маршем идут французы. Потеет Мишле. Унести такое добро силы нужны немалые. Ранец плечи ему натирает. Рама тяжелая — полпуда в ней серебра, голову низко к дороге клонит. Шуба длинная, полы волочатся — трудно в такой идти.

Отступает французская армия. Неустанно тревожат ее казаки. Кутузов в боях добивает.

Все больше и больше оставших среди французов.

Плетется, как тень, Мишле. Отстает от своих солдат. Силы его покидают. Нужно с добром расставаться.

Дошли до Гжатска. Тут, когда наступали, Мишле раздобыл ковер. Кинул ковер.

Дошли до Вязьмы. Тут достал дорогие подсвечники. Глянул на них. Вытер слезу. Бросил подсвечники.

Дошли до Смоленска — расстался с шубой.

Расстается с вещами Мишле. Жалко до слез добытого. Плачет Мишле. Ружье незаметно бросил, ранец откинул. Однако раму упорно тащит.

— Да брось ты проклятую раму! — кричат упрямцу товарищи.

И рад бы, да не может бросить Мишле. Не в силах Мишле расстаться. Ему богатства же были обещаны. Он, может, в Россию специально шел ради этой серебряной рамы.

Оставили вовсе солдата силы.

Отстал за Смоленском Мишле. Отстал, отбилсЯ и помер в дороге.

Лежит в придорожной канаве рама. Торчит из нее ма-родера лицо, словно лицо святого.

Ружье

Штабной офицер Хитаров, докладывая Кутузову о действиях русской армии, всегда преувеличивал наши успехи.

— Сегодня, ваша светлость, столько-то французских солдат побито. (А побито в два раза меньше.)

— При таком-то деле, ваша светлость, столько-то взято в плен. (А взято дай бог половина.)

Заметил это Кутузов и как-то:

— Выходит, голубчик, мы с одной Бонапартовой армией справились. Почитай, взялись за другую?!

Смутился Хитаров, сбавил свой пыл. Однако прошло какое-то время, и опять за то же:

— Сегодня столько-то пушек у французов отбито. (А их вовсе в этот день не отбито.)

— А партизаны доносят, что три знамени взято в плен. (И тоже, шельмец, придумал.)

Разозлился Кутузов:

— Да как ты, голубчик, смеешь доносить мне, прости старика, столь беспардонную ложь!

И тут-то Хитаров признался:

— Не могу я, ваша светлость! Оно же хочется, чтобы скорее. Чувства во мне говорят патриотические.

Подивился Кутузов:

— Скорее? — Подумал. Позвал адъютанта: — Подай-ка ружье. — Опять повернулся к Хитарову: — А знаешь ли что, голубчик? Чтобы было оно быстрее — на, получай ружье и ступай-ка в маршевый полк немедленно. — И тут же отдал приказ об этом.

Нагайка

Кутузов никогда не расставался с казацкой нагайкой. Висела она у него через плечо, без всякого дела. Коня не стегал, руку на солдат не поднимал. Зачем же тогда нагайка?

Спросит об этом кто-нибудь у Кутузова.

— Пусть повисит, голубчик, пусть, — ответит Кутузов. — Даст бог, дело и ей найдется.

Наступили холода. По-разному одеты в частях солдаты. Там, где интенданты и офицеры заботливы, полки и роты в тепле. Там, где офицеры и интенданты с ленцой, мерзнут, бедуют солдаты.

Как-то приехал Кутузов в полк, где офицеры как раз ленивые. Пошел фельдмаршал по ротам. Явился в одну: одежка солдатская — старь, башмаки ни разу не чинены, форма к зиме не завезена. Посетил Кутузов вторую роту. И в этой роте все точь-в-точь как и в первой. То же самое в третьей роте.

Вернулся Кутузов в полковую избу, собрал офицеров:

— Как живете, господа офицеры?

— Бог милует.

— Как службу несете?

— Стараемся.

— Не холодно вам, господа офицеры?

— Согреты вашим присутствием, — льстиво отвечают ему офицеры.

Усмехнулся Кутузов. Видит, перед ним не только ленивцы, но и хитрецы к тому же отменные. Кряхтя, начинает снимать нагайку.

— Так, так... Ну а солдаты чем же согреты?!

— Победками, ваша светлость! — гаркнули офицеры.

Кутузов остановился, глянул на офицеров. И вдруг передумал, снова надел нагайку. Находчивость офицеров поразила фельдмаршала. Решил он виновных простить.

— Виновны, — признались теперь офицеры, все еще с опаской поглядывая на нагайку. — Будет исполнено.

— Ладно, ступайте, — сказал Кутузов. А сам подумал: «А все же хорошо, что нагайка висит. Гляжу, она и без дела инструмент небесполезный».

Рукавички

В русскую армию в виде пожертвований от населения стали поступать теплые вещи. Раскрывали в гренадерском полку посылку: три пары валяных сапог, шапка-ушанка, шапка крестьянская — малахай, поддевка, еще раз поддевка, портянок суконных, считай, десяток.

— А это что?

Смотрят солдаты — лежат рукавички. Маленькие-маленькие. Из козьего меха. Узором цветным расшиты. Детские.

Вот так тебе подарок!

Посылка пришла из-под Вологды.

Собирали крестьяне солдатский гостинец. Тащили свое добро.

- Солдату тепло как родная мамка.
- Солдату память вещей дороже.
- Не жалея, мужички, служивым!
- Как не помочь героям!

Крутилась девочка Маша Докукина. Не хочется ей отставать от других. И она горой за служивых. Взяла и сунула рукавички.

Достали солдаты гостинец. Не знают они про Машу. Решают: видать, по ошибке.

Однако нашелся умный солдат:

— Нет здесь ошибки. Давай-ка сюда.

Отдали ему гостинец.

Принял солдат. И сразу про дом, про деревню вспомнил, про жену и своих ребят.

Интересуются другие:

— Ну, как рукавички?

— Хороши,— отвечает солдат.

Хоть и в кармане лежат рукавички, да греют они солдата.

Ротный

На полпути между Смоленском и Оршей, под селением Красным, разгорелась новая битва с французами. Продолжалась битва четыре дня.

Началось с того, что французская гвардия потеснила отряды русских. А какая-то рота и вовсе оказалась в кругу французов. Гвардия слева, гвардия справа, неприятель сзади и впереди. В роте три офицера. Старший из них — ротный — в перестрелке убит.

Расстроилась рота. Не слышат команд солдаты.

Нет бы оставшимся офицерам взять на себя начальство. Да, видимо, оба они растерялись.

Остались солдаты без старшего. Рассыпались в разные

стороны. Ожидает гибель солдат. Как тисками, будут они раздавлены. А еще хуже — позорный плен.

И вдруг вышел вперед солдат Семен Перегудов:

— Братцы, стой! Братцы, не трус! Братцы, слушай мою команду!

Кричал Перегудов громко. Роста был он приметного. Различили его солдаты. Тут же собрались в кучу.

— Братцы! — кричит Перегудов. — Бей в одно место. Все разом. Ломись, как в закрытую дверь! На гвардию сыщется гвардия. Братцы, вперед! — И первым полез на французов.

Бросились вслед солдаты. И вправду пробились. Не то чтобы дверь — ворота чугунные вынесли б.

Вернулись солдаты к своим.

— Живы?!

— Да как вас господь помиловал?!

Смеются солдаты:

— Перегудова нам послал!

Узнал Кутузов про доблестный подвиг солдата:

— Командовал ротой?

— Так точно. Роту из плена спас.

Подумал Кутузов, назначил солдата и впредь командовать ротой.

Говорят фельдмаршалу адъютанты: мол, в роте и так офицеры есть. Им бы по праву вместо солдата пойти в повышение, раз так уж случилось, что ротный начальник в бою был убит.

— Ах, и офицеры в той роте были?!

— Так точно, ваша светлость. Были и есть...

— Нет, были, — прервал Кутузов — Нынче нет таких офицеров. Остались они в окружении.

Как так?! Не могут понять адъютанты. Офицеры же вместе со всеми вернулись.

— Нет, — повторил Кутузов. — Вернулся лишь один офицер — Семен Перегудов. А те не вернулись. — И по-

правил повязку, что прикрывала правый, выбитый пулей глаз.

Четыре дня продолжались бои под Красным. На пятый день французы бежали.

Казаки хотят жениться

Когда казаки не схватили Наполеона под Малым Ярославцем, свою неудачу переживали не только они.

Сокрушался и сам донской атаман генерал Платов. Лестно ему, если бы вдруг такое случилось.

Решал атаман раззадорить своих казаков. Пообещал он за того из них, кто поймает Наполеона, выдать дочь свою и богатства большие в придачу.

Дочь у атамана красавица. Стройна и румяна. Соловьиным голосом песни поет. Живет в столице войска донского — городе Новочеркасске. В Питере часто бывает. С самой царницей знакомство водит.

— Вот бы на ком жениться!

Взыграла казацкая лихость. Рыщут вокруг отступающих войск казаки, ищут свою удачу.

Только Наполеон не щегол, не белка. В силки не поймаешь. Орехом не подзовешь. Отходит Наполеон под защитой гвардии — поди подступишься.

Нет, не видать казакам невесты, остывает казацкий пыл.

Понимает Платов, что малоярославская удача не повторится. Подумал и сбавил.

— Ладно, приведите любого французского маршала.

Опять казаки за дело. Целыми днями в седле трясутся — где бы маршал какой попался.

Да ведь и маршалы тоже не перепелки. По полю одни не ходят. Трудна, непосильна такая задача.

И вдруг под городом Красным казаки набрали на обоз Даву.

Налетели со всех сторон. Окружили, побили стражу.

А где же хозяин? Смотрят: вот он в кибитке — маршал и маршалский жезл. Схватили, торопятся к Платову.

Сияет казак Самодвига. Он первым схватил Даву. То-то будет донцу награда.

Примчались удачники к Платову. Глянул Платов на жезл — настоящий маршалский жезл. Все верно — его, Даву.

Жезл настоящий, а маршал поддельный. Не было Даву тогда при обозе. Приволокли казаки кого-то другого.

— Тыфу ты! — В досаде казацкие лица. Выходит, ничто старание.

Пуще всех огорчен Самодвига. Из-под носа ушла невеста. Чуть не плачет лихой казак.

— Атаман, Матвей Иванович! Поцеловать бы хотя красавицу...

Глянул Платов на казака. Жезл достать — дело тоже геройское.

— Ладно. Воротаясь из похода.

Однако не пришлось молодцу целоваться с донской красавицей. Через день казака убило.

Казак погиб, а жезл сохранился. Он и ныне в музее храним, как память о днях героических.

«Счастье имею»

Начальником штаба при Кутузове был генерал Беннигсен. Намучился с ним Кутузов.

Кутузов скажет одно — Беннигсен, словно назло, другое. Кутузов ругает кого-нибудь из офицеров — Беннигсен берет под защиту. Главнокомандующий награждает — начальник штаба чинит помехи.

Но главное было не в этом, а в том, что Беннигсен не столько помогал, сколько мешал успешным и правильным действиям русской армии.

То он настаивал, чтобы Кутузов сразу же после Бородина дал новую битву французам, Мол, нельзя оставлять

Москвы. А дать битву — значило не видеть дальше своего носа, не думать о будущем. Таким и был Беннигсен.

Потом, когда только что отошли от Москвы, еще до Тарутина, Беннигсен снова за битву. Мол, смотрите, какой он, Беннигсен, великий патриот — так и рвется в бой с неприятелем. А о том, удачно ли место для боя и пора ли его давать, генерал и не думает. Честно говоря, генералом он был просто неважным.

Тут Кутузов впервые по-настоящему разозлился.

— Ладно, — говорит, — принимайте командование. А я уйду в рядовые. Берите весь штаб, ступайте ищите место для боя.

Обрадовался Беннигсен, собрал генералов, помчался высматривать место для битвы.

Выбрал одно.

— Нет, — говорят генералы, — место плохое.

Выбрал новое место.

— Нет, — говорят генералы, — место совсем непригодное.

Выбрал третье, и это не лучше.

Ездил, ездил Беннигсен по разным местам, замучил штабных генералов. Нет ничего подходящего.

Вернулся понурый назад.

— Ну как? — спрашивает Кутузов.

Разводят генералы руками. Стоит Беннигсен сконфужен.

— В таком случае я снова главный, — сказал Кутузов. — Будьте добры, выполняйте мои приказы.

Все знали, что Беннигсен просто завидует главнокомандующему. Отсюда во всем упрямство. Не любили в армии генерала. Зато Беннигсен был любимцем царя. Царь же ненавидел Кутузова. Он и назначил-то Кутузова на пост главнокомандующего лишь потому, что другого выхода не было, не имелось в русской армии второго равного Кутузову генерала. Весь народ тогда стал за Кутузова.

Зная отношение Александра к фельдмаршалу, Беннигсен писал царю на Кутузова разные недобрые письма — короче, шпионил и наговаривал.

Под Красным терпение Кутузова лопнуло. Вызвал он Беннигсена:

— Генерал, у вас бледность я замечаю в лице. Вы болезнью какой-то страдаете.

«Какая бледность, какая болезнь?» — удивляется Беннигсен. Он и румян, и здоров, и аппетит у него хороший.

— Здоров я, ваша светлость.

— Нет, нет. Это вам кажется, — отвечает Кутузов. — Вам лечиться, батенька, надобно. Непременно лечиться. Немедля, прямо сейчас. Сию же минуту. Поезжайте-ка, друг мой, в Калугу. Там воздух для вас полезный.

И отправил его в Калугу. Тут же позвал адъютанта, потребовал лист бумаги и сел писать письмо государю.

«По случаю болезненных припадков генерала Беннигсена и по разным другим обстоятельствам, — писал Кутузов, — предписал я ему отправиться в город Калугу... — Фельдмаршал задумался. Написал: — О чем счастье имею вашему величеству донести».

В то время, обращаясь к царю, обычно писали «счастье имею» (мол, обратиться к вам). Вот и использовал Кутузов такую форму. А сам, конечно, имел в виду другое. Фельдмаршал был счастлив, что выпроводил наконец Беннигсена. Пусть себе ломает царь Александр голову, о каком тут счастье ведется речь.

Четыре гусара

Четыре гусара. Веселых гусара. Четыре друга отправились в русский поход. Смеялись гусары, шутили гусары:

— Подумаешь, русский поход!

Прошли они Неман, в Витебске бились, блуждали в смоленском огне.

Смеются гусары:

— Война есть война!

На Багратионовы лазили флешы.

Шутят гусары:

— Флешы есть флешы!

Однако время не знало шуток. Грозный приблизился час. Побежали французы домой.

Не унывают гусары. Четыре гусара. Веселых гусара. Старинных четыре друга.

— Домой так домой!

Голод пошел по войску. Крошки съестного нет.

— Что нам голод! — смеются гусары. Принялись есть лошадей.

Съели первую.

Трое едут — четвертый идет пешком.

Съели вторую.

Двое едут — двое идут пешком.

Съели третью.

Один едет — трое идут пешком.

Съеден последний конь. Остались они безлошадными.

Идут, не унывают гусары. Четыре гусара. Веселых гусара. Четыре надежных друга.

Однако чем дальше, тем хуже и хуже. Голод есть голод. Истомились мои гусары — хоть кости свои глодай.

Переглянулись гусары. Прошла минута. Прошла другая. Может быть, больше. Кто их тогда считал?

И вдруг исчезли, пропали, как сон, гусары. Словно и вовсе их свет не видал.

Что за чудо?! Где же гусары? Четыре гусара. Веселых гусара. Верных четыре друга...

Изысканные манеры

Отступает французская армия. Снегом весенним тает. Редеют полки, исчезают роты. В батальонах — по двадцать душ.

После Красного без оглядки бежит неприятель.

Река на пути французов. Белорусских полей красавица, знаменитая Березина.

Берега низкие, ровные. Далекий открытый вид. Снегом поля занесены. Правда, река еще не замерзла. Льдины, как стаи, плывут.

Подошли, остановились французы. Надо строить мосты.

К Березине вместе с другими прибыл и Поль Шайно. Вот как сложилась судьба француза.

В России в те годы среди богатых дворян было модным приглашать для воспитания своих детей иностранцев. Чаще всего французов. У них манеры изысканны. Язык французский певучий. «Мсье и пардон, бонжур и плезиr»¹ — вот какие слова приятные. Потянулся в Россию разный жадный на деньги люд. Брали всех без разбора — лишь бы француз. Явился и Поль Шайно. Был каретником он в Париже. В России стал гувернером.

Неплохо Шайно устроился. Сыт, обут, деньги хорошие платят. Живет под Смоленском в имении князя Нарышкина.

И вдруг война. Наступают французы. Победа идет за победой. Подумал Шайно: «Э, в такую минуту лучше быть в армии. Так скорее богатым станешь».

Вступил он во французскую армию. А так как солдатскому делу Шайно был не очень обучен, определили его в обзв. «Это ничего, — рассуждает француз. — Тут даже оно спокойнее. Будет к тому же богатства на чем везти». В общем, стал он опять каретником.

Приехал Шайно в Москву. А что случилось дальше, вам уже хорошо известно. Покатались французы вспять.

— Э, — соображает обозник, — дело недобрым пах-

---

¹ Мсье, пардон, бонжур, плезиr—господин, простите, здравствуйте, удовольствие (*франц.*).

нет». Взял и сбежал он из армии. Снова вернулся к себе под Смоленск. «Ну что ж, опять губернатором буду».

Да только ошибся Шайно. Встретили барские крестьяне его немилу. Чуть не убили. Пришлось французу брать ноги в руки, иными словами — бежать. У Березины и догнал он ушедшую армию. Строят французы мосты. Сидит Шайно дожидается. Скорей бы на правый берег.

Сгрудились у Березины остатки французской армии: недобитая гвардия, уцелевшие при кое-каких корпусах обозы, тысячи раненых, тысячи пообмороженных. Стопились солдаты, ждут.

И вот началась переправа. Мосты построены наспех. На чем только держатся! Доски шатаются. Перил — тех и вовсе нет.

Все жмутся к мостам. Все хотели бы в первую очередь. Да нет, пропускают вначале гвардию. Затем отбирают наиболее годных для боя солдат. Остальные пока дождитесь. Идут по мостам солдаты, торопятся. Срываются крайние в воду. Моржами средь льдин ныряют.

Лезет на мост Шайно. Отгоняют его солдаты:

— Куда!

В наряде Шайно гражданском.

— Куда!!!

— Я же француз! — голосит Шайно. — Я же ваш подданный. Я же солдат.

Не признают, не пропускают его солдаты.

В это время французов настигла русская армия. Наполеон отдал приказ немедля же сжечь мосты. Бросить остатки армии. Полыхнули мосты пожарищем. Остался Шайно и другие ни с чем.

Заметался Шайно, подлетает к русским:

— Я же ваш! Я гражданский... Я губернатор у князя Нарышкина.

Усмехнулись солдаты:

— Раз губернатор, так зачем же ты здесь!

Подняли ружья. Рванулся Шайно — и в воду с разбегу прыг. Где он погиб, никому не известно. Ближе к тому, ближе ли к этому берегу. Только не выплыл к своим француз.

Много французов тогда погибло. И здесь, на земле, и там, в реке. В знаменитой Березине, белорусских полей красавице.

...На следующий день ударили страшной силы морозы.

Два гренадера

Лютует, лютует, лютует мороз. Страхи кругом летают. Сугробы — белым-бело — небо с землей ровняют. Ветер бьет шомполами по полю. Нелегкая выдалась доля: отбились от армии два гренадера. Сидят под сосной, замерзают.

Одеты солдаты во что попало. Давно обтрепались мундиры.

Продувает метель солдат. Мороз как штыком пыряет.

Замерзают, кончают свой век солдаты. Замерзая, вздыхают солдаты:

— Когда бы не эти метели...

— Когда бы не эти морозы...

И вдруг утихли метели. Пропали морозы. Зажурчали ручьи и реки. Солнце огнем взошло. Расправили плечи солдаты. Лица — под солнечный жар. Опалило солдатскую кожу. До боли в костях обожгло. Открыли глаза солдаты. Да это же ветер лютует и снег.

Снова вздыхают солдаты:

— Когда бы не лютый голод...

— Когда бы краюха хлеба...

И вдруг словно скатерть пришла самобранка. Под сосной у солдат еда. Хлеб, что в печке, румян набрался. Из котла вылезает каша. Сала огромный кус.

Рванулись к еде солдаты. Замерзшие тянут пальцы. Ледяная крупа в руках.

Снова вздыхают солдаты:

— Когда бы не русская сила...

— Когда бы не этот поход...

— Будь проклят! — кричат императору.

И вдруг из бури, из ночи-тумана бесшумно является Наполеон. Шляпа горбом — треуголка. Серый знакомый сюртук. Он глазами сурово поводит. Брови плывут к облакам.

Вскочили солдаты. Застыли солдаты.

Приблизился к ним император. По лицам наотмашь бьет.

Встрепнулись солдаты. Исчезла привычная шляпа. Не виден знакомый сюртук. То ветер гуляет по полю. Лица солдатские бьет.

Упали на снег солдаты. Буря кругом лютует.

Все реже и реже солдатские вздохи. Слова на губах замирают. Отбились от армии два гренадера. Лежат под сосной, замерзают.

Свадьба

В каком-то селе под Сморгонью Кутузов попал на крестьянскую свадьбу.

Пригласили — не отказался.

Изба-пятистенка. Столы и лавки в длиннющий ряд. Место для плясок. Ведра с рассолом — для тех, кто начнет хмелеть. В ярких одеждах гости. Жених в рубаше небесного цвета. В розовых лентах невестин наряд.

Сидят молодые. Рядом Кутузов.

Вот так невидаль в русской деревне! Свадьба не то чтобы с каким генералом, а прямо с самим фельдмаршалом!

Вкруг избы все село собралось. Буйно идет веселье. Пьют за невесту.

— За жениховье здоровье!

— Горько, горько! — кричат крестьяне.

Целуются молодые.

Идут полновехие чары:

— За то, чтобы полная чаша в доме!

— За здоровье отца псевесты!

— За женихова родителя!

— За матерей! (И разом, и по отдельности.)

И вдруг:

— За сго светлость фельдмаршала князя Кутузова!

Поднялся Кутузов с почетного места:

— Увольте, увольте! Я не жених. — И сам подымает чару: — За матушку нашу — Россию! За богатырский народ!

— За Россию! — кричат крестьяне.

Вернулся Кутузов в штаб свой с веселья. Окружили его генералы.

— Ваша светлость, вам ли по свадьбам мужицким ездить, здоровье свое не беречь? — И в адрес крестьян с укоризной: — Война кругом полыхает, а им хоть бы что, свадьбы себе играют. Как-то оно не совсем прилично.

— Прилично, прилично, — ответил Кутузов. — К мирной жизни народ стремится. Чует конец войне. Мир, а не бой; жизнь, а не смерть исконно в душе россиянина.

В лесу на поляне

В лесу на поляне, меж сосен и елей, присмотрели солдаты отличное место. К ночлегу готовятся русские.

Мороз. Без малого тридцать. Утоптали солдаты сугробы, отбросали от центра снег. Навалили огромных бревен. Пожаром дыхнул костер. Пламя мороз съедает.

Греют солдаты спины, греют солдаты руки, шипели, развесив, сушат.

Сварили солдаты щи, приготовили кашу. Достали ложки, уселись есть.

А в это время в той же округе блуждали по лесу, сбившись с дороги, остатки какой-то французской промерзшей, голодной роты.

Огонь приманил французов. Вышли они к поляне. Застыли при виде костра и каши. Желудки готовы прыгнуть наружу.

Не удержался какой-то солдат. Бросился к русским. Миску схватил у крайнего и кинулся снова в лес. Однако увяз в сугробе. Схватили его солдаты, притащили к огню.

Француз тощий. Кожа да кости. Лишь глаза, как у зверя, огнем горят.

— Тыфу, басурман, лишь кашу мою испортил! — ругнулся тот, что лишился миски.

— Ладно, Куняев, в Париже отдаст, — шуткой ответил кто-то.

То ли больно жалкий вид у голодного, то ли от огня размякли сердца солдатские, то ли чувствуют — конец войне, только не тронули наши француза.

Усадили его к костру, дали миску и ложку.

— На, наедайся.

— Откуда ты взялся?

— Как леший тебя не съел?

Уплетает солдатскую кашу француз, как удав, не жуя, глотает. А сам в сторону леса рукою тычет.

Смотрят туда солдаты. Не видно им ничего — от огня в темноту. А из леса французам видно. Видят они, что русские пленного не обижают. Смелый опять нашелся. За ним третий, четвертый, пятый... Потянулись французы к костру.

Разглядели их русские. Батюшки светы! Не люди идут, а тени. А одежонка!.. Один, как священник, в поповской рясе. Другой по-бабьи в платок укутан. У третьего ноги, что куль, в рогожах. Четвертый, как конь, в попоне.

Поднялись солдаты. Что им с такими делать?

— Ладно, садись к огню!

— У, да вас тут человек пятнадцать!

— Может, и сам император из леса за вами выйдет?! — снова шутку роняет кто-то.

Накормили врагов солдаты. Что-то лопочут французы. Что — не поймешь. Небось говорят спасибо.

Утром солдаты стали решать, что им с пришельцами делать. Как их считать? Казалось — за пленных. Да они же по собственной воле. Взять таких — какое же тут геройство!

Решали солдаты, решали.

— А ну их, пускай-ка себе идут!

Сообщают они французам.

Не уходят французы — не верят.

— Да ступайте, ступайте!.. Лежачего русский не бьет!

— Куа? Куа? ¹ — лопочут французы. Не верят в такое чудо.

Поднялся тогда Куняев, тот, чью кашу француз похитил:

— Да катитесь, мусью проклятые! Не стойте. Не злите солдатскую кровь. — И ругнулся. Да так, что французы сразу все поняли.

Подхватили они попоны свои и рясы:

— Мерси, гран мерси... ² — И подальше от этого места.

Уходят остатки французской, чудом уцелевшей в России роты.

— Да, — переглянулись солдаты. — Выходит, и вправду близок конец войне.

Новый поход

1812 год. Декабрь. Неман. Граница России. Тот же мост, что летом полгода назад.

Вышли русские к Неману, остановились. Вот он, конец похода.

— Выходит, жива Россия!

---

¹ Куа? — Что? (франц.)

² Мерси, гран мерси — спасибо, большое спасибо (франц.).

— Жива, — произнес седоусый капрал.

Смотрят солдаты — капрал знакомый.

— Ба, да не ты ли нам сказку тогда рассказывал?

— Я, — отвечает капрал.

— Значит, вырос телок в сохатого, — смеются солдаты. — Копытом злодея насмерть!

— Выходит, что так.

Легко на душе солдата — исполнен солдатский долг.

Стоят солдаты над обрывом, вспоминают былое время. Витебский бой, бои под Смоленском, жуткий день Бородинской сечи, пожар Москвы... Да, нелегко был путь к победе. Будут ли помнить дела потомки?.. Немало пролило русской крови. Многих не счесть в живых.

Взгрустнулось чуть-чуть солдатам. Поминают своих товарищей. И радостен день, и печален.

В это время сюда же, к реке, подъехал со свитой Кутузов.

— Ура-а! — закричали солдаты.

— Спасителю отечества слава!

Поклонился Кутузов солдатам:

— Героям отечества слава! Солдату русскому слава!

Потом подъехал поближе к солдатам:

— Устали?

— Устали, — признались солдаты. — Да ведь оно же конец похода.

— Нет, — говорит Кутузов. — Вам новый еще поход.

Смутились солдаты. К чему фельдмаршал клонит? А сами:

— Радые стараться! — Так армейский устав велит.

Отъехал Кутузов на видное место. Обвел он глазами войска. И голосом зычным (куда стариковская хрип девалась!):

— Герои Витебска, герои Смоленска, соколы Тарутина и Ярославца, Бородинского поля орлы — незабвенные дети России! — Кутузов приподнялся в седле. — Живые, мертвые — стройся! Героям новый поход — в века!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
КАПИТАН БОМБАРДИРСКОЙ РОТЫ	6
О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ	72
ПТИЦА-СЛАВА	166

Алексеев С. П.
 А47 Птица-слава: Повести из русской военной истории. — М.: Воениздат, 1982. — 296 с. — (Библиотека юного патриота).

В пер.: 55 к.

В книгу вошли короткие повести о подвигах русских солдат, о военных реформах Петра I, о полководческой деятельности великих русских полководцев Александра Суворова и Михаила Кутузова, о блистательных походах и победах суворовских чудо-богатырей, об Отечественной войне 1812 года и о народном подвиге в этой войне.

Автор Сергей Петрович Алексеев — известный советский писатель, лауреат Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола.

Книга рассчитана на массового читателя.

А 70302-029
 068(02)-82 — 120.82.4702010200.

ББК 84Р7
Р2

Сергей Петрович Алексеев

ПТИЦА-СЛАВА

Повести. Библиотека юного патриота

Редактор *М. И. Ильин*

Художественный редактор *Е. В. Поляков*

Художник *А. Я. Салтанов*

Технический редактор *Е. К. Коновалова*

Корректор *Г. С. Бедненко*

ИБ № 1948

Сдано в набор 13.04.81. Подписано в печать 10.09.81. Г-42855.

Формат 70×108/32 Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов.

Течать высокая. Печ. л. 9¼. Усл. печ. л. 12,95. Усл.-кр. отт. 12,95.

Уч.-изд. л. 13 14. Тираж 100 000 экз. Цена 55 к.

Изд. № 4/7465. Зак 861.

Воениздат

103160, Москва, К-160

Набрано в 1-й типографии Воениздата

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Отпечатано с матриц во 2-й типографии Воениздата,

191065, Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

ПТИЦА—СЛАВА